

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений

Кафедра международных отношений и
регионоведения

Воронежское отделение
Российской ассоциации исследователей
Иbero-Американского мира

Научное общество факультета международных
отношений

М.В. Кирчанов

ORDEM E PROGRESSO

память и идентичность, лояльность и
протест в Латинской Америке

Воронеж
2008

удк 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ббк 66.1 (66.5) / 83.3
к 436

Научный редактор: проф., д. полит. н., заведующий кафедрой международных отношений и регионоведения факультета международных отношений ВГУ А.А. Слинко

Рецензенты:

к.и.н., доцент Дм. Офицеров-Бельский
Пермский государственный университет

Печатается по решению Ученого Совета факультета международных отношений Воронежского государственного университета – план научных публикаций 2008 года. Издается в авторской редакции.

Кирчанов М.В.

К 436 *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – 217 с.

Kirchanoff M.W.

К 436 *Ordem e progresso: memory and identity, loyalty and protest in Latin America* / M.W. Kirchanoff. – Voronezh: Department of International Relations of VSU, 2008. – 217 p.

В центре настоящего авторского сборника оригинальных, ранее неопубликованных, статей – проблемы национализма и идентичности в ряде стран Латинской Америки. Автор анализирует различные идентичностные дискурсы и проекты, которые нашли свое отражение, главным образом, в истории Бразилии. Для студентов и аспирантов, изучающих политические науки, литературу и историю, а так же для всех интересующихся историей Южной Америки.

удк 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ббк 66.1 (66.5) / 83.3
к 436

© Кирчанов М.В., 2008

© Факультет международных отношений, 2008

© Воронежское отделение Российской ассоциации исследователей Иbero-Американского мира, 2008

БЛАГОДАРНОСТЬ

AGRADECIMENTOS

ACKNOWLEDGMENTS

Автор благодарен нескольким коллегам, без которых эта книга могла быть не написанной вовсе или выглядела бы совершенно иначе.

Я хочу поблагодарить: декана факультета международных отношений Воронежского государственного университета, профессора, доктора экономических наук О.Н. Беленова за понимание и поддержку; профессора, доктора политических наук, заведующего кафедрой международных отношений и регионоведения А.А. Слинько, который смог показать мне, что изучение Латинской Америки не менее интересно, чем изучение Восточной Европы, анализом которой я занимался ранее; профессора, доктора исторических наук А.А. Сизоненко (ИЛА РАН), беседы с которым в период его пребывания в Воронеже позволили по-новому взглянуть на некоторые проблемы, связанные с историей стран Латинской Америки; профессора, доктора политических наук Б.Ф. Мартынова (ИЛА РАН, МГИМО/У/ МИД РФ), лекции которого на факультете международных отношений Воронежского государственного университета способствовали возникновению у автора интереса к Бразилии; главного редактора журнала «Латинская Америка» В.Е. Травкина (ИЛА РАН) за интересные замечания к некоторым текстам, которые вошли в состав настоящей книги.

Мои представления о феномене национализма и возможных путях его изучения значительно расширились благодаря советам со стороны нескольких людей, которых следует упомянуть отдельно: Михаил Долбилов (Европейский Университет / СПбГУ), Сергей Екельчик (Университет Виктории, Канада), Игорь Кашу (Институт Истории, Республика Молдова), Игорь Крючков (Ставропольское отделение Российского общества интеллектуальной истории / Ставропольский государственный университет), Игорь Мартынюк (журнал «Ab Imperio», Казань), Дмитрий Офицеров-Бельский (Пермский государственный университет), Андрий Партнов (журнал «Україна Модерна», Киев), Александр И. Филюшкин (СПбГУ).

Я так же хочу поблагодарить моих коллег из Европы и двух Америк: Ana Lucia Araujo (PhD, Chaire de recherche du Canada en histoire comparée de la mémoire, Centre interuniversitaire d'études sur les lettres, les arts et les traditions, Département d'Histoire, Faculté des lettres, Université Laval, Québec, Canada);

Antônio Fernando de Araújo Sá (Departamento de História, Universidade Federal de Sergipe, за предоставленную возможность ознакомиться с текстом его статьи «Mnepotriotismo no Sertão de Conselheiro»); Luís Cláudio Villafañe G. Santos (PhD in History, Brazil), Marcos Dias de Araújo (Msc. História do Brazil, Prof. Universidade Tuiuti do Paraná, Prof. Centro Universitário Positivo); Joel Outtes (Universidade Federal de RGS, Brazil); Katie Holt (College of Wooster); Celso Castilho (PhD, University of California, Berkeley); Gunter Axt (Brazil); Michael Goebel (USA), Carmaen Nava (PhD, University of California, Los Angeles), Jens Schneider (Netherlands), Carlos Pérez (PhD, Chair, Department of Chicano and Latin American Studies, College of Social Sciences, California State University, Fresno); Ricardo M. Pimenta (PhD, Universidade Federal do Estado do Rio de Janeiro); Guy Thomson (USA); Christopher Ebert (Brooklyn College, CUNY); Gretchen Pierce (Ph.D. Candidate, University of Arizona, Adjunct Instructor, Indiana University Northwest).

Я не могу не выразить свою благодарность сотрудникам Зональной Научной Библиотеки ВГУ, особенно – Отдела художественной литературы, Отдела обслуживания историков и международников, Отдела иностранной литературы, Отдела обслуживания гуманитарных факультетов за их помощь в подборе литературы, особенно в тех случаях, когда по моей вине они были вынуждены разбирать связанные книги или долго вытирать пыль с книг в виду того, что я оказывался их первым читателем.

Ценные советы и рекомендации многих из тех, кого я упомянул выше, помогли мне по-новому взглянуть на некоторые проблемы связанные с национализмом и идентичностью в Латинской Америке.

Содержание

Предисловие	10
Все ли кошки убиты? Постмодернистские перспективы российской латиноамериканистики	19
Национализм и нации в Латинской Америке в зарубежном научном дискурсе	32
Существует ли советская / российская традиция в изучении национализма в Латинской Америке?	46
Память репрессированная и разделенная: литература как «участок памяти» в Чили	60
Формирование образа «чужого»: индейские нарративы в творчестве Жозэ дэ Аленкара	70
Между <i>casa grande</i> и <i>senzala</i> : интеллектуальные истоки модернизации и литературный текст в Бразилии в середине 1870-х годов	80
Создавая новую идентичность: Машаду дэ Ассиз и ранний бразильский модернизм	89
Конструируя историю Бразилии: национальное прошлое в дискурсах классического историописания	99
Разрушая исторический дискурс: бразильские левые в контексте историкоописания в середине XX века	111
Генерал в роли интеллектуала: Нельсон Вернек Содре в контексте развития оппозиционной идентичности	119
Революционная <i>femina</i> : радикализация гендера и левая политическая идентичность	130
Лояльность и оппозиционность: дискурсы политической идентичности в Бразилии второй половины 1950-х – начале 1960-х годов	138

«В интересах национальной чести»: авторитаризм как бэк- граунд развития политической идентичности	157
«Капела дос Оменс» как «участок памяти»: к проблеме со- отношения традиционного и современного в литературном дискурсе Бразилии 1970-х годов	169
«Места памяти» в Бразилии: музеи как интеллектуальный проект	180
Восточно-европейские интеллектуалы в Латинской Аме- рике: к проблеме идентичностных дискурсов	193
Послесловие	203
Сокращения	204

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центральная тема этой книги – судьбы латиноамериканских национализмов в XIX – XX столетиях. Это – не история национализма в Латинской Америке. Это – собрание текстов автора, в которых он предпринимает попытку проанализировать развитие различных национальных и националистических проектов, показать, как изменялись и трансформировались идентичности.

Когда автор писал это небольшое предисловие, то он уже слышал голоса скептиков, патетически вопрошающих, зачем в провинциальном университете, столь отдаленном от Латинской Америки вообще и Бразилии в частности, писать книгу про национализм в этом регионе? Поэтому, следует сделать несколько вводных замечаний.

Итак, повторяюсь – в этой книге речь идет о национализме. В исследовательской литературе единого мнения относительно определения этого явления не существует. Исследователи сходятся в том, что националистический дискурс является чрезвычайно широким, подвижным, охватывающим различные сферы политической и культурной жизни. Всех исследователей национализма условно можно разделить на две большие группы – модернистов и примордиалистов¹.

Первые полагают, что нация и национализм – продукты развития Европы и Запада (к которому они относят и две Америки – Северную, англо-саксоно-французскую, и Южную, испано-португалоязычную) исключительно в Новое Время. Иными словами, в период Средних Веков, по мнению сторонников модернизма, наций не существовало. Вторые, наоборот, уверены, что некоторые национальные атрибуты и характеристики присущи челове-

¹ Автор не останавливается подробно на теоретических школах в изучении национализма, предполагая и надеясь, что возможные читатели уже знакомы с основными теоретическими концептами. Обзор основных теорий национализма см.: Коротева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротева. – М., 1999; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М., 2005; Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история / Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Полянников. – М., 2006; Кирчанов М.В. Национализм: политика, международные отношения, регионализация / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008 (в печати).

ческим сообществам изначально. Поэтому, нация – внеисторична, примордиальна, контрсовременна и антисовременна. В рамках модернистской парадигмы, выделяется несколько школ изучения проблем, связанных с нацией, национализмом и идентичностями. Эти направления следующие:

1) **социоэкономический модернизм** представленный исследованиями Тома Нэйрна² и Майкла Хечтэра³, предлагает видеть в национализме явление современной истории, возникшее в результате появления новых социальных, политических и экономических факторов, которыми были капитализм, региональные особенности и диспропорции в развитии регионов.

2) **социокультурный модернизм**, согласно которому, в лице его крупнейшего теоретика Эрнэста Гэллнэра⁴, национализм возникает как неизбежное последствие модернизации. Местные интеллектуалы создают «высокую культуру» и нацию, которая поддерживает индустриализацию, порождающую идеологию национализма.

3) **политический модернизм**, представителями которого являются Джон Брейли⁵, Энтони Гиддэнс⁶ и Майкл Манн⁷, предлагает понимать под национализмом сознательный политический проект, который призван построить политическую нацию и национальное государство, или стремится разрушить политическое единство одного государства и привести к институционализации другого национализма в виде новой политической нации и нового национального государства.

4) **национально-политический р(и/е)вайвализм**, представленный исследованиями Мирослава Хроха⁸, склонен интерпретировать историю национализма как историю revival'a традиционных обществ, бунт против доминирующей и этнически чуждой

² Nairn T. The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism / T. Nairn. – L., 1977; Nairn T. Faces of Nationalism / T. Nairn. – L., 1997.

³ Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1936 – 1966 / M. Hechter. – L., 1975.

⁴ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983.

⁵ Breuilly J. Nationalism and the State / J. Breuilly. – Manchester, 1993.

⁶ Giddens A. The Nation-State and Violence / A. Giddens. – Camb., 1985.

⁷ Mann M. The Sources of Social Power / M. Mann. – Camb., 1993; Mann M. A Political Theory of Nationalism and its Expresses / M. Mann // Nations and Nationalism / ed. S. Periwai. – Budapest, 1995.

⁸ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

«высокой культуры», процесс трансформации традиционной культуры в культуру политическую, которая стремится к институционализации национального движения сначала в виде партий и движений, а затем – национального государства.

5) **идеологизм**, представленный Эли Кедури⁹, предлагает понимать под национализмом, в первую очередь, идеологию, идеологический концепт, политическая роль которого состоит в идеологическом обосновании разрушения многонациональных империй и утверждения национальных государств.

6) **конструктивизм (или этносимволизм)**, видными представителями которого являются Эрик Хобсбаум¹⁰ и Энтони Смит¹¹, понимает под национализм – явление современной (в смысле – новой) истории, которое имело социально (и уже вторично – религиозно, культурно и т.д.) маркированный характер и значительное число дискурсов – в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях.

7) **интеллектуальный конструктивизм** – теория, автором которой признан Бенедикт Андерсон¹² и, согласно которой, национализм принадлежит к числу современных феноменов, имеет социально, политически, религиозно, культурно маркированный характер и значительное число проявлений, но формируется благодаря усилиям интеллектуалов, носителей «высокой культуры», которые совершенно сознательно «воображают» нацию.

8) **нарративная теория национализма**, возникшая благодаря исследованиям американских и канадских специалистов по восточно-европейским литературам, представлена исследованиями Дж. Грабовича¹³, Т. Кознарського¹⁴, М. Тарнавського¹⁵, О.

⁹ Kedourie E. Nationalism / E. Kedourie. – L., 1960; Nationalism in Asia and Africa / ed. E. Kedourie. – L., 1971.

¹⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

¹¹ Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

¹² Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

¹³ Грабович Г. Поет як міфотворець / Г. Грабович. – Київ, 1996; Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка / Г. Грабович. – Київ, 1997.

Ильницького¹⁶. Її сторонники пропонує аналізувати різні націоналістическі дискурси через різні авторські і колективні нарративи (narratives), відтворюючи від аналізу літературних творів як пам'яток націоналістическої мислі, як «чистих» текстів.

9) **«імперські» теорії націоналізму** представлені в дослідженнях американського автора А. Мотіля¹⁷ і його російського колеги А. Міллера, являючись сукупністю теоретических і методологіческих підходів до історії націоналізму, в рамках яких пропонується вивчати націоналізм в імперському контексті, як імперський, так і антиімперський націоналізм. В наші часи має масу точок зіткнення з національно-політическим ривалізмом і інтелектуальним конструктивізмом.

10) **постколоніалізм (орієнталізм)**, основи якого заповнив Едвард Саїд¹⁸, а на східно-європейську ґрунту перекладив Мирослав Шкандрій¹⁹, схилений синтезувати елементи модернізму, конструктивізму, інтелектуального конструктивізму, аналізуючи націоналізм в категоріях інтелектуальної історії, історії відносин центра і периферії, колонії і метрополії, колишньої колонії і колишньої метрополії, угнетателя і угнетеного / угнетателя і угнетеного, історії взаємних представлень.

11) **ґендерна теорія націоналізму**. Ймовірно, коректніше цю сукупність теоретических підходів називати *ґендерними теоріями націоналізму*. Ці концепції виникли в англо-американській науці.

¹⁴ Кознарський Т. Із суржикіади / Т. Кознарський // Жолдак Б. Бог буває. Drive Stories / Б. Жолдак. – К., 1999.

¹⁵ Тарнавський М. Між розумом та ірреальністю: Проза Валер'яна Підмогильного / М. Тарнавський. – Київ, 2004.

¹⁶ Ільницький О. Український футуризм (1914 - 1930) / О. Ільницький. – Львів, 2003

¹⁷ Motyl A. Revolutions, Nations, Empires / A. Motyl. – NY., 1999.

¹⁸ Said E. Orientalism / E. Said. – L., 1978; Саїд Е. Орієнталізм. Західні концепції Сходу / Е. Саїд. – Київ, 2001; Саїд Е. Орієнталізм. Західні концепції Востока / Е. Саїд. – СПб., 2006.

¹⁹ Shkandrij M. Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times / M. Shkandrij. – Montreal – L. – Ithaca, 2001; Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004.

риканской политической науке (Силвия Уолби²⁰, Синтия Кокберн²¹), но в настоящее время получили оригинальное прочтение и в восточно-европейском (Соломия Павличко²², В. Агеева²³, Т. Гундорова²⁴) исследовательском дискурсе. Национализм анализируется в категориях гендера, гендерной идентичности, отношений между полами как отношений между рабом и господином. Имеет ряд точек соприкосновения с интеллектуальным конструктивизмом и постколониализмом.

На момент начала работы над этой книгой автор успел осознать себя как убежденный модернист-конструктивист²⁵. Вероятно, среди исследователей наций и национализма модернисты составляют большинство. В этом контексте показательны слова британского исследователя Энтони Смита относительно того, что «ныне существует общепринятая “история национализма” и ясно, что она модернистская»²⁶. С каких методологических позиций (из вероятных двенадцати вышеупомянутых) следует в такой ситуации изучать английский национализм и идентичности?

Вероятно, социоэкономический и социокультурный модернизм может оказаться весьма продуктивным в контексте изучения трансформаций традиционных идентичностей в рамках модернизации. Политический модернизм представляет немалый интерес в контексте изучения интеллектуальной активности латиноамериканских элит. Ривайвализм таит немалый потенциал в

²⁰ Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 303 – 331.

²¹ Cockburn C. The Space Between Us. Negotiating Gender and National Identities in Conflict / C. Cockburn. – L. – NY., 1998; Кокберн С. Пространство между нами. Особенности гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. – М., 2002.

²² Павличко С. Фемінізм / С. Павличко. – Київ, 2002; Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: складний світ Агатангела Кримського / С. Павличко. – Київ, 2000.

²³ Агеева В. Поетеса зламу століття. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації / В. Агеева. – Київ, 1999; Агеева В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. – Київ, 2003.

²⁴ Гундорова Т. *Femina Melancholica*. Стат'я і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.

²⁵ В 2006 году автор защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «История развития латышского национального движения в XIX – начале XX века», где попытался переложить на национальную латышскую историю схемы националистических штудий, заложенные Э. Геллнером, М. Хромом, Б. Андерсоном и другими исследователями-модернистами.

²⁶ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004. – С. 83.

случае обращения к протестным и маргинальным движениям в регионе Южной Америки, но в этом случае мы имеем дело с почти исключительно политическими националистическими проектами и альтернативными, социально или религиозно детерминированными, идентичностями.

Этносимволизм может оказаться полезным при изучении различных дискурсов (политические, культурных, идеологических, литературных) истории национализма в отдельных странах региона, в частности – Бразилии. Нарративная теория интересна в контексте методов описания и изучения упомянутых выше дискурсов. Имперская теория вполне применима при изучении истории Империи в Бразилии в силу того, что бразильский имперский опыт уникален, а имперская история Бразилии – потерянный сюжет в столь динамично развивающихся в России имперских студиях.

Вероятно, следует еще раз подчеркнуть, что эта книга – не история национализма в регионе Латинской Америки. В ней речь идет только об отдельных дискурсах развития национализма и идентичности в Южной Америке. Эта книга состоит из нескольких отдельных очерков, которые можно читать с самого начала, один за другими, или произвольно, выборочно (поэтому, автор отказался от написания классического научного введения и заключения). Каждому из них автор стремился придать черты законченного исследования.

Автор, работая над этими очерками, пытался придать им междисциплинарный характер, что привело к некоторым «затруднениям» в период работы над текстом, а именно: 1) многие события, описанные в книге, хронологически отдалены от современности – поэтому, настоящая работа историческая или политологическая; 2) в книге проанализированы источники, которым, вероятно, легче найти место в «Истории литератур Латинской Америки» или в пока несуществующей на русском языке «Истории бразильской литературы» – как это соотносится со специализацией кафедры²⁷ в сфере политических наук; 3) речь идет в основном о текстах, а сама книга представляет собой анализ нар-

²⁷ Кафедры международных отношений и регионоведения ВГУ, на которой выполнена настоящая работа.

ративных источников – не отрывает ли это текст от более широкого политического и исторического событийного контекста.

Эти вопросы может задать историк или политолог – сторонник ортодоксальной описательно-нормативной историографии или традиционной политологии с ее интересом к анализу процессов и процедур, а не широкого политического контекста. Попробую ответить на эти вопросы, которые, вероятно, могут возникнуть у будущих читателей этой книги.

Первое, относительно принадлежности книги к исторической и / или политической науке. Книга задумывалась и писалась автором как изначально междисциплинарная. Читатель «испорченный» отечественными учебниками по политологии и некоторыми специализированными работами, претендующими на обобщающий характер, может и не заметить политологический контент в этой книге. Слабыми сторонами некоторых отечественных работ по политическим наукам нередко является стремление авторов охватить максимальное число проблем и исключительная интерпретация их в контексте современности, что, вероятно, унаследовано российской политической наукой от советского обществоведения / общественнознания.

Принятие такой позиции означало бы признание того, что существует гигантский интеллектуальный разрыв между событиями XX столетия и тем, что было раньше. Между тем, многие политические институты, механизмы и процедуры возникли в предшествующие XX веку эпохи. Не следует забывать, что за политическими процессами стоят люди – носители определенных идентичностей, которые возникли гораздо раньше, чем появилась политическая наука. Автор пытался проанализировать различные дискурсы большого политического бэк-граунда, в первую очередь – в бразильском контексте.

Второе, относительно литературных источников. Может показаться, что литературные тексты – удел исследований и сфера интереса литературоведов и историков литературы. Автор настоящей книги с этой точкой зрения согласиться не может. Литературные тексты являются нарративными источниками не только для профессиональных исследователей литературы, но и для политологов. Действительно, где проходит граница сферы политического? В 1995 году Ю.Л. Бессмертный, анализируя постмодер-

нистские подходы в гуманитарных науках, указывал на то, что некоторые западные авторы склонны интерпретировать прошлое (историческое, политическое и культурное) как «некий текст». Именно поэтому, Ю.Л. Бессмертный указывал на необходимость «научиться читать его правильно»²⁸. Автор этой книги, конечно, не претендует на то, что его выводы абсолютно правильны, тем не менее – он попытался сосредоточить свое внимание именно на текстах.

Нередко литературный текст четко соотносится с теми или иными политическими трендами в рамках существования и функционирования политического режима. Какую роль подобные тексты играют при написании политологических исследований? В России – минимальную, на Западе – одну из важнейших. Российская и западная политологии базируются на различных методологических основах, что проявляется в частности в игнорировании литературного текста в качестве источника и в его широком применении западными авторами. В ряде случаев литература – это канал для выражения оппозиционных и / или протестных идей и настроений. В таком случае обращение к литературным источникам может сыграть позитивную роль в расширении наших представлений относительно интеллектуальной обусловленности, большого культурного и интеллектуального бэк-граунда политических процессов.

Третье, о текстах, предстающих в отрыве от контекста. В этой ситуации сам автор может задать возможным критикам вопрос относительно необходимости широкого контекста в подобных исследованиях. Чем тогда оно будет отличаться от других похожих работ? Не открывает ли сосредоточенность на отдельных источниках, на микроисторическом анализе (хотя среди разделов этой книги нет текстов, выполненных в традициях классических микроисторических исследований) новые перспективы для изучения текстов не просто как литературных произведений, а именно как текстов, которые содержат возможность выхода на различные дискурсы существования и функционирования обще-

²⁸ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю.Л. Бессмертный // Одиссей. Человек в истории 1995. Представления о власти / ред. Ю.Л. Бессмертный. – М., 1995. – С. 6 – 7.

ства – на политические, интеллектуальные, культурные. Вероятно, отечественной политологии (где интерес к текстам замечен только на уровне истории политической мысли и политологии как науки) не хватает именно текстуального и нарративного анализа. В последующих разделах автор попытается показать, что различные тексты, относящиеся, как правило, к «высокой» культуре, не менее важны в изучении политических процессов, чем сами процессы.

Эта книга является скромной попыткой автора показать, что в политической, культурной и интеллектуальной традиции Южной Америки существовал и существует мощный националистический дискурс, который соприкасается не только с левыми, но и правыми интеллектуальными и политическими течениями. Все ошибки и неточности в тексте исключительно на совести автора.

Автор надеется, что эта работа будет способствовать росту интереса к истории национализма в Латинской Америке и появлению новых работ, выполненных в русле националистических штудий или интеллектуальной истории.

ВСЕ ЛИ КОШКИ УБИТЫ? ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКИ

Вероятно, у читателя, который осилил книгу хотя бы до этого места, возникло, по меньшей мере, два вопроса. Первый вопрос: почему автор столь странно назвал этот раздел? Ответ на него в принципе прозрачен. В данном случае читатель имеет дело со скрытой цитатой и вольной интерпретацией двух названий известных работ. Примечательно, что название второй является своеобразной рефлексией над первой. Речь идет о двух книгах: первая – работа Роберта Дарнтон «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры»²⁹, вторая – сборник эссе российского историка Н.Е. Копосова «Хватит убивать кошек!»³⁰. Обе книги затрагивают принципиально важные проблемы, связанные с написанием исторического исследования и нашим пониманием прошлого.

Второй вопрос состоит в следующем: какое отношение все это, о чем шла речь в предыдущем разделе, имеет к российской латиноамериканистике? Автор полагает, что самое непосредственное. Латиноамериканистика (точнее – те ее разделы, которые связаны с изучением истории, культуры и частично политики в странах Латинской Америки) в современной России переживает

²⁹ См. подробнее: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Р. Дарнтон. – М., 2002.

³⁰ См.: Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н.Е. Копосов. – М., 2005. Внимательный читатель, вероятно, обратил внимание, что многие переводы, на которые ссылается автор, вышли на русский язык от пяти до десяти лет назад. За это время они стали объектом многочисленных рецензий, дискуссий и семинаров, попыток переложить методы, предложенные в них, на изучение истории России и всеобщей истории (о дискуссиях относительно методов и теоретических основ истории как науки см.: Копосов Н.Е. Думают ли историки / Н.Е. Копосов. – М., 2001). Латиноамериканистика от этого процесса приобщения к классике зарубежной гуманитаристики осталась в стороне. Латиноамериканисты не заметили (или предпочли не заметить) книгу **мексиканского** (sic!) историка и социолога Карлоса Антонио Агирре Рохаса (Агирре Рохас К.А. Критический подход к истории французских «Анналов» / К.А. Агирре Рохас. – М., 2006), посвященную методологическим проблемам гуманитарного исследования. Не помогло даже и то, что Агирре Рохас декларирует свою симпатию к марксизму.

не лучшие времена, пребывая в состоянии глубокого методологического кризиса.

Вероятно, кризис охватил не только исследования в сфере латиноамериканистики, но и все гуманитарные науки в целом. Впервые о кризисе – сначала исторического познания, а потом и исторического описания заговорили французские историки во второй половине 1980-х годов. Российскую гуманистику, в том числе – и латиноамериканистику, волна этого кризиса накрыла после распада СССР и ликвидации методологической монополии вульгарного марксизма. В задачи автора в этой книге не входит подробный анализ кризиса исторического познания³¹. Имеет смысл остановиться лишь на тех его аспектах, которые связаны с латиноамериканскими исследованиями.

Кризисные тенденции характерны и для других гуманитарных наук: исследовательский дискурс дефрагментирован, исследовательское сообщество расколото (что, в принципе, позитивно), но в этой ситуации возникло «недоверие в отношении метарассказов»³² – попыткам написать общую картину прошлого³³, в том числе – и относительно латиноамериканского региона. Кроме этого, некоторые разделы современной российской латиноамериканистики напоминают дорогу с односторонним движением. Иными словами, среди тематики публикаций (например, в журнале «Латинская Америка») доминируют сюжеты, связанные с левым политическим дискурсом³⁴, словно правых трендов в политической и культурной жизни Латинской Америки не существует вовсе.

³¹ Автор отсылает все, кого эта тема интересует к собранию текстов французской школы Анналов, изданным на русском языке в 2002 году. См.: *Анналы на рубеже веков. Антология* / отв. ред. А.Я. Гуревич, сост. С.И. Лучицкая. – М., 2002.

³² См.: Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна* / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998. – С. 10.

³³ Вероятно российская латиноамериканистика в советский период «насытилась» обобщающими работами, где доминирует метанарратив и макроанализ региона. В этой ситуации уместен некоторый отказ оттого, что М.Ф. Румянцева называет «конструированием макроконтракста». См.: Румянцева М.Ф. *О двух микроисториях* / М.Ф. Румянцева // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5. – С. 13.

³⁴ См. подробнее публикации, выдержанные в духе «нормативной историографии»: Брагин М.Ю. *Где плачут березы* / М.Ю. Брагин // *Латинская Америка*. – 2006. – № 4. – С. 88 – 91; Кармен А.Р. *Мифотворчество невежд. Сказки дедушки Пиночо и его российских последователей* / А.Р. Кармен // *Латинская Америка*. – 2007. – № 1. – С. 15 – 24; Шевцов Д.А. *Палач не жалел о содеянном* / Д.А. Шевцов // *Латинская Америка*. – 2007. – № 1. – С. 12 – 14.

Джэфф Эли в свое время высказал весьма интересное соображение о том, что современное гуманитарное сообщество напоминает поезд³⁵, в котором находятся две группы пассажиров. Попробуем применить это сравнение к современной российской латиноамериканистике. Первая группа – это меньшинство, которое составляют сторонники радикальных методологических перемен. Вторая группа – большинство, которое получило образование, защитили диссертации и сформировались как исследователи до 1991 года. Новые теории их вовсе не интересуют. Они, наоборот, заинтересованы в их исчезновении. Вероятно, российский латиноамериканский поезд движется по дороге с левосторонним движением: методологические новации вытеснены за пределы официального научного дискурса.

Многие современные российские публикации, посвященные Латинской Америке, принадлежат к т.н. нормативной историографии³⁶. Нормативная историография – это удел не только историков, но и некоторых политологов и литературоведов. Нормативная историография представляет собой трансформацию и модификацию поздней советской традиции написания и описания истории, политических и литературных процессов. Она отличается внешним декларативным разрывом с советской марксистско-ленинской методологией при почти полном сохранении старого методологического инструментария.

Сторонники нормативной историографии сводят историю, политику и культуру к механической смене дат, чередованию событий и перечислению фактов. Нередко за нормативной историографией скрывается и методологический бэк-граунд в виде ностальгической рефлексии о временах полемики с «буржуазной ис-

³⁵ Eley G. Is All the World a Text? From Social History to the History of Society / G. Eley // *The Historic Turn in the Human Sciences* / ed. T.J. McDonald. – Ann Arbor, 1996. – P. 214.

³⁶ Относительно определения самого понятия «нормативная историография» среди исследователей нет единого мнения. В частности, предполагается, что в пост-советских странах – это «синтез этнопопулистского исторического канона, советского наследия и постсоветских научных дискурсов» (См.: Семенов А. Дилеммы написания истории империи и нации / А. Семенов // *Ab Imperio*. – 2003. – № 2. – С. 385). Конкретизируя это определение относительно российской современной латиноамериканистике, нормативная историография – синтез левопопулистского (и как результат, отрицающего почти всё, лежащее вне пределов левого дискурса) исторического канона, советского наследия и постсоветской рефлексии относительно расцвета латиноамериканских исследований до 1991 года.

ториографией». Преобладание скрытой ностальгирующей рефлексии в некоторых современных работах по Латинской Америке можно сравнить лишь с доминированием монархической лояльности в работах Н. Карамзина³⁷. Иными словами, нормативная историография – позднейшее издание советской историографии, или – советская историография light.

Сторонники нормативной историографии словно не заметили тех радикальных методологических перемен, которые после 1991 года произошли в историоописании и историописании. Между тем, современные гуманитарные исследования, как справедливо указывает Г. Иггерс, должны базироваться на «разнообразии интерпретаций»³⁸. Отечественные исследователи С.И. Маловичко и Т.А. Булыгина полагают, что «новая историческая культура плюралистична, она признает многообразие исследовательских приемов и методологических подходов»³⁹. Именно поэтому на смену описательным методам в латиноамериканских исследованиях должны прийти работы, где «традиционная схема концепция “история – повествования” сменяется “историей – проблемой”»⁴⁰.

Вероятно может возникнуть вопрос: а какое все это имеет отношение к латиноамериканистике вообще и изучению Бразилии в частности? Не исключено, что вопрос может возникнуть не просто у обычного читателя, но латиноамериканиста старшего поколения, чье становление как исследователя произошло в советский период, когда в обязанности всякого советского ученого, который занимался общественными науками, входило подискутировать с «буржуазной историографией».

³⁷ Ситуация не является уникальной. Современный украинский историк Ярослав Грыцак полагает, что «преобладание национальной парадигмы в трудах историков постсоветской Украины можно сравнить только с господством позитивизма извода Леопольда Ранке». См. подробнее: Грыцак Я. Украинская историография: 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грыцак // *Ab Imperio*. – 2003. – № 2. – С. 444.

³⁸ Iggers G. *Historiography between Scholarship and Poetry: Reflections on Hayden White's Approach to Historiography* / G. Iggers // *Rethinking History*. – 2000. – Vol. 4. – N0 3. – P. 373 – 390.

³⁹ Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории / С.И. Маловичко, Т.А. Булыгина // *Новая локальная история*. – Ставрополь, 2003. – Вып. 1. – С. 13.

⁴⁰ Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении / С.И. Маловичко // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. – Ставрополь, 2005. – Вып. 7. – С. 5.

Все, о чем я писал выше, к латиноамериканским штудиям имеет самое непосредственное отношение. Речь шла о нормативной историографии и тех концепциях модернистского или постмодернистского плана, которые в принципе являются взаимоисключающими. Выше автор уже высказывал предположение, что современная отечественная латиноамериканистика пребывает в состоянии глубокого кризиса⁴¹, что, в частности, проявляется в том, что она развивается по инерции, унаследованной от советского периода.

Попытки применить к латиноамериканским исследованиям западные методологические подходы и концепты встречают непонимание и отторжение со стороны российских латиноамериканистов старшего поколения⁴². Между тем, гуманитарные исследования в современной Бразилии развиваются на том базисе и методологическом бэк-граунде, который не принимается и последовательно отторгается некоторыми российскими латиноамериканистами.

В основе современной бразильской гуманистики лежит интеллектуальная постмодернистская рефлексия, которая базируется на интересе к западной, англоязычной⁴³, латиноамерикани-

⁴¹ На фоне несомненных кризисных явлений есть и позитивные тенденции, связанные с появлением исследований, которые выдержаны не в духе нормативной, а нарративно-дискурсивной историографии, что, в частности, относится к исследованиям Б.И. Коваль (который, правда, и в советский период не совсем вписывался в официальный исследовательский канон – см.: Коваль Б.И. История бразильского пролетариата, 1857 – 1967 / Б.И. Коваль. – М., 1968; Коваль Б.И. Латинская Америка: революция и современность / Б.И. Коваль. – М., 1981; Коваль Б.И. Революция продолжается: опыт 70-х годов XX века / Б.И. Коваль. – М., 1984; Коваль Б.И. Революционный опыт XX века / Б.И. Коваль. – М., 1988), Б.Ф. Мартынова и А.А. Слинько... См.: Коваль Б.И. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005; Мартынов Б.Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко - великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. – М., 2004; Слинько А.А. Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности (политические процессы в Перу) / А.А. Слинько. – Воронеж, 2005.

⁴² В частной беседе с автором один из коллег старшего поколения, когда речь зашла об этой книге, которая тогда пребывала в стадии проекта, указал, что следует побольше спорить с «буржуазной историографией».

⁴³ Этот интерес, действительно, очень велик, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные рецензии на англоязычные исследования о Бразилии в бразильской гуманитарной периодике, стремление использовать классические и новейшие работы европейских и американских авторов, а так же появление специализированных, им посвященных, исследований. См.: DeNipoti C., Joaquin A.L. *Novos brasilianistas: temas de história do Brasil na historiografia norte-americana recente* / C. DeNipoti, A.L. Joaquin // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 2. – P. 175 – 185;

стике и попытке интеграции в сферу бразильской истории тех исследовательских методов, которые были предложены во второй половине XX века европейскими и американскими интеллектуалами.

Бразильские исследователи на несколько десятилетий раньше, чем их российские коллеги получили возможность знакомиться с «актуальной» англо-американской, итальянской и французской гуманистикой: сначала – с оригинальными текстами, а потом – и с переводами на португальский язык, изданными в Бразилии или в Португалии. Еще несколько десятилетий назад отечественная и бразильская латиноамериканистика базировались на диаметрально противоположных культурах отношения к тексту, чтения текста исследования.

Для советского латиноамериканиста любая несоветская книга была или образчиком «прогрессивной» или «буржуазной» (а если степень политической лояльности режиму была максимальной, то такая книга могла восприниматься и как «реакционная») историографии. Его бразильский коллега на труд, например, американского или французского исследователя, смотрел не как бык на красное.

В Бразилии европейская и англо-американская гуманитарные традиции были восприняты иначе: интеллектуальная рефлексия местных исследователей привела к постепенной интеграции западного методологического инструментария в бразильские гуманитарные исследования. Поэтому, начался обратный процесс: результаты исследований бразильских гуманитариев, которые опирались на постмодернистские методологии, оказались востребованными и в англоязычных научных сообществах⁴⁴.

В такой ситуации российская латиноамериканистика (в том числе – и бразилиоведение) и бразильские исследования на Западе развиваются с опорой на различные методологические осно-

Maura G. História de uma história: rumos da historiografia norte-americana no século XX / G. Maura. – São Paulo, 1995.

⁴⁴ И дело тут не только в том, что большинство современных бразильских гуманитариев пишут на двух языках – португальском и английском. На этом фоне становятся совершенно непонятными и неоправданными попытки некоторых российских латиноамериканистов старшего поколения объяснить трудности в отечественной латиноамериканистике тем, что западные авторы не знают русского языка и, соответственно, не читают их работы.

вания. Если в постсоветской российской латиноамериканистике господствует т.н. нормативный подход (иначе говоря, известно, что конечный продукт должен соответствовать определенному канону, сформированными идеологическими и в наименьшей степени научными требованиями), то в самой Бразилии гуманитарные исследования опираются на ту форму постмодернистского анализа, которую условно можно определить как нарративно-дискурсивную.

В то время, когда значительная часть отечественных исследований представляет собой описания исторического и политического контекста, механическая фиксация событий, западные и бразильские работы выглядят совершенно иначе. Бразильских исследователей уже давно интересует не столько сама история по себе, сколько ее отдельные дискурсы, нарративы (фиксации прошлого в письменных источниках), представления о фактах, взаимные представления, интеллектуальная история, локальная и региональная история, микроистория и история гендера.

Иными словами, единый исторический канон разрушен, дефрагментирован. На смену ему пришли case studies, в центре которых отдельные нарративы и дискурсы, связанные как с дискретными событиями, так и историческим контекстом. В этой ситуации, сам исторический контекст, своеобразный бэк-граунд прошлого, предстает не как одна целая и единая история, а как совокупность историй, отдельных «казусов», исторических сюжетов и интеллектуальных рефлексий. Вероятно, в этой ситуации следует сказать несколько слов о развитии гуманитарных исследований в современной Бразилии, точнее – о том разнообразном тематическом спектре, в рамках которого развивается бразильская гуманитаристика, а именно те ее тренды, которые связаны с изучением национализма и идентичностей.

Во-первых, как было отмечено выше, бразильские гуманитарии раньше, чем их российские коллеги получили доступ к переводам работ классиков исследований национализма. Версии этих работ на португальском языке появились не только относительно быстро, но некоторые из них уже успели выдержать несколько

изданий⁴⁵. Это, в частности, относится к классическим работам Бенедикта Андерсона⁴⁶, Жигмунта Баумана⁴⁷, Джона Брейлли⁴⁸, Эрика Хобсбаума⁴⁹, Энтони Смита⁵⁰, Эрнеста Геллнера⁵¹, Гопала Балакришана⁵². Кроме того, за первым переводом быстро следовали и португальские версии других работ в то время, когда российские исследователи нередко вынуждены довольствоваться одним монографическим изданием и несколькими статьями. Знакомство бразильских интеллектуалов с достижениями американских и британских исследователей национализма началось не в 1984 году (с появлением одного из переводов Э. Хобсбаума), а раньше – вероятно, во второй половине 1970-х годов, когда в их распоряжении оказались английские оригиналы книг тех авторов, которые к концу XX века были признаны как классики изучения национализма.

Во-вторых, бразильское исследовательское сообщество и в годы существования недемократического военного режима развивалось как в значительной степени открытое новым концепциям. Начиная с конца 1960-х годов, на португальском языке появляются исследования английских, американских, итальянских и

⁴⁵ В последующих сносках автор стремился привести издания, которые, как правило, вышли в Бразилии, изредка, упоминая выпшедшие в Португалии. Автор не исключает, что этот «список» далеко не полный.

⁴⁶ Anderson B. *Nação e consciência nacional* / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. *Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo* / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. *Problemas dos nacionalismos contemporâneos* / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: um inquito observador de estrelas // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15.

⁴⁷ Bauman Z. *Identidade* / Z. Bauman. – Rio de Janeiro, 2005.

⁴⁸ Entrevista: John Breuilly // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. P. 12 – 47.

⁴⁹ Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002); Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E. *Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995; Hobsbawm E., Ranger T. *A Invenção das tradições* / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984.

⁵⁰ Smith A. *A identidade nacional* / A. Smith. – Lisboa, 1997; Smith A. *O nacionalismo e os historiadores* / A. Smith // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

⁵¹ Gellner E. *O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe* / E. Gellner // Um mapa questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Gellner E. *Nacionalismo e democracia* / E. Gellner. – Brasília, 1981.

⁵² Balakrishan G. *A imaginação nacional* / G. Balakrishan // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

французских социологов, многие из которых до настоящего времени не переведены на русский язык.

Поэтому, бразильские интеллектуалы несравнимо раньше (на языке оригинала) и в несравнимо большем количестве смогли ознакомиться с переводными исследованиями французских революционеров от исторической науки⁵³ и литературоведения⁵⁴, а так же с классическими работами итальянца Карло Гинзбурга⁵⁵. Среди переводов доминировали переводы с английского языка, что относится, в частности, к исследованиям Питэра Бёрка⁵⁶, Энтони Гиддэнса⁵⁷, Сэмюэла Хантингтона⁵⁸.

В-третьих, ситуация, при которой бразильские интеллектуалы имели доступ к английским, французским или итальянским оригиналам работ американских и европейских коллег, начиная со второй половины 1960-х годов (исследования крупной французской исследовательницы болгарского происхождения Юлии Кристевой были изданы на португальском языке в 1969 году), не привела к возникновению методологического разрыва и различных теоретических бэк-граундов, которые существуют между российской латиноамериканистикой и зарубежными исследователями.

Подобно европейским и американским коллегам бразильские гуманитарии, начиная со второй половины 1960-х годов, говорили на одном методологическом языке, применяя в значительной степени сходный (если – не идентичный) теоретический и исследовательский инструментарий. Это проявлялось, в том чис-

⁵³ Chartier R. A história cultural: entre políticas e representações / R. Chartier. – Lisboa, 1990; Le Goff J., Nora P. História: novos objetos / J. Le Goff, P. Nora. – Rio de Janeiro, 1976; Duby G. Para uma história das mentalidades / G. Duby. – Lisboa, 1999.

⁵⁴ Foucault M. A ordem do discurso / M. Foucault. – São Paulo, 2004; Halbwachs M. A Memória Coletiva / M. Halbwachs. – São Paulo, 1990; Kristeva J. História de Linguagem / J. Kristeva. – Lisboa, 1969.

⁵⁵ Ginzburg C. Relações de força: história, retórica e prova / C. Ginzburg. – São Paulo, 2002.

⁵⁶ Burke P. História e sociologia / P. Burke. – Porto, 1980; Burke P. A arte de conversação / P. Burke. – São Paulo, 1995; Burke P. A Escola dos Annalles, 1929 – 1989. A revolução francesa da historiografia / P. Burke. – São Paulo, 1991; Burke P. A fabricação do rei / P. Burke. – Rio de Janeiro, 1993.

⁵⁷ Giddens A. Modernidade e identidade / A. Giddens. – Rio de Janeiro, 2002; Giddens A. O Estado-nação e a violência / A. Giddens. – Rio de Janeiro, 2001.

⁵⁸ Huntington S.P. O soldado e o Estado: teoria e política das relações civis e militares / S.P. Huntington. – Rio de Janeiro, 1996.

ле, и в тех сферах, которые были связаны с изучением национализма.

В-четвертых, остановимся на некоторых достижениях бразильских авторов. В бразильском гуманитарном дискурсе практически сразу установилось восприятие национализма как разнообразного и многоуровневого феномена⁵⁹, что выразилось в появлении исследований междисциплинарного характера. Значительная часть работ выдержана в духе, стилистике и методологии интеллектуальной истории⁶⁰, касаясь проблем развития различных политических, культурных и интеллектуальных идентичностей, которые существовали в культурном дискурсе Бразилии на протяжении XX столетия, будучи созданными, благодаря усилиям Жилберту Фрейре⁶¹, а так же других бразильских классиков гуманитарных исследований, среди которых Алберту Торрес, Силвиу Ромеру, Оливейра Вианна⁶².

⁵⁹ Примечательно, что первые работы подобного плана вышли тогда, когда исследований национализма в современном понимании не существовало, но шел процесс их формирования и оформления (см. разделы «Национализм и нации в Латинской Америке в зарубежном научном дискурсе» и «Существует ли советская / российская традиция в изучении национализма в Латинской Америке?» настоящей книги). См. так же: Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939.

⁶⁰ Baêta Neves L.F. *História intelectual e história da educação* / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 377; Fico C. *Reinventando o optimismo: Didatura, propaganda e imaginário social no Brasil* / C. Fico. – Rio de Janeiro, 1997; Ferreira T.M. *Palácios de destinos cruzados: bibliotecas, homens, livros no Rio de Janeiro, 1870 – 1920* / T.M. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1999; Lopes M.A. *A história do pensamento político dos Grands Doctinnaires à história social dea idéias* / M.A. Lopes // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127; Santos A.C. *A invenção do Brasil* / A.C. Santos // RH. – 1985. – No 118. – P. 3 – 12.

⁶¹ Amaral A. *Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental* / A. Amaral // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Araujo R.B. *Guerra e Paz: Casa-Grande e Senzala e a obra Gilberto Freyre nos anos 30* / R.B. Araujo. – São Paulo, 1994; Bastos E.R. *Gilberto Freyre e a Questão Nacional* / E.R. Bastos // *Inteligência Brasileira* / ed. R. Moreas, R. Ferrante. – São Paulo, 1986; Gilberto Freyre e os estudos latino-americanos. – Pittsburgh, 2005.

⁶² Luiz de Souza R. *Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres* / R. Luiz de Souza. – *Sociologias*. – 2005. – Vol. 7. – No 13. – P. 302 – 323; Luiz de Souza R. *Método, raça e identidade nacional em Sílvio Romero* / R. Luiz de Souza // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 9 – 30; Marson A. *A ideologia nacionalista de Alberto Torres* / A. Marson. – São Paulo, 1979; Sússekkind F., Ventura R. *História e dependência: cultura e sociedade em Manoel Bomfim* / F. Sússekkind, R. Ventura. – Rio de Janeiro, 1981; Tavares J.N. *Autoritarismo e dependência: Oliveira Vianna e Alberto Torres* / J.N. Tavares. – Rio de Janeiro, 1979.

Бразильскими авторами создано немало работ, которые близки к англо-американским Nationalism Studies в классическом понимании самого этого исследовательского тренда и направления. Тематика подобных исследований разнообразна. Мы можем упомянуть работы близкие к имперским исследованиям⁶³, которые существуют в некоторых восточно-европейских историографиях. Некоторые исследования посвящены анализу литературных текстов в контексте нациестроительства и развития идентичностей⁶⁴, что сближает бразильскую гуманистику с некоторыми европейскими исследовательскими трендами.

Проблемы политической и культурной модернизации, постепенной трансформации традиционных локальных сообществ, соотношение «высокой» и «низкой» культур⁶⁵ так же пребывает в сфере интересов бразильских авторов, работающих в методологическом поле Nationalism Studies. Большинство исследований, принадлежащих к этому направлению, связано, вероятно, с анализом теоретических проблем развития и функционирования национализма, трансформацией идентичностей и формированием национального государства⁶⁶.

В такой ситуации имеет смысл в значительной степени пересмотреть постсоветские методы изучения латиноамериканской, в том числе – и бразильской, проблематики. Вероятно, в центре ис-

⁶³ Botelho T.R. Censos e construção nacional no Brasil Imperial / T.R. Botelho // TSRS. – Vol. 17. – No 1. – P. 321 – 341; Botelho T.R. População e nação no Brasil do século XIX / T.R. Botelho. – São Paulo, 1998; Gauer R.M. A construção do Estado-nação no Brasil / R.M. Gauer. – Curitiba, 2000; Oliveira L.L. A questão nacional na Primeira República / L.L. Oliveira. – São Paulo, 1990.

⁶⁴ Candido A. Os brasileiros a literatura latino-americana / A. Candido // NE. – 1981. – Vol. 1. – No 1. – P. 58 – 68; Araujo Pelegrini S. de, Manifestações à problematização da palavra na poesia concreta / S. de Araujo Pelegrini // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 1. – P. 39 – 60.

⁶⁵ Cancilini N.C. As culturas populares no capitalismo / N.C. Cancilini. – São Paulo, 1983; Catenacci V. Cultura Popular entre a tradição e a transformação / V. Catenacci // SPP. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 28 – 35; Literatura e Cultura tradição e modernidade / ed. S. de Romalho. – Brasília, 1997; Ortiz R. Cultura brasileira e identidade nacional / R. Ortiz. – São Paulo, 1994.

⁶⁶ Cardoso de Oliveira R. Identidade, Etnia e Estrutura Social / R. Cardoso de Oliveira. – São Paulo, 1976; De Luca T.R. A Revista do Brasil: um diagnóstico para a (N)ação / T.R. De Luca. – São Paulo, 1999; Domingos M., Martins M.D. Significados do nacionalismo e do internacionalismo / M. Domingos, M.D. Martins // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. – P. 80 – 111; Guimarães M.L. Nação e civilização nos trópicos / M.L. Guimarães // EH. – 1988. – 1988. – Vol. 1. – P. 5 – 27; Reis J.C. As itentidades do Brasil / J.C. Reis. – Rio de Janeiro, 1999; Vieira E. Autoritarismo e corporativismo no Brasil / E. Vieira. – São Paulo, 1981.

следований посвященных Бразилии должны быть текст, контекст и бэк-граунд. Тексты интересны не просто как порождения той или иной эпохи. Они интересны сами по себе как попытка зафиксировать историческое, политическое и культурное время. Тексты интегрированы в более широкий контекст нарративных источников. Не исключено, что многие тексты связаны, взаимовлияли друг на друга. Одни тексты неизбежно ведут к появлению новых или забвению старых. За текстами всегда стоит интеллектуальный, культурный или идентичностный бэк-гаунд.

Эти бэк-граунды диаметрально различны: интеллектуальная история, история идей, история текстов никогда не была единой. История в этом контексте – совокупность не фактов, а интерпретаций факта и фактов, история трансформируется в рефлекссию о прошлом, которая запечатлена в нарративе, а рефлексия может перерасти в спекуляцию. Нам остается иметь дело только с текстами, помня о том, что текст, его появление, рефлексия о нем и спекуляция относительно него порождают процесс.

Где лучше отражена история бразильской модернизации в период правления Жетулиу Варгаса? Не в советской, насыщенной цифровыми и статистическими данными, историографии, которая представляет собой рефлекссию, граничащую со спекуляцией на идеологической почве. Сами тексты, тексты выступлений и президентских посланий, то есть сфера безраздельного доминирования политической наррации, в максимальной степени отражает политические дискурсы и стоящие за ними идентичности, интегрированные в широкий социальный и интеллектуальный бэк-граунд.

Вероятно, следует проститься с цифрой и обратиться к тексту. Это – не разрушение истории. Историю в принципе невозможно разрушить – мы имеем дело с фиксацией факта / события, а не самим фактом. Это – разрушение наших общих схематических представлений о прошлом. Это и прощание с иллюзией того, что возможно написание истории вообще. Дефрагментированная история Бразилии – это и дефрагментированные интеллектуальные и политические поля. Дефрагментированная история Бразилии – это и параллельные политические культуры и параллельные интеллектуальные традиции.

История Бразилии, в отличие от современной российской латиноамериканистики, это – не дорога с односторонним движением. Это совокупность историй – от истории политической до истории интеллектуальной, от истории бедности до истории богатства, от истории локальной / региональной до истории национальной, от истории социального до истории маргинального... История становится историей различных социальных, культурных и политических пространств, на которых развиваются интеллектуальные традиции, порождающие культуры, создающие тексты. Мы вернулись к тому, с чего пытались начать. История Бразилии – это история текстов...

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В ЗАРУБЕЖНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В западной политической науке национализм рассматривается как явление, при котором политический и этнический принципы должны совпадать. В отечественной исторической науке национализм до недавнего времени изучался не с научных, а с политических позиций. Если в советской историографии национализм в зависимости от ситуации получал оценку как одного из средств антиимпериалистической борьбы или как орудие отвлечения масс от классовой борьбы, то в новейшей российской историографии национализм оценивался, как правило, негативно, как политически опасное явление.

В 2000 году, с началом выхода журнала «Ab Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве»⁶⁷, отношение к национализму начинает меняться. Появился ряд публикаций нового плана, которые радикально отличны от старой советской историографии и являются российским осмыслением западных методик. Этому способствует и публикация первоисточников – работ западных исследователей национализма⁶⁸. Если национализм в Европе и России изучается, то история национализма в Латинской Америке – это своеобразная *terra incognita* для отечественных специалистов по национализму. Поэтому, данная статья будет представлять собой краткий анализ

⁶⁷ О журнале «Ab Imperio» см.: Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи. 2004. С. 653 - 655.

⁶⁸ Вот далеко не полный список наиболее важных публикаций: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Бройи Д. Подходы к исследованию национализма / Д. Бройи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 201 – 235; Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 297 – 307; Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991; Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М., 1995; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146 – 200; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

основных концепций национализма в западной историографии с перспективой их переложения на почву латиноамериканских исследований.

Прежде чем рассматривать различные дискурсы восприятия наций и национализма в латиноамериканской перспективе в отечественной и англо-американской историографии, следует отметить то, что эти дискурсы были абсолютно различны, так как исторические исследования в СССР и на Западе развивались на основе различных методологических концепций. Вульгарный марксизм, ставший основой советской историографии, способствовал упрощенному пониманию проблем наций и национализма. С одной стороны, эти явления рассматривались разрывно друг от друга, с другой, национализм, как правило, прочитывался не в научных категориях, а в политических, осознаваясь как опасная и реакционная политическая сила или временный союзник пролетариата в классовой борьбе.

Поэтому, исследования национализма, развития наций, национальных культур изучались независимо друг от друга и редко пересекались. Западная историография, в отличие от советской, рассматривала национализм иначе. Не проводя резких различий между категориями национализма и патриотизма, национализм и нации рассматривались в комплексе, как явления политической и культурной истории. Вместе с тем, советский и западный дискурсы понимания национализма редко пересекались. Советский дискурс говорит о том, что отечественные историки были знакомы с западным, но воспринимали его с сугубо негативных позиций. Советское прочтение национализма, в свою очередь, на Западе было почти неизвестно. Знакомство с ним крайних левых политиков, местных маргиналов, не было важным фактором в развитии западной историографии.

Первые серьезные попытки описания истории и идеологии национализма имели место в 1920-е годы. После этого появилось немало исследований, в которых рассматривается национализм. Основное препятствие в изучении национализма, которое мешало проведению дискуссий, состоит в том, что различные исследователи (историки, политологи, социологи) понимают под национа-

лизмом совершенно разные понятия⁶⁹. Большинство имеющихся работ представляют собой синтез анализа теоретических проблем национализма с элементами истории конкретных наций, национализмов и националистических движений⁷⁰. По данной причине, было легче «прикладывать» теории национализма к хорошо изученной европейской проблематике. Страны Латинской Америки тогда просто выпадали из сферы внимания авторов, которые, в своем большинстве, придерживались европоцентристской модели построения и проведения исследования.

Как правило, все вышедшие исследования по национализму можно разделить на две группы – первая представлена работами, авторы которых рассматривают нации и национализм как исторические и последовательно развивающиеся явления; вторая группа не так влиятельна и ее сторонники считают, что нация примордиальна, то есть внеисторична. Сторонников первого течения, как правило, рассматривают как конструктивистов или структуралистов, второго – примордиалистов.

Для анализа истории наций и национализма в Латинской Америке особенно продуктивна первая теория. Латиноамериканские государства становятся независимыми в первой четверти XIX века. Это относительно новые политические образования. Различные периоды их истории относительно неплохо документированы, источниковая база обширна. Таким образом, становление наций и национализма в Латинской Америке проходило на глазах нескольких поколений исследователей, что автоматически облегчает их изучение в отличие от историй национализма и наций в Европе. Примордиальные концепции к изучению национализма в латиноамериканских государствах применить гораздо сложнее, так как они возникли на базе испанских и португальских колоний, что автоматически лишает их периода древней и средневековой истории – основной базы для построения примордиалистских теорий в отношении европейских наций и национализмов.

⁶⁹ Бройи Д. Подходы к исследованию национализма / Д. Бройи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 201.

⁷⁰ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 121.

Как уже было отмечено, первые академические и научные исследования национализма были предприняты в 1920-е годы. Отец исследований национализма - американский историк Карлтон Хэйес («Историческая эволюция современного национализма», 1931). Значительный вклад в становление этих студий был внесен Гансом Коном («Идея национализма», 1944; «Национализм и свобода», 1957; «Мысль Германии», 1965). Они, по словам Э. Хобсбаума, были «отцами-основателями академического изучения национализма»⁷¹, первыми, кто начали изучать и анализировать национализм как историческое явление.

Они стали и первыми его систематизаторами и классификаторами, пытаясь втиснуть самые разнообразные факты в рамки строгих типов и концепций. Хэйес пытался занимать нейтральную и относительно объективную позицию по отношению к национализму.⁷² Он выделил гуманитарный, традиционный, якобинский, либеральный, экономический и интегральный тип национализма.⁷³ Типология Кона основана на дихотомии восточного и западного национализма. При этом западный тип так же дихотомичен и подразделяется на индивидуалистский и коллективистский.⁷⁴ Наличие уже разработанных классификаций национализма может быть применено и к латиноамериканским исследованиям. Рассматривая национализм, как географически и исторически детерминированные «кэйсы», изучение национализма может оказаться крайне продуктивным при анализе национализмов и националистических движений в конкретных странах Латинской Америки.

После выхода работ К. Хэйеса и Г. Кона имел место рост литературы по проблемам теории, истории и идеологии национализма. По мнению Э. Хобсбаума, она не достигла особых успехов.⁷⁵ Однако следует упомянуть работу Карла Дойча «Национализм и социальные связи» изданную в 1953 году. Отличительная

⁷¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм. – С. 8.

⁷² См.: Джунусов М.С. Буржуазный национализм: принципы критики / М.С. Джунусов. – М., 1986. – С.20 – 26.

⁷³ Hayes C. The Historical Evolution of Modern Nationalism / C. Hayes. – NY., 1931.

⁷⁴ Kohn H. The Idea of Nationalism. A Study of its Origins and Background / H. Kohn. – NY., 1944; Kohn H. The Mind of Germany / H. Kohn. – L., 1965; Kohn H. Prophets and People / H. Kohn. – NY., 1961; Kohn H. Nationalism and Liberty / H. Kohn. – NY., 1957.

⁷⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм. – С. 8.

черта его концепции – акцентирование внимания на социологической проблематике в истории национализма. По данной причине, национализм рассматривался им как своего рода форма социальной коммуникации.⁷⁶

Подход Карла Дойча может показаться уже знакомым отечественным латиноамериканистам, так как уделение значительного внимания социальной проблематики, пусть и в особом прочтении, отличительная черта советской историографии, которая при изучении национализма в странах Латинской Америки, несмотря на то, что они велись спорадически и были редки, интерпретировало его как движение социального, в ряде случаев как социалистического (более того, антикапиталистического, антиимпериалистического) протеста. Переосмысление старых советских концепций, освобождение от идеологических клише может оказаться продуктивным при изучении национализма в латиноамериканской перспективе.

В 1945 году вышло исследование Эдварда Карра «Национализм и после». Национализм в дискурсе Карра позиционировался как феномен, связанный с политическими, культурными и религиозными движениями. Им выделялось три периода в истории национализма, а именно: от раннего Нового Времени до Великой Французской революции (в данный период национальное государство ассоциировалось с персоной монарха или правящей династией); от революции до 1914 года (когда народный и демократический национализм распространяется на территории Европы под эгидой международного экономического порядка, основанного на свободе торговли, экспансии и господстве Лондона); от 1914 года до современности – рост европейских наций, военные конфликты и появление авторитарных режимов.⁷⁷

В 1954 году появилась книга Луиса Снайдера «Значение национализма», в которой он предложил четырехэтапную периодизацию истории национализма: 1815 – 1871 – объединительный национализм; 1871 – 1900 – «подрывной» национализм; 1900 – 1945 – «агрессивный» национализм и с 1945 года – «современ-

⁷⁶ Deutsch K. Nationalism and Social Communication. An Enquiry into the Foundations of Nationality / K. Deutsch. – Cambridge, 1953.

⁷⁷ Carr E. Nationalism and After / E. Carr. – L., 1945.

ный» национализм.⁷⁸ В основе типологии, предложенной Л. Снайдером, лежит географический принцип: он выделяет европейский, расовый, ближневосточный, мессианский, русский, американский типы национализма. Эти идеи были развиты в другой работе исследователя – «Новый национализм».⁷⁹

Исследования Э. Карра и Л. Снайдера так же вполне могут быть использованы при изучении латиноамериканской проблематики, несмотря на то, что они в значительной степени «страдают» анализом национализма как почти исключительно европейского феномена. Культурная, политическая и религиозная типология Карра применимо к изучению различных движений в регионе, начиная от социальных и завершая религиозными. При этом, отечественная латиноамериканистика уже имела опыт социального прочтения национальных движений. Обратное прочтение может оказаться продуктивным и полезным при изучении политической истории стран региона. Что касается Снайдера, то в его типологии присутствует американский тип национализма. Под ним, скорее всего, понимались националистические движения, как в Северной, так и в Латинской Америке. Это еще один стимул для изучения феномена национализма в регионе.

Ряд работ по национализму вышел в 1980-е годы. В 1982 году появилось исследование Дж. Армстронга «Нации до национализма». Книга стала своеобразным продолжением сборника «Национализм в средние века» (1972). К ним примыкает книга Э. Смита «Этнические истоки наций» (1986). Авторы этих исследований, в целом, признавая, что само формирование наций и феномена национализма связано исключительно с событиями нового времени, в то время как в Средние Века наций и национализма не существовало.⁸⁰ Исследования Дж. Армстронга, Э. Смита и других важны для выяснения ранней истории наций и национализмов в Латинской Америке, для поиска истоков национальных проблем и процессов формирования новых местных идентичностей, так как появлению независимых латиноамери-

⁷⁸ Snyder L. The Meaning of Nationalism / L. Snyder. – New Brunswick, 1954.

⁷⁹ Snyder L. The New Nationalism / L. Snyder. – Ithaca, 1968.

⁸⁰ Armstrong J. Nations before Nationalism / J. Armstrong. – Chapel Hill, 1982; Smith A. Ethnical Origins of Nationalism / A. Smith. – NY., 1986; Nationalism in the Middle Ages / ed. T.L. Tipton. – NY., 1972.

канских государств предшествовал колониальный период - органическое продолжение политических традиций Испании и Португалии, перенесенных на новую почву.

Не менее важна для изучения национализма в Латинской Америке работа классика исследований национализма Эрнэста Геллнера («Нации и национализм», 1983).⁸¹ Именно он является автором классического определения национализма как «политического принципа, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать».⁸² Геллнер считает, что национализм привел к тому, что после Великой Французской буржуазной революции национальные государства стали нормой европейской истории. Согласно концепции Геллнера, национализм возникает и развивается в индустриальном современном обществе, которое приходит на смену обществу агро-письменному.⁸³

Использование концепции Э. Геллнера вдвойне перспективно в отечественной латиноамериканистике. С одной стороны, теория Геллнера признана классической и без нее не обходится практически не одно исследование национализма. Таким образом, это - руководство для изучения национализма в Латинской Америке не только в теоретическом, но и конкретном историческом аспекте. С другой стороны, работа Геллнера - это, своего рода, очерк истории аграрного общества и общественных отношений при таком типе экономики и социальной структуры. Принимая во внимание уровень традиционности в ряде стран Латинской Америки, книга Геллнера становится весьма актуальной.

Значительный вклад в изучение истории национализма внес чешский историк Мирослав Хрох («Социальные условия национального возрождения в Европе. Сравнительный анализ социального состава патриотических групп среди малых европейских наций», 1985; «Народные движения в Европе в XIX столетии», 1986). М. Хрох считает, что процесс формирования европейских наций был крайне сложен и являлся трансформацией общества в целом. Чешский историк исходит из того, что перед любым националистическим движением стоят конкретные цели, а именно –

⁸¹ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – Cambridge, 1983.

⁸² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 23.

⁸³ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 146.

развитие национальной культуры, обретение гражданских прав, создание завершенной социальной структуры.

Мирославу Хроху принадлежит и одна из типологий национализма, в соответствии с которой следует выделять четыре типа националистических движений, а именно: 1) национальное движение возникает в рамках абсолютистского режима, а массовый характер приобретает в период революций; 2) национальное движение возникает при старом политическом режиме, а массовым становится лишь после конституционных изменений; 3) национальное движение возникает в рамках абсолютистского режима и обретает массовый характер не дожидаясь установления гражданского общества; 4) национальное движение возникает только в конституционных условиях после установления демократического режима.⁸⁴

Несмотря на то, что большинство исследований Хроха посвящено Европе, их использование вполне возможно при изучении национализма в Латинской Америке. Развитие национальной культуры, создание завершенной социальной структуры, обретение гражданских прав - все эти сюжеты представлены в историях стран Латинской Америке. Правда, изучение их раннее носило, скорее, идеологический характер и они не получали прочтения в категориях наций, национализма и национальной идентичности. Типология национализмов по Хроху может быть переложена на изучение национализма в Латинской Америке, так как многие политические движения, которые в советской историографии были прочитаны как социальные, были национальными по причине того, что в разных странах региона национальные движения возникали при одних режимах, исчезали при других, восстанавливались при третьих. При изучении такого циклического развития использования теорий национализма может оказаться нелишним.

⁸⁴ Hroch M. Social Conditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations / M. Hroch. – Cambridge, 1985; Hroch M. Narodni Hnutí v Evropě 19. století / M. Hroch. – Praha, 1986; Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas / M. Hroch. – Prague, 1968; Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 121, 124, 126 – 127.

Среди исследований национализма выделяется работа Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983).⁸⁵ Исследователь считает, что национализм нельзя рассматривать как идеологию, так как он скорее представляет собой систему родства. Национализм, согласно Б. Андерсону, не является идеологией, так как не может создать связной и единой политической доктрины. Согласно его концепции, нации возникают как искусственные конструкции создаваемые воображением мыслителей-националистов. Национализм, соответственно, теории тех или иных местных интеллектуалов. Андерсон смог продемонстрировать, что нации не являются продуктами исторических обстоятельств, таких как язык, культура, религия.

Андерсону принадлежит особая заслуга во введении Америки, в том числе и Латинской, в сферу изучения национализма. В предисловии ко второму изданию «Воображаемых сообществ» Бенедикт Андерсон писал, что еще в первом стремился подчеркнуть то, что национализм возник именно в Америке. Таким образом, был положен конец европоцентричному изучению национализма. Подчеркивая необходимость изучения национализма в Латинской Америке, Андерсон пишет, что исследователям следует сосредоточить внимание на сюжетах, связанных с развитием национализма именно в этом регионе, так как «именно в этих регионах впервые всецело обнаружили себя амнезии национализма». Андерсон, который сам ввел в исследовательскую литературу термин «*imagined communities*» («воображаемые сообщества») считает, что исследователям пора отказаться от «привязки» этого понятия исключительно к Европе или Азии. В связи с этим Андерсон пишет: «креольские сообщества рано сформировали представления о том, что они нации - задолго до большинства сообществ Европы».⁸⁶

Во втором издании книги Андерсона латиноамериканская проблематика представлена более широко. Андерсон считает, что страны Латинской Америки крайне интересны для изучения в них национализма. По данной причине, особое внимание им он уделил в главе «Креольские пионеры», которая была специально

⁸⁵ Anderson B. *Imagined Communities* / B. Anderson. – L., 1983.

⁸⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – С. 25, 73.

переработана им для второго издания по причине критических замечаний со стороны испаноязычных исследователей. Освободительные движения в регионе, которые привели к появлению независимых государств, оцениваются Андерсоном как националистические. Он не склонен рассматривать их как социальные или политические, так как социальная масса движений была крайне узкой, а сами их лидеры считали невозможным участие широких масс.⁸⁷

Комментируя это, Андерсон пишет, что политическое сопротивление Испании в Латинской Америке развивалось именно в национальных формах. Не отрицая роли экономического фактора и влияния со стороны представителей европейского Просвещения, Андерсон все же отмечает, что «ни экономический интерес, ни либерализм, ни Просвещение не могли сами по себе создать и не создали тот тип, или форму воображаемого сообщества». Политические изменения он связывает с активностью местных интеллектуалов, которые оказались националистами.⁸⁸

Рассматривая развитие национализма в Латинской Америке, он ссылается на одного из колумбийских либералов XIX века Педро Фермина де Варгаса, говорившего о необходимости испанизации местного индейского населения. Андерсон упоминает и особенности националистической политики в отношении индейцев в Бразилии и Аргентине. Многие проявления культуры латиноамериканских народов XIX века, особенно - литература, оцениваются Андерсоном как националистические. Именно в литературе Андерсон видит «национальное воображение», которое вело росту националистических идей и, в конечном счете, становлению латиноамериканских наций. Андерсон затрагивает и проблему языка: несмотря на то, что на испанском и португальском языках говорят в Европе и в Латинской Америке, это ни сколько не влияет на развитие национальной идентичности в регионе. Согласно Андерсону, сколь глубокой не была бы близость между Латинской Америкой и Испанией и Португалией - все эти государства, в одинаковой мере, следует рассматривать как национальные со своими сложившимися нациями.⁸⁹

⁸⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 52 - 53.

⁸⁸ Там же. – С. 88.

⁸⁹ Там же. – С. 37, 71 - 72.

Если исследования национализма до Б. Андерсона, создают отвлеченные возможности для изучения наций и национализма в Латинской Америке, то работа Андерсона - важный стимул. Работа Андерсона нуждается в более глубоком прочтении именно в латиноамериканской перспективе. Андерсон особое внимание уделил именно Латинской Америке. Как бы ни было интересно исследование Андерсона, он - специалист по национализму в Азии. Поэтому, латиноамериканская проблематика в «Воображаемых сообществах» представлена на фоне азиатской. Для отечественной латиноамериканистики, которая имеет опыт изучения историй и культур региона, сама методология Андерсона, который рассматривает науку, культуру, литературу как факторы, широко используемые местными интеллектуалами в национальном движении или при создании национальной идентичности, будет способствовать развитию, расширению круга исследуемых тем.

Теоретические положения, заложенные Андерсоном, Геллнером, Хобсбаумом и другими, нашли свое дальнейшее развитие в исследованиях, посвященных конкретным проблемам по истории и идеологии наций, национализма и нациестроительства в отдельных странах Латинской Америки и всего региона в целом. Англо-американская историография национализма в Латинской Америке разрабатывала самый широкий комплекс проблем, связанный с историей и идеологией национальных и националистических движений, процессом формирования наций, становлением национальных идентичностей. Западная историография национализма всегда отличалась плюрализмом мнений и национализм получил изучение в самых разнообразных дискурсах.

Первый дискурс, который демонстрирует нам западная англо-американская историография, изучение национализма в общетеоретическом аспекте. Теоретические исследования представлены как коллективными, так и авторскими монографиями.⁹⁰

⁹⁰ Loveman B. *Inventing la Patria: Wars, Caudillismo, and Politics, 1810 – 1885* / B. Loveman // *For la Patria. Politics and Armed Forces in Latin America*. – Wilmington, 1999. – P. 27 – 47; Centeno M.A. *War and Memoirs: Symbols of State Nationalism in Latin America* / M.A. Centeno // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. – Vol. 66. – June, 1999. – P. 75 – 106; Brading D. *The First America. The Spanish Monarchy, Creole Patriots and the Liberal State, 1492 – 1867* / D. Brading. – NY., 1991; Miller N. *In the Shadow of the State. Intellectuals and the Quest for National*

В западной историографии проанализированы такие проблемы, связанные с национализмом в Латинской Америке как войны и ее роль в формировании национальных государств в регионе, национальное воображение и роль местных интеллектуалов в формировании национальных идентичностей в государствах Латинской Америки. В ходе таких исследований их авторы нередко следовали вслед за классической схемой, предложенной Э. Геллнером, рассматривая национализм в Латинской Америке как принцип, при котором этнический и политический компоненты должны были совпадать. Историческая память, фактор «мест памяти» и национальные нарративы местных историографий так же получили изучение в контексте исследования национализма в латиноамериканском регионе. Анализ традиционных обществ, изучение процесса их модернизации и превращение крестьянских сообществ в нации - проблемы, которые так же получили широкое изучение в рамках латиноамериканских исследований на Западе. Среди англо-американской историографии выделяются сборники «За Родину. Политика и вооруженные силы в Латинской Америке» (1999), «Формирование государств и демократия в Латинской Америке» (2000), «Солдат и государство в Южной Америке» (2001), «Кровь и долг. Война и национальное государство в Латинской Америке» (2002).⁹¹

Наряду с общими исследованиями отдельный дискурс западной историографии представлен работами, посвященными нациям и национализму в отдельных государствах Латинской Америки. В кубинской перспективе национализм рассматривается как движение освободительного типа, связанное как со становлением нации, так и формированием национального самосознания и

Identity in the 20th Century Latin America / N. Miller. – L., 1999; Posado-Carbo E. Wars, Parties and Nationalism. Essays on Politics and Society of the 19th Century Latin America / E. Posado-Carbo. – L., 1995; Radcliffe S., Westwood S. Remaking the Nation. Place, Identity and Politics in Latin America / S. Radcliffe, S. Westwood. – NY., 1996; Sommer D. Foundational Fictions. The National Romances in Latin America / D. Sommer. – Berkley, 1991.

⁹¹ Blood and Debt. War and the Nation-State in Latin America. – University Park, 2002; The Soldier and the State in South America. – NY., 2001; For la Patria. Politics and Armed Forces in Latin America. – Wilmington. 1999; Resistance, Rebellion and Consciousness in the Andean Peasant World. – Madison, 1987; State Formation and Democracy in Latin America, 1810 - 1900. – Duke University, 2000.

различных местных идентичностей.⁹² Перу рассматривается как один из классических примеров воображения нации усилиями местных национально ориентированных интеллектуалов. Национальные и этнические общности неиспанского происхождения (индейцы и японцы), их идентичности так же получили изучение в англо-американской историографии.⁹³ Изучение национализма в Чили так же многопланово: изучаются проблемы аграрного сообщества и процессов его модернизации на путях построения национального государства и формирования национальной идентичности.⁹⁴

Националистические идеи, освободительное движение, соотношение национализма и коммунизма в чилийской истории так же стали объектом глубокого изучения. Парагвайский национализм так же изучается как государство и нациеобразующий фактор.⁹⁵ Что касается Бразилии, то бразильский национализм воспринимается как в этнической, так и политической перспективах: английскими и американскими латиноамериканистами проанализированы особенности концепта нации, национальных мифов, национальной идентичности и национального государства в бразильской истории.⁹⁶ Аргентинская перспектива изучения национализма - это исследования в области строительства национального государства, образа «чужого» в работах местных интеллектуалов, создание концепта «Аргентины» и «аргентинцев» как

⁹² Ferrer A. *Insurgent Cuba. Race, Nation and Revolution 1868 – 1898* / A. Ferrer. – Chapel Hill, 1999.

⁹³ Gardiner C.H. *The Japanese and Peru, 1873 – 1973* / C.H. Gardiner. – Albuquerque, 1975; Klaren P.F. *The Indian Question in Latin America* / P.F. Klaren // *The Wilson Quarterly*. – Vol. 15. – No 3. – 1990. – P. 23 – 32; Thurner M. *From Two Republics to One Divided. Contradictions of Postcolonial Nationmaking in Andean Peru* / M. Thurner. – Durham, 1997.

⁹⁴ Bauer A. *Chilean Rural Society* / A. Bauer. – NY., 1975; Clissord S. *Bernardo O'Higgins and the Independence of Chile* / S. Clissord. – NY., 1969; Collier S. *Ideas and Politics of Chilean Independence* / S. Collier. – NY., 1967; Halperin E. *Nationalism and Communism in Chile* / E. Halperin. – Cambridge, 1965.

⁹⁵ Kolinski Ch. *Independence or Death! The Story of the Paraguayan War* / Ch. Kolinski. – Gainesville, 1965; Pendle G. *Paraguay: a Reversible Nation* / G. Pendle. – L., 1967; Warren H.C. *Rebirth of Republic. The First Colorado Era, 1878 – 1904* / H.C. Warren. – Pittsburgh, 1985.

⁹⁶ Barman R. *The Forging of Nation 1798 – 1852* / R. Barman. – Stanford, 1988; Burns E. *Nationalism in Brazil* / E. Burns. – NY., 1968; Costa E. *The Brazilian Empire: Myths and Histories* / E. Costa. – Chicago, 1985; Haring C. *Empire in Brazil* / C. Haring. – Cambridge, 1966.

воображаемых сообществ, роль гендера в национальном и националистическом движениях.⁹⁷

Изучение национализма в истории Мексики представлено не меньшим числом сюжетов: в рамках англо-американской историографии глубоко проанализированы американо-мексиканские отношения и их роль в формировании национализма и развитии национальных движений, фактор войны в конструирование националистических идей, складывание мексиканской национальной идентичности, этнические процессы в донациональный период и трансформация крестьянских сообществ в национальные общности.⁹⁸

Таким образом, в рамках западной историографии был представлен самый широкий круг проблем (от этнических истоков наций и национальных движений периода активной борьбы за независимость до особенностей местных национальных идентичностей и идеологий национальных и националистических движений в странах Латинской Америки на современном этапе) и их изучение продолжается и в настоящее время. Что касается отечественной историографии, то в ее рамках изучение национализма шло иначе и имело свои особенности, о которых речь пойдет ниже.

⁹⁷ Burns J. The People's War / J. Burns // *The Land that lost its Heroes*. – L., 1987. – P. 86 – 100; Foster K. Enemy Mine / K. Foster // *Fighting Fictions. War, Narrative, and National Identity*. – L., 1999. – P. 130 – 153; Lopez-Alves F. A Stronger State and Urban Military: Argentina, 1810 – 1890 / F. Lopez-Alves // *State Formation and Democracy in Latin America, 1810 - 1900*. – Duke University, 2000. – P. 141 – 192; Shunway N. The Invention of Argentina / N. Shunway. – Berkley, 1991; Taylor D. Disappearing Acts, Spectacles of Gender and Nationalism in Argentina's "Dirty War" / D. Taylor. – Durham, 1997.

⁹⁸ Benjamin Th. La Revolucion. Mexico's Great Revolution as Memory, Myth and History / Th. Benjamin. – Austin, 2000; Brading D. Origins of Mexican Nationalism / D. Brading. – Cambridge, 1985; Guardino P. Peasants, Politics and the formation of Mexico's National State. Guerrero, 1800 – 1857 / P. Guardino. – Stanford, 1996; Knight A. Peasants into Patriots. Thoughts on the Making of the Mexican Nation / A. Knight // *Mexican Studies*. – 1994. – Vol. 1. – No 1; Lomnitz C. Deep Mexico, Silent Mexico. An Anthropology of Nationalism / C. Lomnitz. – Minneapolis, 2001.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКАЯ / РОССИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ?

Ответить на вопрос, вынесенный в название этого раздела, можно вероятно так: отечественная латиноамериканистика имеет определенный опыт в изучении истории и идеологии национализма в странах Латинской Америки. Имеет опыт, но не имеет традиции? Попытаемся проанализировать эту ситуацию.

Первые публикации, которые формировали советский дискурс восприятия национализма в регионе появились в 1960-е годы. Появление националистической тематики в советской латиноамериканистике было связано с тем, что, по мнению Н.Е. Копосова, происходит «стремительный распад концепции классовой борьбы»⁹⁹, вокруг которой до этого развивались отдельные спорадические исследования, посвященные Латинской Америке. Кроме этого создается специализированный институт, призванный заниматься изучением Латинской Америки. Цензура ослабла и научный дискурс был подвергнут незначительной, в том числе и организационно-структурной, дефрагментации.

Возможности для исследовательского маневра, ранее значительно ограниченные пределами историографического канона, были расширены, хотя его связь с требованиями лояльности сохранялась. Вероятно, именно поэтому в 1976 году вышел новаторский для своего времени сборник статей, посвященный истории и идеологии националистических движений в некоторых государствах Латинской Америки. Сборник «Нации в Латинской Америке» стал первым опытом переложения советских теорий наций и национальных отношений на латиноамериканскую почву. Процессы формирования наций в регионе советские историки связывали исключительно с социально-экономическими отношениями, что автоматически исключало многие аспекты политиче-

⁹⁹ Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н.Е. Копосов. – М., 2005. – С. 168.

ской истории, принципиально важные для формирования наций и национальных идентичностей.¹⁰⁰

Появление этой книги свидетельствовало о том, что дискурс восприятия национализма несколько изменился. Национализм по-прежнему получал искаженное, политическое, а не научное прочтение, позиционируясь, как правило, в качестве одного из орудий антиимпериалистической борьбы прогрессивных сил региона или реакционной политической силы. По данной причине, особое внимание советскими исследователями акцентировалось на «борьбе коммунистических и рабочих партий Латинской Америки против национализма за единство всех прогрессивных и антиимпериалистических сил».¹⁰¹

Утверждению такого ортодоксального и догматического дискурса восприятия национализма способствовала не только цензура и официальная идеология. Их появлению содействовал и особый искусственный интеллектуальный климат, который поддерживался и через появление переводных изданий, в рамках которых национализм прочитывался негативно. Эти публикации были написаны, как представляли их советские издатели, в «русле ленинских идей».¹⁰² Национализм мог рассматриваться лишь в связи с отношением к нему коммунистических партий латиноамериканского региона. Такое отношение автоматически делало почти невозможным дальнейшее изучение национализма как самостоятельного явления. По данной причине, национализм преподносился как опасная и реакционная политическая сила, что еще более усиливало ортодоксальный характер советской историографии.

В 1970-е годы, несмотря на культивирование официального восприятия национализма, подобный дискурс не был единствен-

¹⁰⁰ Альперович М.С. Война за независимость и формирование мексиканской нации / М.С. Альперович // Нации Латинской Америки. – М., 1964; Машбиц Я.Г. Некоторые социально-экономические и географические аспекты консолидации мексиканской нации / Я.Г. Машбиц // Нации Латинской Америки. – М., 1964.

¹⁰¹ Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения / ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1976; Коваль Б.И., Караваев А.А. Отношение коммунистов к массовым националистическим движениям (на примере Латинской Америки) / Б. Коваль, А. Караваев // Проблемы коммунистического движения. Ежегодник. – М., 1974.

¹⁰² См. напр.: Надра Ф. Критика «национального социализма» / Ф. Надра. – М., 1977; Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности / Х.К. Мариатеги. – М., 1970.

ным. В пользу этого предположения говорят два реферативных сборника, где в советском прочтении рассмотрены проблемы культурной и от части этнической идентичности. В отличие от коллективной монографии, посвященной национализму, исследования по истории культуры представляют более широкий дискурс восприятия национализма. Выводы этого сборника были в большей степени свободны от идеологических штампов. Поэтому, они могут в некоторой степени быть интегрированы в современные исследования национализма в Латинской Америке. В тот же период появилось и коллективное исследование, посвященное проблеме художественного своеобразия литератур в странах Латинской Америки, где проблема наций и национализма, хотя и не получила широкого и открытого изучения, тем не менее некоторые элементы формирования наций и национальных идентичностей все же рассмотрены.¹⁰³

После таких относительно фундаментальных работ должны были последовать частные и более конкретные исследования, которые развивали бы их положения и выводы. Этого, однако, не произошло. Национализм находился на периферии научных интересов российских латиноамериканистов. Проблемы национализма, национальных и националистических движений «тонули» в числе многочисленных публикаций о проникновении американского империализма в регион Латинской Америки, о предательской роли социал-демократии и реформизма, о революционном движении, о прогрессивной общественно-политической и философской мысли и истории местных коммунистических партий. Это, однако, не означало полного исключения национализма из числа исследовательских направлений.

Проблемы истории национализма оказались отражены и в работах, посвященных истории возникновения независимых государств в Латинской Америке.¹⁰⁴ Однако советская историогра-

¹⁰³ Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. – М., 1978; Проблемы специфики латиноамериканской философии. Сборник рефератов. – М., 1975; Актуальные проблемы современной латиноамериканской философии. Сборник рефератов. – М., 1973; Художественное своеобразие литератур Латинской Америки. – М., 1976.

¹⁰⁴ Альперович М.С. Освободительное движение конца XVIII - начала XIX века в Латинской Америке / М.С. Альперович. – М., 1966; Альперович М.С. Война за независимость Мексики / М.С. Альперович. – М., 1964; Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. Образование независимых государств в Латинской Америке (1804 - 1803) /

фия не было склонна интерпретировать движения за независимость как национальные и, тем более, националистические. Их лидеры так же воспринимались как представители скорее социально-освободительного, но не национального (и тем более не националистического движения). Симон Боливар (несмотря на то, что его работы были переведены на русский язык)¹⁰⁵ из типичного националиста трансформировался усилиями советских историков в одного из прогрессивных деятелей региона, скорее патриота, но не националиста.¹⁰⁶ В целом, движения за независимость изучались как революционные и освободительные, роль народных масс преувеличивалась, роль местных интеллектуалов занижалась, национальная специфика замалчивалась или вовсе не рассматривалась. Вместе с тем, существовала тенденция к оценке этих движений как социальных. Советские историки акцентировали внимание, как правило, на социально-экономических последствиях национальных движений. Поэтому, нередко национальные движения советскими историками превращались в антифеодальные, социальные, антиклерикальные. На национальные процессы переносились советские исторические нарративы, например, об «иностранный интервенции».¹⁰⁷

В исследованиях по истории национальных культур и литератур темы и сюжеты, связанные с различными аспектами национальной идентичности и самосознания, так же были представлены крайне фрагментарно. Национальная специфика и национальные идеи в культурах не отрицались, но рассматривались или как реакционные, или как художественно не значимые для развития региона. В случае если в сферу внимания советской историографии и попадали национально мыслящие авторы, то они оценивались как представители освободительного движения. На-

М.С. Альперович, Л.Ю. Слезкин. – М., 1966; Ильина Н.Г. Колумбия: от колонии к независимости / Н.Г. Ильина. – М., 1976; Мирошевский В. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492 - 1810) / В. Мирошевский. – М.-Л., 1946; Штрахов А.И. Война за независимость Аргентины / А.И. Штрахов. – М., 1976.

¹⁰⁵ Боливар С. Избранные произведения. Речи, статьи, письма, воззвания. 1812 – 1830 / С. Боливар. – М., 1983.

¹⁰⁶ Глинкин А.Н. Дипломатия Симона Боливара / А.Н. Глинкин. – М., 1991; Григулевич И.Р. Боливар (1783 - 1830) / И.Р. Григулевич. – М., 1981.

¹⁰⁷ Бельский А.Б. Разгром американским народом иностранной интервенции (1861 - 1867) / А.Б. Бельский. – М., 1959.

ционалистические идеи в их творчестве принижались, а внимание акцентировалось на связях с народными массами или отсутствие таковых. Если эти связи имели место, то национальные идеи оценивались как прогрессивные, если нет - как реакционные.¹⁰⁸

Проблематика, связанная с национальными идентичностями и национализмами, стала частью этнографических исследований, и проблемы национализма получили крайне ограниченное отражение в исследованиях этнических или национальных процессов в регионе Латинской Америки. Эти издания демонстрируют официальный (или официозный) дискурс восприятия национализма. В исследованиях подобного плана само существование национализма могло отрицаться. Если его существование признавалось, то на изучение национализма в латиноамериканских странах перекладывались идеологические схемы, апробированные на изучении «буржуазных национализмов». При таком автоматическом перенесении оценок национализм преподносился как одно из орудий американского империализма и местной реакции, стремящихся отвлечь массы от классовой борьбы и революционного движения.¹⁰⁹

Советские коллективные издания 1970 - 1980-х годов посвященные этническим или национальным процессам в Латинской Америке несут на себе все родовые признаки советской историографии. Слово «национализм» в их рамках имеет явно негативный смысл. «Буржуазный национализм» преподносится как основное препятствие в развитии региона. Этническая история советскими исследователями сводилась к истории социально-экономической. Классовая борьба оценивалась как путь к созданию нации. Это вело к полной деперсонификации этнической истории Латинской Америки.

Советская историография культивировала стереотип, что нации возникли в результате развития социального сознания народ-

¹⁰⁸ Культура Боливии / ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1986; Культура Бразилии / ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1981; Культура Венесуэлы / ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1984; Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. – М., 1967; История литератур Латинской Америки. От войны за независимость до завершения процесса национальной государственной консолидации (1810 - 1870-е годы) / ред. В.Н. Кутейщикова. – М., 1988.

¹⁰⁹ Этнические процессы в странах Карибского моря. – М., 1982; Этнические процессы в странах Южной Америки. – М., 1981; Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. – М., 1974.

ных масс в ходе революционной борьбы без участия местных интеллектуалов. Процессы формирования наций сводятся к постепенному отдалению испаноязычного населения региона от испаноговорящих европейцев. Истоки такого отдаления советские историки искали в первую очередь в социальных отношениях, сводя все к тому, что испанцы из Европы оказывались представителями имущих классов, а потомки переселенцев - угнетаемым населением.

Более того, советские историки старались доказать, что ведущая роль в формировании наций принадлежала именно «широким народным массам», особенно – угнетаемым неграм и индейцам. Такой подход автоматически исключал из сферы научного анализа богатое наследие местных интеллектуалов лишь на том основании, что они не доросли до единственно верного понимания исторического процесса. Вместе с тем, акты социальной борьбы и социальные движения преподносились как важнейшие факторы нациегенеза в Латинской Америке. Теории советской историографии о формировании наций в данном регионе в своем большинстве были надуманы, выдержаны в соответствии с господствующей политической идеологией. Советские историки постепенно сводили процессы развития национального самосознания ... к появлению рабочего и революционного движения. Выводы подобных исследований не объясняли особенности национальных процессов, доказывая лишь то, что «агрессивные круги империалистической реакции оказываются во все большей изоляции».¹¹⁰

Исследования, посвященные этническим процессам в отдельных странах региона, демонстрируют еще один дискурс вос-

¹¹⁰ Хорошаева И.Ф. Этническая история и национальные отношения / И.Ф. Хорошаева // Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике / ред. С.А. Гонионский. – М., 1974. – С. 48 – 86; Кинжалов Р.В. Гватемала. Этническая история Древней Гватемалы / Р.В. Кинжалов // Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. – С. 87 – 97; Хорошаева И.Ф. Основные направления этнического развития колониальной и независимой Гватемалы / И.Ф. Хорошаева // Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. – С. 98 – 121; Нитобург Э.Л. Сальвадор. Становление нации / Э.Л. Нитобург // Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. – С. 122 – 179.

приятия национализма.¹¹¹ Он более научен и в гораздо большей степени свободен от идеологических клише. В исследованиях М. Котовской и Л. Шейнбаум национальная проблематика представлена в связи с этническими процессами, Экономическая и социальная стороны так же присутствуют, но в исследовании они не приоритетны, что выгодно отличает эти работы от остальной советской историографии по национальным процессам в Латинской Америке. Вместе с тем, в работах, посвященных истории испанских и непортугальских этнических сообществ в странах Латинской Америки, этот дискурс вновь преломляется в сторону официального советского прочтения национализма. В исследованиях подобного плана господствовали примитивные идеологические схемы советской историографии. Роль славянского влияния преувеличивалась. Доказывалось, что славянские переселенцы из Польши, России и Украины принесли не только передовые методы ведения хозяйства, но и прогрессивные коммунистические идеи.¹¹²

В целом, направленного изучения истории и идеологии национализма и движений (национальных и националистических) в отечественной латиноамериканистике в 1960-1980-е годы не велось. Национальные и националистические сюжеты терялись в массе социально одобренных и признанных актуальными для изучения проблем рабочего и революционного движения, истории местных коммунистических партий. Если они и проникали на страницы монографий по политической истории, то они никогда не главенствовали среди исследуемых сюжетов и, если в политической, религиозной и военной¹¹³ жизни стран Латинской Аме-

¹¹¹ Ганионский С. Колумбия. Историко-этнографические очерки / С. Ганионский. – М., 1973; Шейнбаум Л.С. Аргентинский этнос / Л.С. Шейнбаум. – М., 1984; Котовская М.Г. Этнические процессы в Бразилии / М.Г. Котовская. – М., 1985.

¹¹² См.: Стрелко А.А. Славянские группы в странах Южной Америки / А.А. Стрелко // Этнические процессы в странах Южной Америки. – М., 1981. – С. 514 – 533; Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки / А.А. Стрелко. – Киев, 1980.

¹¹³ О политических течениях в Латинской Америке см.: Гончарова Т.В. Индеанизм: идеология и политика / Т.В. Гончарова. – М., 1979; Современные идеологические течения в Латинской Америке. – М., 1983. О роли армии см.: Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика / Ю.А. Антонов. – М., 1973; Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке / А.Ф. Шульговский. – М., 1979. О религии и Церкви см.: Андропова В.П. Церковь и просвещение в Латинской Америке / В.П. Андропова. – М., 1972; Андропова В.П. Колумбия: церковь и общество / В.П.

рики национальные (или националистические) идеи играли роль, то в советской историографии их влияние в значительной степени искусственно занижалось. Именно эта тенденция и составляла основную особенность официального советского дискурса в восприятии национализма.

Правда, официальное содержание советского дискурса 1970-1980-х годов в изучении национализма не следует преувеличивать. Несмотря на общий официальный тон советских исследований по истории литератур в Латинской Америке, отечественные исследователи были в состоянии создавать исследования, которые выходили за рамки официального дискурса. Некоторой ломке официального дискурса советского восприятия национализма способствовало то, что советским историкам sporadически оказывались доступными русские переводы исследований по истории литератур в Латинской Америке.¹¹⁴ Зарубежные авторы, в отличие от советских, были более свободны от идеологических догм при изучении истории национализма. Это вело к тому, что советские исследования по данной теме постепенно становятся более аналитическими, а не политически декларативными, как работы 1960 - 1970-х годов. Это в наибольшей степени характерно для исследований В.Б. Земскова и И. Тертерян.¹¹⁵

Данные работы демонстрируют советский дискурс восприятия национализма в несколько иной плоскости. Они свободны от идеологических схем и клише, не содержат ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма (что особенно примечательно для книги В.Б. Земскова, вышедшей в 1977 году), рассматривают проблемы, связанные с развитием национального самосознания и, в некоторой степени, национализма не как явления социально-экономической истории. Национализм в рамках этих работ не маркирован в духе официальной историографии как реакционное

Андропова. – М., 1970; Григулевич И.Р. Латинская Америка: церковь и революционное движение / И.Р. Григулевич. – М., 1989; Семенов С.И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке / С.И. Семенов. – М., 1971; Ларин Н.С. Борьба церкви с государством в Мексике / Н.С. Ларин. – М., 1965.

¹¹⁴ Карилья Э. Романтизм в Латинской Америке / Э. Карилья. – М., 1965.

¹¹⁵ Земсков В.Б. Аргентинская поэзия гаучо. К проблеме отношений литературы и фольклора в Латинской Америке / В.Б. Земсков. – М., 1977; Тертерян И. Человек мифотворящий. О литературе Испании, Португалии и Латинской Америки / И. Тертерян. – М., 1988.

политическое учение. Он, наоборот, прочитан с принципиально новых для советской исторической науки позиций, как феномен политической и культурной истории. При этом такие работы были не в силах изменить парадигму развития советской латиноамериканистики.

К тому же исследование И. Тертерян (1933 - 1986) «Человек мифотворящий. О литературе Испании, Португалии и Латинской Америки» вышло лишь после ее смерти в 1988 году, когда советская историография доживала свои последние годы. Книга, к сожалению, не смогла серьезно повлиять на развитие исследований национальной проблематики и в значительной степени осталась незамеченной. Однако в 1989 году была предпринята первая, но пока робкая, попытка рассмотреть страны региона как национальные государства.¹¹⁶ Дискурс восприятия и понимания национализма, как он прочитан И. Тертерян, В. Земсковым и частично Н. Марчуком, это, скорее всего, не официальный советский дискурс, а нечто переходное к современной историографии. Это - особое прочтение проблемы не с официальных, а интеллектуалистских позиций.

Таким образом, на протяжении 1960 - 1980-х годов проблемы наций, национализма и национальных идентичностей не получали научного изучения в советской латиноамериканистике. Советская историография, несмотря на некоторое варьирование оценок национализма, демонстрируют в принципе один дискурс восприятия национализма. Советский дискурс национализма сводился к упрощенному восприятию национализма как орудия империалистической реакции или средства антиимпериалистической борьбы. Такая своеобразная дихотомия, разумеется, не способствовало объективному восприятию национализма. Потребовался распад Советского Союза, взрыв националистических настроений в России и соседних государствах, более десяти лет изучения национализма в отечественной и имперской перспективе, издание фундаментальных исследований по теории национализма на русском языке, прежде чем стало необходимым обра-

¹¹⁶ Марчук Н.Н. Становление национальных государств в Латинской Америке / Н.Н. Марчук. – М., 1989.

таться к изучению наций, национализма, национальных идентичностей и националистических движений в Латинской Америке.

Отечественная латиноамериканистика о национализме в латиноамериканском регионе вновь вспомнила в 1990-е годы¹¹⁷, но по сравнению с другими изучаемыми проблемами национализм все равно выглядела, используя терминологию, Роберта Вильямса как «потерянный сюжет».¹¹⁸ Дискурс восприятия национализма несколько изменился, несмотря на то, что работ о национализме в отдельных странах региона, об особенностях национальных и националистических движений в целом так и не появилось. При этом, националистическая тема все же постепенно пробирается в исследования.

Двухтомное исследование о цивилизационной специфике Латинской Америки, вышедшее в 1995 году, стало серьезной заявкой на изучение истоков национальной специфики государств региона.¹¹⁹ Однако, национализм все рано не стал предметом самостоятельного изучения. Показательна книга Б.Ф. Мартынова «Золотой канцлер», посвященная барону де Рио-Бранко - бразильскому дипломату, решившему в начале XX века территориальные противоречия Бразилии с соседями. Не рассматривая де Рио-Бранко как бразильского националиста, анализируя, главным образом, его роль во внешней политике, книга содержит интересный и новый материал о развитии «бразильской идентичности», несмотря на то, что сам этот термин автором не используется.¹²⁰

Иная тенденция наметилась в 2002 году с изданием нового учебника по Новой истории стран Европы и Америки. В отноше-

¹¹⁷ Комментируя общую ситуацию, которая сложилась с гуманитарными науками после распада СССР, Н.Е. Копосов полагает, что «можно было ожидать, что исчезновение цензуры приведет к историографическому ренессансу, однако этого не случилось» (Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н.Е. Копосов. – М., 2005. – С. 165). Утверждение вполне соотносится и с той ситуацией, которая на протяжении 1990-х годов сложилась в латиноамериканистике. Теоретическое и методологическое оживление имело крайне непродолжительный характер, сведясь в основном к культурологическим дискуссиям относительно специфики латиноамериканской цивилизации.

¹¹⁸ Williams R.C. European Political Emigration: A Lost Subject / R.C. Williams // Comparative Studies in History and Society. – 1970. – Vol. 12. – P. 140 - 148.

¹¹⁹ Гончарова Т.В., Стеценко А.К., Шемякин Я.Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки / Т.В. Гончарова и др. – М., 1995. – Кн. 1 – 2.

¹²⁰ Мартынов Б.Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко - великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. – М., 2004.

нии Латиноамериканского региона начал использоваться термин национализм. Освободительные движения стали рассматриваться не только как политические и социальные, но и как национальные. Политические изменения XIX века воспринимаются как строительство национальных государств. Национализм осознается как консервативное течение, противостоявшее космополитизму либералов. Хотя, такая оценка не совсем верна и справедлива (нельзя связывать национализм исключительно с консерватизмом, так как политический и общественный спектр бытования и востребованности националистических идей, как правило, максимально широк и колеблется от левых до правых, от религии до культуры), положительная тенденция очевидна уже в том, что национализм вновь оказывается в центре внимания исследователей.¹²¹

Изучение наций и национализма в Латинской Америке становится все более актуальным. К тому же, по словам П. Чаттерджи, «национализм вновь стал в повестку дня мировых событий».¹²² Например, события января 2005 года в Перу, связанные с захватом заложников, подтверждают это. Европейские СМИ позиционировали эту акцию как результат действий крайних перуанских националистов. Отечественная пресса (почти по нормам советской историографии) списала все происходящее на экстремизм и нерешенность социальных проблем. Национальная (или националистическая) подоплека событий вновь осталась незамеченной. Таким образом, сам ход политических процессов в странах Латинской Америки рано или поздно ставит перед исследователями проблему национализма. Однако отечественная латиноамериканистика (равно как и вся отечественная историческая наука в условиях глубокого методологического кризиса) будет вынуждена базировать новые исследования национализма и наций не на старом советском научном наследии, а на выводах англо-американской историографии наций и национализма.

Рассмотрев теоретические основы исследований национализма и его восприятие западными исследователями в различных

¹²¹ Марчук Н.Н. Возникновение и первые шаги государств Латинской Америки / Н.Н. Марчук // Новая история стран Европы и Америки / ред. И.М. Кривогуз. – М., 2002. – С. 438 - 440.

¹²² Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает. – С. 283.

дискурсах, показав, что они в принципе применимы для изучения проблем связанных с историей, культурой и экономикой стран Латинской Америки, следует несколько подробнее прокомментировать те направления отечественной латиноамериканистики, где приложение теорий национализма может дать продуктивные результаты. Первое направление – теоретико-методологические исследования. Если в отношении Европы и Азии такие исследования были созданы после значительного изучения местных региональных наций и национализмов, то в отношении Латинской Америки, используя выводы рассмотренной выше историографии, возможно первоочередное создание именно теоретической базы именно в латиноамериканской перспективе.

Теория влечет обращение к более конкретным проблемам. Современная латиноамериканистика в отличие от старой советской историографии должна отказаться от одностороннего восприятия национализма в социально-экономических категориях. Она должна рассматривать национализм в самых разных дискурсах. Национальная идентичность испанского и португальского населения может стать предметом изучения. Обращение к данной теме создает перспективы для компаративного исследования различных типов испанской и португальской идентичностей как в регионе Латинской Америки, так и в Испании и Португалии. Наряду с изучением этих перенесенных европейских идентичностей возможно и обращение к проблемам идентичностей местного, доевропейского, населения. Возможен анализ идентичностей черного и смешенного населения. Наряду с идентичностями в изучении нуждаются движения, как национальные, так и националистические. Такое изучение должно быть, скорее всего, географически детерминировано. Оно возможно как в исторической перспективе, так и с упором на современность. Однако население региона не ограничивается испано и португалоговорящими потомками выходцев из Европы и местными доевропейскими общностями. В прошлом регион был полиэтничен, хотя к настоящему времени, как правило, о былой полиэтничности говорят немецкие, украинские, русские или латышские фамилии испано или португалоязычных граждан стран региона. По данной причине, представляется актуальным анализ национальных и этнических идентичностей и национализмов (если такие, конечно, и возник-

кали) выходцев из Европы - немцев, литовцев, латышей, украинцев, русских.

Ряд возможных направлений связан с переложением теории «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. На латиноамериканской почве для этой теории открываются большие перспективы: возможно изучение мексиканцев, аргентинцев, бразильцев и других как «воображаемых сообществ», Латинской Америки как большого «воображаемого сообщества» в целом, роли местных интеллектуалов в таком «национальном воображении». Анализ «воображения» латиноамериканских государств и всего региона в целом возможен как изнутри, так и извне. Интересно не только то, как местные нации и государства создавались, культивировались и позиционировались в мир усилиями местных интеллектуалов. В изучении нуждается, и то, как Латинская Америка вообразалась, населялась обитателями (подлинными и мифическими), географически помещалась и представлялась неместными, в первую очередь - европейскими, интеллектуалами.

Суммируя вышесказанное, основные дискурсы изучения и анализа наций и национализма в Латинской Америке могут быть следующими: теоретико-методологические исследования; исследования испанской идентичности; исследования португальской идентичности; исследование идентичностей черного населения; исследования идентичностей креолов и метисов; исследование национальных движений; исследование националистических партий; нации и государства региона, как «воображаемые сообщества»; Латинская Америка, как «воображаемое сообщество»; «места памяти» и национальная идентичность; европейское восприятие Латинской Америки; интеллектуалы и национализм; политические, культурные и прочие концепции национализма; европейские идентичности в Латинской Америке.

Как видим, число возможных переложений теорий национализма на латиноамериканскую почву достаточно велико. Но это не означает, что метод *Nationalism Studies* должен стать магистральным в латиноамериканистике. Латиноамериканские исследования в России не должны быть положены в «Прокрустово ложе» изучения наций, процессов нациестроительства и национализма. Такая методика чревата возвращением к советскому канону в рамках которого во всем видели революционное движение и про-

грессивные идеи или происки американского империализма. Нельзя во всяком движении видеть националистическое, как раньше в нем находили революционное содержание. Изучение национализма должно быть только одним из направлений изучения Латиноамериканского региона.

Таким образом, западная, как правило, англо-американская историография, рассмотренная выше, заложила теоретические основы для изучения наций и национализма, рассматривая его в самых разнообразных дискурсах, а отечественные исследования 1960-1980-х годов были пробой сил отечественных латиноамериканистов в изучении национализма. Общий характер большинства работ англо-американской историографии национализма не делает их узко привязанными к определенной эпохе или региону. Это позволяет использовать их в рамках латиноамериканских исследований. К тому же отечественная латиноамериканистика имеет свои традиции в исследованиях национализма в этом регионе, так что приобщение к западному пониманию национализма будет способствовать дальнейшему развитию российской латиноамериканистики.

ПАМЯТЬ РЕПРЕССИРОВАННАЯ И РАЗДЕЛЕННАЯ: ЛИТЕРАТУРА КАК «УЧАСТОК ПАМЯТИ» В ЧИЛИ

Регион Латинской Америки характеризуется множеством национальных культур, литературных традиций и, поэтому – множественностью национальных памятей. С другой стороны, национальные культуры народов Латинской Америки так же не отличаются монолитностью и единством, а представляют собой сложный комплекс различных культур и связанных с ними лояльностей, оппозиционностей, идентичностей.

Ситуация такая возникла исторически: в каждой национальной культуре любой из стран Латинской Америки слиты различные пласты национальной памяти (точнее – национальных памятей). Обратившись к любой латиноамериканской культуре, точнее той ее части, которая представлена текстами, мы столкнемся с множеством памятей и идентичностей словно эти нации в процессе своего существования так и не приобрели единого политического и исторического опыта и оказались не в состоянии выработать единую национальную идентичность. В такой ситуации невольно может показаться, что в Латинской Америке вместо национальных идентичностей мы имеем дело с политическими. Это не совсем так. Политическая и национальная идентичность в этом регионе оказались тесно переплетенными, что было связано с тем, что в странах Латинской Америки получили развитие и распространение преимущественно политический национализм.

Политическая сфера в Латинской Америке на протяжении XX столетия отличалась крайним разнообразием, а политический дискурс почти всегда функционировал в значительно дефрагментированном виде: с левыми радикалами соседствовали правые, христианские демократы сосуществовали с христианскими социалистами, революционеры конкурировали со сторонниками умеренной линии, с реформистами. Добавим к этой идеологически и политически детерминированной фрагментации политического дискурса социальные факторы.

Политическая память в такой ситуации в Латинской Америке шла рука об руку с памятью социальной. Иными словами, каждая национальная латиноамериканская культура представляла собой своеобразное минное поле национальных и политических памятей. Ситуация осложнялась тем, что почти у каждого крупного и значимого латиноамериканского писателя, тем более – современного, своя историческая и социальная память, которая не всегда соотносится с общим культурным дискурсом. Добавим к этому политический опыт второй половины XX века, и латиноамериканская литература предстает перед нами как одно большое «место памяти» с различными политическими, культурными и социальными идентичностями. Не является исключением и чилийская идентичность, которая на протяжении XX столетия испытала наибольшие трансформации в 1970-е годы после военного переворота и в 1990-е годы – в период политического демократического транзита.

Обратимся непосредственно к одному из таких культурных дискурсов, представленным романом чилийского писателя Роберто Боляньо. Следует, вероятно, сказать несколько слов о самом этом чилийском писателе, который хорошо известен у себя на Родине, в Чили, но почти неизвестен в России. Роберто Боляньо (1953 – 2003) родился и провел большую часть жизни в Чили. Роберто Боляньо – не просто автор нескольких сборников прозы и романов, но и лауреат ряда литературных премий – Премии муниципалитета Сантьяго-де-Чили, премии «Heralde de Novela» и премии Ромуло Гальегоса.

В центре настоящего раздела будет один из романов Роберто Боляньо «Далекая звезда», точнее – те идентичностные дискурсы, которые содержатся в тексте этого произведения. Роман представляет собой рефлекссию одного из героев относительно чело- века, с которым он был знаком в юности и, которого тогда звали Альберто Руис-Тагле. В более широком смысле это – роман о прошлом. В одной из своих статей Зенон Евген Когут подчеркивает, что восприятие истории (прошлого) является «полем битвы за идентичность»¹²³. В такой ситуации некоторые литературные

¹²³ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності.

тексты так же превращаются в сообразные площадки, где сталкиваются и конкурируют различные идентичности. Руис-Тагле в начале 1970-х годов, как и герой книги, был начинающим писателем. После переворота 1973 года выяснилось, что в действительности он был сотрудником одной из военных спецслужб и звали его Карлос Видер. Именно Видер становится центральной фигурой романа, хотя он почти не действует, а другие герои вспоминают о нем, размышляют о его поступках, пытаются понять, кто он – убийца и преступник или поэт и творец.

Текст открывается своеобразной имитацией научного стиля: «...в последней главе романа “Нацистская литература в Америке” я рассказал – очень схематично, всего-то страницах на двадцати – историю лейтенанта Военно-воздушных сил Чили Рамиреса Хоффмана. Мне поведал ее мой соотечественник Артуро Б., покончивший жизнь самоубийством в Африке. Последняя глава “Нацистской литературы в Америке” служила неким контрапунктом...”¹²⁴. Это, вероятно, свидетельствует не просто о сочетании литературного и научного стилей, а демонстрирует размытость границ самого текста. Текст в такой ситуации превращается в многоуровневый конструкт, однозначная интерпретация которого невозможна.

Автор и сам подчеркивает свои особые требования к тексту, приписывая одному из героев создать своеобразный супернарратив («...он мечтал создать произведение, не похожее на зеркало, просто отражающее чьи-то чужие истории. Задуманное произведение не должно было стать и взрывом, порожденным иными сюжетами. Он хотел, чтобы его произведение явилось и зеркалом и взрывом...”¹²⁵), который в максимальной степени отражал все перемены и изменения, которые претерпела чилийская национальная идентичность и политическая память в XX веке. Иными словами, на смену множественности и расколотости политических памятей и национального опыта должен прийти интегрированный единый концепт прошлого. Поэтому, для Роберто Бола-

Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 219.

¹²⁴ Боляньо Р. Далекая звезда / Р. Боляньо / пер. с исп. Т. Машковой // Боляньо Р. Чилийский ноктюрн / Р. Боляньо. – М., 2006. – С. 7.

¹²⁵ Боляньо Р. Далекая звезда. – С. 7.

ньо история Чили с 1973 года по начало 1990-х не просто история, но «история террора и история страха»¹²⁶. Текст романа «Далекая звезда» представляет нередко рефлекссию или воспоминание о 1970-х годах: «...впервые я увидел Карлоса Видера в 1971-м или, может, 1972-м году, когда президентом Чили был Сальвадор Альенде...»¹²⁷.

Период 1970-х годов интересен для автора, вероятно, не событиями, а устойчивыми коннотациями и ассоциациями с социалистическим опытом, что подчеркивает то, что историческая память в Чили развивалась (и развивается) неотрывно от политической конъюнктуры. Кроме этого 1970-е годы соотносятся в тексте и с революционным романтизмом: «...о той самой вооруженной борьбе, которая приведет нас в новую жизнь и новую эпоху и которая для большинства из нас была мечтой, или, скорее, ключиком, открывающим дверь в страну снов, единственно ради коих и стоило жить...»¹²⁸. В этом контексте замечен определенный крен в сторону политического, главным образом – левого, радикализма. Революция предстает как своеобразный национальный, почти – футуристический, проект.

Вероятно, роман «Далекая звезда» принадлежит, в связи с этим, к произведениям однозначного и безраздельного доминирования левой политической идентичности, а автор создает свое «интеллектуальное пространство»¹²⁹. Существование подобного идентичностного типа неизбежно вызывает ряд вопросов. Имела ли подобная идентичность глубокие исторические корни в Чили? Трудно ответить на этот вопрос положительно уже в силу того, что «через несколько дней после того, как произошел военный переворот, началось беспорядочное бегство»¹³⁰, возможностью которого, в первую очередь, воспользовались левые чилийские радикалы, крайне негативно оценившие события 11 сентября 1973 года как «открытие чемпионата мира по безобразию и жес-

¹²⁶ Боляньо Р. Далекая звезда. – С. 130.

¹²⁷ Там же. – С. 9.

¹²⁸ Там же. – С. 9.

¹²⁹ Этот термин взят из одной статей З.Е. Когута. См.: Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні. – С. 222.

¹³⁰ Боляньо Р. Далекая звезда. – С. 24.

токости»¹³¹, и относившиеся к военному режиму как к нацистскому, обвиняя его в превращении Чили в ад («точна картина ада, пустынного ада»¹³²), а военных и сторонников – в расизме, стремлении начать «новый железный век чилийской расы»¹³³.

Одни сбежали, другие – сошли с ума: «...сумасшедший Норберто хохотал, по-обезьяньи уцепившись за ограду, и говорил, что вернулись времена Второй мировой войны и ошибаются те, кто думает, что это – Третья, – нет, это именно Вторая... и белая, очень белая слюна летела ему на подбородок... расплываясь большим мокрым пятном на груди...»¹³⁴. Вероятно, левый радикализм (ровно как и военные репрессии против противников режима) был формой своеобразного политического безумия, интеллектуального коллапса, который охватил чилийское общество, способствуя маргинализации некоторых политических дискурсов, предлагаемых отдельными интеллектуалами в рамках как правой, так и левой модели. Но и такие чилийцы были уверены в своей правоте, веря в то, что «мы только простые чилийцы... мы невинны, мы невинны»¹³⁵.

Это – рефлексия над собственной идентичностью. Более того, это – и стремление сформировать особое «воображаемое сообщество», которое базировалось бы на верности и преданности левой идее, и попытка поставить под сомнение правый идентичностный дискурс, отказать ему в легитимности, доказав, что только сторонники левых взглядов образовывали и составляли чилийскую политическую нацию. Каков был характер подобной политической и культурной идентичности в Чили? Каковы были пределы ее распространения и границы доминирования? Левая идентичность была магистральной или маргинальной?

Относительно этой проблемы сам Роберто Боланьо писал о том, что многие чилийцы 1970-х годов «...мы говорили на арго или марксистско-мандаракистском жаргоне, большинство из нас состояло в МИРе и троцкистских партиях или сочувствовали им... кое-кто был членом Социалистической молодежи, Комму-

¹³¹ Там же. – С. 25.

¹³² Там же. – С. 105.

¹³³ Там же. – С. 55.

¹³⁴ Там же. – С. 36.

¹³⁵ Там же. – С. 38.

нистической партии или одной из левых католических партий...»¹³⁶. Скорее всего, левые были маргиналами, а их идентичность была подобным политическим проектом, концептом не политическим, а политизированным. Поэтому, в романе чилийские левые охотно осуждают чужие национальные памяти, вторгаясь в совершенно другие, восточно-европейские, идентичности: «...в честь Черняховского были воздвигнуты памятники в Вильнюсе и Виннице... того, что в Вильнюсе наверняка уже нет, да и тот, что в Виннице, возможно, тоже разрушен...»¹³⁷.

В этом контексте мы, вероятно, сталкиваемся с рефлексией над чужой историей. Но это не просто рефлексия, рефлексия-размышление. Это – осуждение чужого исторического и идентичностного опыта с изначально левых позиций, которые, скорее всего, базируются не на собственной уникальной идентичности, а на национальном нигилизме, неспособности принять чужой национализм в силу изначальной неспособности принять любую идею, если та не является левой. Но, вероятно, не левым радикалам обвинять правых в стремлении к разрушению.

Порой текст Роберто Боляньо звучит как гимн разрушительной энергии левого протеста: «...шла борьба... отчаявшиеся, благородные, сумасшедшие, отважные латиноамериканцы разрушали, восстанавливали и вновь крушили окружающий мир в последней безнадежной попытке что-то изменить...»¹³⁸. О чем свидетельствует почти изначальная предрасположенность левых радикалов к террору, о чем писал и сам Р. Боляньо? Оппозиционеры, которые придерживались левых политических взглядов, в период правления военных сформировали особый оппозиционный идентичностный и политический дискурс «тихих левых»¹³⁹, которые, хотя открыто и не выступали против режима, тем не менее, отказывали ему в легитимности. Вероятно, идентичностный статус носителей подобной культуры мы можем интерпретировать как маргинальный в силу того, что этот идентичностный тип, несмотря на несколько лет существования Чили в условиях левого политического эксперимента так и не стал магистральным

¹³⁶ Там же. – С. 12.

¹³⁷ Там же. – С. 65.

¹³⁸ Там же. – С. 70.

¹³⁹ Там же. – С. 77.

и доминантным, претерпев быструю маргинализацию в условиях существования военного режима, установленного в 1973 году. Свержение правительства Сальвадора Альенде для многих чилийцев стало тяжелой исторической и психологической травмой.

Поэтому, текст романа «Далекая звезда» – это и напряженная работа памяти, попытка вспомнить погибших и понять, почему на смену относительно стабильному и демократическому развитию пришла военная диктатура. Роман Роберто Боланьо – это роман-рефлексия, роман-воспоминание: «...Видер очень осторожно открывает двери... в правой руке он сжимает крюк... Видер выдергивает подушку и закрывает ей лицо, в следующее мгновение он одним движением вспарывает ей горло...»¹⁴⁰.

Воспоминания приходят одно за другим, одно жестче другого: «...они не собираются прятаться, они ищут тех, кто прячется от них... и вслед за ними в дом сестер Гармендия вступает ночь, а еще минут через десять – пятнадцать, когда они уходят, уходит и ночь... ночь вошла – ночь вышла... тела так никогда и не обнаружат... впрочем, нет – одно тело найдут годы спустя в братской могиле, это будет тело Анхелики Гармендия... только одно тело, чтобы доказать, что Карлос Видер человек, а не божество...»¹⁴¹. В Чили возник феномен репрессированной памяти – памяти о терроре, памяти об убийстве, но не стоит искать в этой памяти раскаяния левых радикалов относительно убийств военных. Это память – память с односторонним движением. Заинтересованность в тех или иных исторических темах зависит в Чили от политических предпочтений авторов, от их личностного и идентичностного опыта. И именно эта близость текста к истории потенциально может скорее разъединить, чем объединить чилийцев. Вероятно, литература дефрагментирует память, но оказывается не в силах и не в состоянии сформировать единое историческое видение. Политические репрессии и преследования только стимулировали политическую оппозиционность, способствуя ее радикализации и постепенной маргинализации. Эта репрессированная память – удел не только жертв. Сами исполнители террора, которые, словно олицетворяли альтернативный правый поли-

¹⁴⁰ Там же. – С. 31.

¹⁴¹ Там же. – С. 32.

тический дискурс, не были чужды рефлексии относительно террора.

И поэтому в стихах самого Карлоса Видера в качестве героев фигурирует его жертвы: «...в одном из стихотворений он в завуалированной форме вспоминал сестер Гармендия, называл их близнецами и говорил об урагане на чьих-то губах... дотошный читатель наверняка бы счел их умершими... в другом стихотворении он говорил о некой Патрисии и некой Кармен... последняя, скорее всего, была поэтессой Кармен Вильягран, пропавшей в начале декабря... речь шла о семнадцатилетней Патрисии Мендес, пропавшей в то же время...»¹⁴².

Воспевание жертв постепенно обрело более откровенные формы, что вылилось в организацию Карласом Видером фотографий жертв террора: «...на некоторых фотографиях он узнал сестер Гармендия и других без вести пропавших, в основном женщин... сюжет фотографий почти не менялся... женщины напоминали манекены, сломанные, разорванные на части... хотя в тридцати процентах случаев они были живы на момент, когда их запечатлела камера...»¹⁴³. Что это было? Акт отчаяния или попытка заявить о том, что и это является частью культурного дискурса? Запечатленное и выставленное на показ насилие, пространственная экспрессия террора... Что это? Свидетельство мужества человека, который открыто заговорил о терроре, или свидетельство маргинальности самого террора, если его последствия превращаются в художественный акт? Или, может быть, этот эпизод только подчеркивает глубину ненависти левых в отношении правых, если они приписывают им столь противоречивые с нравственной точки зрения действия?

Подобное творчество, вероятно, свидетельствует о том, что и среди палачей были талантливые люди. Левый дискурс базировался на воспевании собственной виктимизации, правый нередко основывался на попытках осмыслить отношения между палачом и жертвой. Проблема не в степени таланта или политической принадлежности автора. Проблема в том, что и жертвы, и палачи принадлежали к маргинальным идентичностным дискурсам. В

¹⁴² Там же. – С. 42.

¹⁴³ Там же. – С. 104 – 105.

этой дихотомии «палачи / жертвы» был один фактор, вероятно, одинаково важный, но различно осознаваемый теми и другими.

Этим фактором была сама страна, точнее государство – Чили. И левые, и правые полагали себя в качестве правильных, истинных чилийцев. У них были свои концепты развития Чили. Они стремились различными путями определить и выстроить политический и культурный дискурс Чили. Интеллектуальная рефлексия до 1973 года была наилучшим способом позиционирования своей идентичности или выражения своей политической лояльности, или политического несогласия и оппозиционности. Период относительно мирной рефлексии закончился в 1973 году.

Военный переворот способствовал дефрагментации не просто политического, но и интеллектуального пространства в Чили. И до переворота чилийским интеллектуалам было очевидно, что среди них есть правые и левые, коммунисты и консерваторы, реформисты и радикалы. Переворот сделал эти политические границы, разделявшие интеллектуальное сообщество, более очевидными. Переворот привел к большей дефрагментации идентичностных дискурсов в стране, что отразилось на развитии самой чилийской исторической памяти. Чилийские интеллектуалы после 1973 года, в независимости от политических предпочтений, начинают культивировать различные концепты национальной исторической памяти.

Сложилась память лояльная, умеренная, но возникла и память репрессированная, оппозиционная. В начале 1990-х годов военные ушли, передав власть гражданским. Демократизация не означала установления автоматического компромисса между носителями различных идентичностей, которые культивировали диаметрально противоположные национальные памяти. Преследователи и преследуемые словно поменялись местами. Репрессированная память стала преследующей. Те, кто раньше был среди сторонников военного режима оказались среди политических маргиналов. Концепты национальной памяти и лояльности, разделяемые ими, в глазах значительной части представителей интеллектуального сообщества стали выглядеть маргинальными и внедискурсными.

Смерть бывшего диктатора генерала Аугусто Пиночета в 2006 году способствовала тому, что национальная память в Чили

подверглась еще большей и более глубокой дефрагментации. Современное чилийское общество – общество, которое не в состоянии достигнуть компромисса относительно собственного прошлого, исторической памяти. В стране продолжают сосуществовать и конкурировать различные концепты прошлого, национальной и исторической памяти. Историческая память в Чили похожа на минное поле. Постоянная рефлексия над прошлым приводит к новым интеллектуальным взрывам, стимулируя и активизируя дебаты относительно недавнего прошлого и различных концептов идентичности и лояльности, связанных с политическим опытом чилийской политической нации.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ЧУЖОГО» : ИНДЕЙСКИЕ НАРРАТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖОЗЭ ДЭ АЛЕНКАРА

Процессы формирования национальной идентичности отличаются сложностью и многообразием форм, в которых может протекать сам процесс и разнообразием различных идентичностей и идентичностных проектов, которые возникают в рамках того или иного сообщества. Нередко процесс формирования идентичности, которая является основой национализма как институционализированного движения или оформленного протеста, сводят исключительно к политической сфере существования общества.

Но сфера проявления национального не ограничивается исключительно политикой. Политические процессы нередко способствуют обратному процессу – постепенной денационализации того или иного сообщества. Когда возникает национализм в Бразилии? В европейской истории XIX век стал столетием национализма. Латиноамериканские государства не были исключением. Для развития национализма в Латинской Америке существовали все необходимые условия, и национализм в этом регионе действительно развивался. Это был, как правило, политический (либеральный гражданский) национализм. С другой стороны, следует вновь вернуться к проблеме, заявленной выше. Что являлось сферой проявления национальных / националистических чувств, сферой доминирования и развития национального националистического воображения? И хотя географически Бразилия, как и все остальные государства Латинской Америки, были крайне далеки от Европы – не следует в Южной Америке видеть периферию, аутсайдера политических процессов XIX столетия.

Иными словами, Бразилия, подобно европейским национализирующимся странам и обществам, была национализирующимся государством и обществом. Но каким образом протекала национализация в Европе? Национализм как патриотическое чувство и политическая идея был, вероятно, уделом относительно небольшого количества людей, местных интеллектуалов.

Иными словами сфера влияния национализма нередко совпадала с границами существования и пределами доминирования «высокой культуры»¹⁴⁴. Первыми националистами в континентальной Европе, действительно, были люди образованные - писатели, поэты, политики, которые нередко принадлежали к высшим классам общества. Именно они, изучая язык крестьян, записывая народные песни, сделали много, чтобы позднее на политической и исторической арене появились нации, о которых они мечтали и которые существовали исключительно в их воображении.

Нередко в формировании национальной идентичности и национализма немалую роль играет и процесс выработки интеллектуалами нарративов о чужих. Объективно этими «чужими» и «другими» могли быть кто угодно – соседи, имеющие свое, но враждебное, национальное или национализирующее государство (например, французы для немцев); другая нация, которая так же переживала процесс национального возрождения (в частности, чехи для словаков, или поляки для украинцев); или вообще другие, синтезированные в классический образ чуждости, который, например, в Центральной и Восточной Европе четко соотносился с евреями. Формирование этого образа «другого» / «чужого» объективно осложнялось отношениями зависимости и подчинения, отношениями господина и раба, отношениями колонизатора и колонизируемого. Как протекало формирования нарративов, связанных с появлением в национальной идентичности комплекса представлений о чужих и чуждости в Южной Америке, в частности – в Бразилии?

Выше я упомянул, что синтезированный образ чуждости и, вероятно, неправильности, по мнению восточно-европейского крестьянина, представлял собой еврей. В Бразилии на роль подобного чужака в глазах белых, романоязычных, бразильцев и все нарастающего потока эмигрантов, мог претендовать, вероятно, даже не негр, а только индеец. Негры, хотя и были рабами,

¹⁴⁴ О «высокой культуре» см.: Mornet D. Les Origines intellectuelles de la Revolution française 1715 – 1787 / D. Mornet. – Paris, 1967; Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье. – М., 2001.

но не исключено, что, в глазах белых бразильцев, они выглядели большими людьми, чем индейцы¹⁴⁵.

Действительно, негры говорили по-португальски, они умели работать, среди них были квалифицированные работники, которых к тому же можно было и продать. Индеец же по всем этим показателям, по мнению белых бразильских интеллектуалов, уступал негру – по-португальски он почти не говорил, образ его жизни казался им диким. Иными словами, индейцы наилучшим образом подходили на роль «чужих». В этом разделе речь пойдет о формировании и раннем функционировании индейских образов в литературе бразильского романтизма на примере одного из крупнейших ее представителей Жозэ дэ Аленкара (1829 – 1877)¹⁴⁶. Аленкар принадлежит к числу знаковых фигур в бразильской литературе, бразильских классиков. Перу Жозэ дэ Аленкара принадлежат несколько романов, среди которых «Ирасема», «Убиражара», «Гуарани», где формируется классический образ индейца в бразильской литературе.

События, описанные в книгах бразильского романтика, происходят в XVI веке, в то время, когда «...земли были необитаемы и пустынные... город Рио-де-Жанейро был основан меньше чем полстолетия назад, а цивилизация не успела проникнуть в эти края...»¹⁴⁷. Герои книг Жозэ дэ Аленкара действуют в колониаль-

¹⁴⁵ О неграх в бразильской интеллектуальной традиции см.: Schwarzman S. Guerreiro Ramos: o problema do Negro na Sociologia Brasileira // CNT. – 1954. – Vol. 2. – No 2. – P. 189 – 220; Filho D.P. A trajetória do negro na literatura brasileira / D.P. Filho // EA. – 2004. – Vol. 18. – No 50. – P. 161 – 193; Rabassa G. O negro na ficção brasileira / G. Rabassa. – Rio de Janeiro, 1965; Soares de Gouvêa M. Imagens do negro na literatura infantil brasileira: análise historiográfica // EP. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 79 – 89; Costa E.V. O mito da democracia racial no Brasil / E.V. Costa // Da Monarquia a República. Momentos Decisivos. – São Paulo, 1985; Fernandes Fl. A integração do negro na sociedade de classe / Fl. Fernandes. – São Paulo, 1965.

¹⁴⁶ О Жозэ дэ Аленкаре, который усилиями бразильских интеллектуалов, интегрирован в своеобразный национальный пантеон см.: Boechat M.C. Paraísos artificiais: o romantismo de José de Alencar e sua recepção crítica / M.C. Boechat. – Belo Horizonte, 1997; Borges V.R. Cultura, natureza e história na invenção alencariana de uma identidade da nação brasileira / V.R. Borges // RBH. – 2006. – Vol. 26. – No 51. – P. 89 – 114; Cunha R. de, Deslocamentos: o entre-lugar do indígena na literatura Brasileira / R. de Cunha // PCS. – 2007. – No 1. – P. 51 – 62; Helena L. A solião tropical os pares à deriva: Reflexões em torno de Alencar / L. Helena // LBR. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 1 – 18; Moreira M.E. Nacionalismo literário e crítica romântica / M.E. Moreira. – Porto Alegre, 1991; Schapochnik N. Letras de fundação: Vernhagen e Alencar – projetos da narrativa instituinte / N. Schapochnik. – São Paulo, 1992.

¹⁴⁷ Аленкар Ж. де, Гуарани / Ж. де Аленкар. – М., 1971. – С. 24.

ной Бразилии, в период формирования португальских колоний, активного покорения португальцами южно-американского пространства. Покоряя пространство, португальцы не только видоизменяли его, приспособлявая для себя – они наполняли его новыми звуками. В «Гуарани» покорение дикого пространства шло под аккомпанемент католической молитвы: «...вечер догорал, солнце клонилось к горизонту, бледный матовый цвет заката скользил по зеленому ковру... и вдруг, словно в честь наступающего заката, раздалось торжественное и строгое пение... это было Ave Maria... все обнажили головы... как проса и вместе с тем как величественна была эта полухристианская, полуязыческая молитва...»¹⁴⁸.

В раннеколониальной Бразилии католическая молитва была почти мистическим действием, словно санкционируя покорение новых территорий. Молитва была институтом, который конструировал общество, выстраивая отношения между покорителями и покоренными. В романе «Ирасема» отношения между индейцами и португальцами развиваются как отношения между колонизованными и колонизаторами. Португалец и индианка встречаются, как тот, кто пришел покорять и та, которая исторически и генетически готова подчиниться: «...прямо перед нею и пристально в нее всматриваясь, стоит незнакомый воин – если это только воин, а не злой дух леса. На лице у него – белизна песков побережья, омываемых морем, в глазах – печальная лазурь глубоких вод Неведомые ткани окутывают его тело, неведомое оружие висит у него на плече...»¹⁴⁹.

В этой ситуации белый человек символизирует новое, изменения, а индианка – архаичность, дикость и статику. Португалец предстает как покоритель и первопроходец. В такой ситуации у индейцев не остается иного выхода кроме того, чтобы покориться белому португальцу-европейцу: «...Ирасема вернулась с женщинами, призванными служить гостю, и воинами, прибывшими ему повиноваться...»¹⁵⁰. В такой ситуации индейцы воспринимаются не просто как другие, но как покоренные и подчиненные. Один из

¹⁴⁸ Аленкар Ж. де, Гуарани. – С. 56 – 57.

¹⁴⁹ Аленкар Ж. де, Ирасема / Ж. де Аленкар // Аленкар Ж. де, Ирасема. Убиража-ра / Ж. де Аленкар / пер. с порт. И. Тыняновой, Е. Любимовой. – М., 1979. – С. 38.

¹⁵⁰ Аленкар Ж. де, Ирасема. – С. 42.

белых героев «Гуарани» говорит, что «...индейцы – это наши враги, и мы их должны одолеть... это вассалы на завоеванной нами земле...»¹⁵¹. Поэтому, то, что португалец покорил красавицу-индианку является для Жозэ дэ Аленкара совершенно естественным. Женская красота в романе – это своеобразный топос дикости: «...и были у нее медяные уста, а волосы ее, черней, чем крылья грауны, птицы ночи, спадали низко-низко, одевая ее тело, стройное, как пальма... Ирасема только что вышла из реки, жемчуга водяных капель еще блестят на ее коже, как на сладком плоде манго, налившимся румяным соком под утренним дождем... отдыхая она украшает алыми перьями фламинго стрелы своего лука и, вторя соловью, поет странную долгую песню...»¹⁵².

С другой стороны, если белый мужчина покорил индианку, и это было в принципе естественно, то отношения между белой женщиной и индейцем могли развиваться иначе. В этом случае был естественен их социальный бэк-граунд: белая женщина могла быть только госпожой, индеец – рабом или слугой. Именно поэтому в «Гуарани» индеец-слуга видит смысл своей жизни только в служении белой госпоже¹⁵³. Но это уже образ иного индейца, который испытал влияние европейской культуры, выучил португальский язык и теперь сам отстраняется от других индейцев, которые для него начинают символизировать дикость: «...индеец знал, как свирепы эти люди, которые едят человеческое мясо и спят, как дикие звери, прямо на земле или в пещерах...»¹⁵⁴.

Колонизация ландшафта португальцами не могла не затронуть и тех, кто жил здесь раньше. Знакомство с португальской культурой вело к разрушению старых традиционных и архаичных идентичностей, но на их месте не возникали новые идентичностные проекты. Вместо них появлялась особая идентичность подчиненности и зависимости, идентичность колонизированного. Но наряду с такими, кто подвергся колонизации, с теми, кто добровольно или принудительно принял некоторые европейские нормы, в Бразилии того времени, о котором писал Жозэ дэ Аленкар,

¹⁵¹ Аленкар Ж. де, Гуарани. – С. 51.

¹⁵² Аленкар Ж. де, Ирасема. – С. 37.

¹⁵³ Аленкар Ж. де, Гуарани. – С. 79.

¹⁵⁴ Там же. – С. 97.

были и такие индейские племена, которые не контролировались португальцами.

Непокоренный индеец – воплощение дикости и архаики: «...длинною вереницей шли полуголые люди, огромного роста и свирепого вида, на спины у них были надеты звериные шкуры, на головах развевались желтые и ярко-красные перья... воздух сотрясался от завываний и грозных криков...»¹⁵⁵. Именно в этом контексте и возникают наиболее яркие образы чуждости и дикости. Даже внешне такой индеец, по мнению Жозэ дэ Аленкара, должен был вызвать страх и отвращение у белого человека, португальца-христианина: «...в их чертах, отмеченных печатью дикости и жестокости, не было ничего человеческого... рыжие космы падали на глаза, совершенно закрывая лоб – самую благородную часть человеческого лица, вместилище разума и духа...»¹⁵⁶.

Для дэ Аленкара непокоренные индейцы символизировали дикость, не просто дикость варвара, не познавшего влияния европейской культуры, но дикость животного: «...рот их превратился в пасть, издающую только рык и рев, зубы острые как зубы ягуара лишились белизны, дарованной природой... эти зубы рвали мясо врагов, кровь оставила на них желтый осадок, который бывает на зубах хищников... руки их походили на лапы зверей...»¹⁵⁷.

Акцентирование внимания на внешней стороне дикости было, вероятно, не случайно. Таким образом дэ Аленкар сознательно выставлял значительную часть индейцев за пределы дискурса колонизируемого, полагая, что далеко не все индейские племена в состоянии понять и принять то, что принесли с собой португальские колонисты. Аленкар создает образ индейцев как варваров, готовых нападать на португальцев и убивать их: «...прошло два дня со времени появления айморе, индейцы яростно атаковали дом... небо потемнело от стрел, они сыпались дождем, изрешетили двери и стены дома...»¹⁵⁸. В такой ситуации португальцы переживают страшные минуты, которые являются

¹⁵⁵ Там же. – С. 247.

¹⁵⁶ Там же. – С. 273.

¹⁵⁷ Там же. – С. 273.

¹⁵⁸ Там же. – С. 247.

не просто борьбой за выживание, а борьбой за ту модель, которая будет доминировать в Бразилии. Победа европейцев и поражение индейцев в романе «Гуарани» были, по мнению Жозэ дэ Аленкара, призваны подчеркнуть всю бесперспективность сопротивления колонизации. Это заметно и в сцене, когда индейцы племени айморе, будучи язычниками, пытаются принести в жертву индейца, который до этого служил европейцам¹⁵⁹.

Но и это своеобразная месть тех, кто не хочет принять колонизацию тому, кто ее принял, не состоялась по вине колонизатора: белый португалец, словно провозвестник нового мира, убивает дикарей и освобождает верного индейца, словно подчеркивая, что будущее в Бразилии за колонизаторами и колонизированными. В итоге наивысшей точки колонизация достигает тогда, когда индеец Пери принимает христианство¹⁶⁰. Теперь, в глазах португальских колонизаторов, он – почти человек.

Именно этот новый христианин видит последние минуты борьбы европейцев с теми, кто оказался не готов к принятию европейской культуры: в сцене последнего пожара португальцы предстают как христианские святые и центральные герои этого безумного действия в то время, когда индейцам принадлежит роль дьяволов, несущих смерть и разрушение: «...зала превратилась в море огня... в глубине возвышалась величественная фигура дон-Антонио де Мариса... в левой руке у него было распятие... среди обломков копошились зловещие фигуры айморе, похожие на дьяволов, пляшущих в огне преисподней...»¹⁶¹.

Гибель христиан и язычников на глазах индейца, который совсем недавно принял христианство, словно подчеркивает предопределенность в этой борьбе двух культур – культуры господ и культуры дикарей, культуры колонизаторов и колонизируемых. Примечательно, что и образы европейских женщин даны весьма схематично («...дона Лауриана, родом из Сан-Пауло, женщина, воспитанная на аристократических предрассудках и религиозных суевериях своего времени, но при всем том отзывчивая и способ-

¹⁵⁹ Там же. – С. 292 – 295.

¹⁶⁰ Там же. – С. 332.

¹⁶¹ Там же. – С. 336.

ная даже на любовь...»¹⁶²), словно это подчеркивает, то, что они предназначены исключительно для подчинения мужчине¹⁶³.

Португалец пришел на территорию будущей Бразилии не просто как покоритель индейцев, но и как покоритель дикого простора: «...Пакерер, бросившись с высоты, мчится сквозь леса, как тапир, весь в пене, оставляя на скалах клоки шерсти... гордый поток словно замирает и одним прыжком кидается вниз, как тигр на свою добычу...»¹⁶⁴. Утверждение над стихией дикой природы имело почти политический контекст, способствуя формированию образа человека-первооткрывателя и в более широком смысле целой нации покорителей – бразильской нации.

Вписав дикую природу допортугальской Америки в литературный контекст средствами именно португальского языка Жозэ дэ Аленкар способствовал постепенной португализации и бразилизации пространства. Колониализм имел и гендерный бэк-граунд, а сама индианка предстает в романе как воплощение дикости, девственности, непокоренности, которая словно предназначена для португальца Мартима. Вероятно, «Ирасема» принадлежит к числу первых колониальных романов в португальской литературе. В тексте словно сталкиваются различные культуры и стоящие за ними идентичности – высокоразвитая культура белого португальца-католика и традиционное, архаичное мировоззрение индейцев-язычников. В такой ситуации совершенно естественно, что белы португалец, как колонизатор и покоритель, становится во главе индейского войска одного племени и под его руководством индейцы побеждают другое племя: «...и каждый воин вражьего стана падает, пронзенный сразу многими стрелами, как утопленник, которого зубастые рыбы пираньи вырывают друг у друга в глубине озера...»¹⁶⁵.

В этом контексте заметна вера Жозэ дэ Аленкара в особую миссию белого португальца, как носителя новой культуры, кото-

¹⁶² Там же. – С. 31.

¹⁶³ В тексте романа «Гуарани» Жозэ дэ Аленкар счел необходимым описать женские персонажи, сопроводив свое описание пояснением, что «все остальные действующие лица (мужчины – Авт.) расскажут о себе сами». Аленкар Ж. де, Гуарани. – С. 31. Относительно героинь-женщин дэ Аленкар сделал еще одно отступление, упомянув, что душа у них почти детская, то есть не соответствующая уровню развития души у мужчины. Аленкар Ж. де, Гуарани. – С. 43.

¹⁶⁴ Аленкар Ж. де, Гуарани. – С. 23.

¹⁶⁵ Аленкар Ж. де, Ирасема. – С. 128.

рый призван приобщить к ней индейцев. Но приобщение к новому идет трудно, и европеец как покоритель сам оказывается покоренным индианкой: «...и в тот самый час, когда военная песнь племени питигуара далеко разносила весть о поражении врага, первый ребенок, зачатый от смешения двух рас на этой земле свободы, увидел свет...»¹⁶⁶.

Но конечный успех в этой ситуации все равно окажется на стороне белого колонизатора-мужчины: его сын останется с ним, вероятно, приняв язык и португальскую культуру. Таким ходом событий Жозэ дэ Аленкар словно показывает перспективы, ожидающие колонизированных. Подводя итоги этого раздела, посвященного формированию образа «другого», следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. Формирование комплекса нарративов, связанных с концептами чуждости и инакости, протекало, главным образом, в рамках литературы. В такой ситуации литературные тексты играли роль своеобразного канала для транслирования и укрепления национальной идентичности. Развитие концепта чуждости в бразильской литературе было связано с развитием отношений угнетаемых / угнетенных с угнетающими.

В этом отношении тексты Жозэ дэ Аленкара представляют яркий образчик постколониальной литературы. Отношения между колонизаторами и их жертвами нередко имели и гендерный бэкграунд, развиваясь как отношения постепенного покорения белым завоевателем мужчиной местной женщины. Покорение и подчинение нередко воображалось в бразильской интеллектуальной традиции как добровольный акт, как сознательное принятие норм европейской культуры и добровольный отказ от традиции и архаики. В этом контексте творческое наследие Жозэ дэ Аленкара начинает постепенно разрушать границы романтического дискурса в литературе. Вероятно, Жозэ дэ Аленкар был одним из предшественников бразильского модернизма, который совершенно иначе представлял себе отношения доминирования и зависимости, в том числе – и гендерные. Тексты Аленкара отражают идеи о существовании особых, пограничных и поэтому марги-

¹⁶⁶ Там же. – С. 129.

нальных идентичностей покоренного, колонизированного, но не ассимилированного индейского населения.

Нарушив границы романтического дискурса, Аленкар вместе с тем и не стал модернистом. Несмотря на признанный статус в истории бразильской литературы, романы Жозэ дэ Аленкара в значительной степени маргинальны – маргинальны не в силу своей неестественности, а в контексте тех идентичностей, носителями которых являются герои этих текстов. Позднее на смену им пришел новый тип литературного героя с более четкими идентичностными представлениями. На смену националистам-романтикам пришли националисты-модернисты...

МЕЖДУ *CASA GRANDE* И *SENZALA*: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ В БРАЗИЛИИ СЕРЕДИНЫ 1870-Х ГОДОВ

История Бразилии XX столетия – это история модернизации, история экономического роста, история политического и культурного успеха и прогресса. Вероятно, все эти позитивные перемены, которые произошли в жизни бразильского общества на протяжении XX века, были бы маловероятны без двух событий, состоявшихся в XIX столетии. Речь идет об отмене рабства и провозглашении республики. Хотя, вероятно, второе событие имело гораздо меньшее значение для модернизации в силу того, что определенные модернизационные процессы в Бразилии, связанные с развитием «высокой культуры» и распространением идеи политической нации вполне успешно протекали и в рамках монархического режима.

Основным препятствием на пути к широкой и успешной модернизации было именно сохранение рабства. Рабство представляло собой весьма архаичный институт, что осознавалось и некоторыми носителями «высокой культуры» в Бразилии. В задачу автора в этом разделе не входит анализ феномена бразильского рабства¹⁶⁷ с нравственных позиций. Само существование такого института как рабство оказывало значительное влияние на развитие бразильского общества. Институт рабства имел несколько измерений, и экономическое, вероятно, было не самым важным.

Существование рабства вело к развитию особых отношений в рамках сложившихся типов политической культуры, идентично-

¹⁶⁷ О рабстве в Бразилии и его роли в развитии идентичности и различных политических культур и интеллектуальных традиций см.: Brasil: Colonização e Escravão / ed. B. Nizza da Silva. – Rio de Janeiro, 2000; Bergard L. Slavery and the Demographic and Economic History of Minas Gerais, Brazil, 1720 – 1888 / L. Bergard. – Cambridge, 1999; Fernandes E. Família escrava numa boca do Sertão. Lenções, 1860 – 1888 / E. Fernandes // RHR. – 2003. – Vol. 8. – No 1. – P. 9 – 30; Couty L. A Escavidão no Brasil / L. Couty. – Rio de Janeiro, 1881 (1988); Mattoso K. Ser escravo no Brasil / K. Mattoso. – São Paulo, 1982; Mattoso K. Família e sociedade na Bahia so século XIX / K. Mattoso. – São Paulo, 1988.

сти и лояльности¹⁶⁸. Рабство повлияло на появление пограничных идентичностных типов. Не исключено, что не только рабы, но и некоторые из их хозяев были носителями маргинальных, переходных, идентичностей. Вот почему сам факт существования и использования рабства подчеркивал сосуществование в Бразилии нескольких культур и идентичностей. Городские культуры выглядели на фоне сельской периферии явно более современно.

Воздействие городской культуры нередко могло заканчиваться там, где вступали в силу традиционные отношения, связанные с рабством. В свою очередь, рабство было такой темой, о которой редкий бразильский интеллигент, носитель «высокой культуры» упускал возможность порефлексировать. Само рабство было крайне благоприятной почвой (как не цинично это звучит) для культурных дебатов и интеллектуальных дискуссий.

В такой ситуации становилась очевидной особая роль и важность бразильской литературы, как канала для трансляции и популяризации тех или иных идентичностей, модернизационных проектов. В этом контексте особое место, вероятно, занимает роман бразильского писателя Бернардо Гимараэша (1827 – 1884) «Рабыня Изаура».

Следует, вероятно, сказать несколько слов о самом Бернардо Гимараэше. Бернардо Гимараэш (Bernardo Guimarães) был, вероятно, наиболее крупным писателем т.н. сертанистского направления в бразильской литературе того времени. В центре его многих произведений – проблемы покорения и освоения сертана – незаселенных равнин. Наиболее известная книга Гимараэша – «Рабыня Изаура» («A Escrava Isaura», 1875).

Роман был для своего времени знаковым, превратившись постепенно в особый «участок памяти» в бразильской идентичности и породив множество подражаний. В этом разделе мы остановимся на романе не как памятнике бразильской литературы. Для нас он интересен в контексте развития и трансформации идентичностей, в связи с начинавшейся тогда очень ранней и, вместе с тем робкой, модернизацией. Итак, обратимся непосредственно к тексту.

¹⁶⁸ См. подробнее: Florentino M., Coes J.R. A paz das senzalas / M. Florentino, J.R. Coes. – Rio de Janeiro, 1997; Moura C. Rebeliões de Senzala / C. Moura. – Rio de Janeiro, 1972.

Роман открывается отсылкой читателя в прошлое, и автор указывает, что «события, о которых пойдет речь относятся к первым годам правления Петро Второго»¹⁶⁹. Эта историческая рефлексия, вероятно, в самом начале романа возникает не случайно. Автор словно подчеркивал отдаленность и отстраненность от событий, описанных, будто намеренно стремился отвергнуть прошлое, как время доминирования традиционных и архаических отношений.

В тексте романа немало географических образов, связанных с ландшафтом Бразилии, бразильскими городами, реками, отдельными фазендами: «...в плодородном и изобильном округе Кампус де Гойтаказес на берегу реки Параниба неподалеку от городка Кампус находилась красивая и богатая усадьба...»¹⁷⁰. За ландшафтом чисто географическим скрывался и ландшафт социальный, где доминировали два объекта, определявшие существование и функционирование бразильской аграрной периферии – «casa grande» и «senzala»: «...просторный, великолепный дом располагался в очаровательной ложбине у высоких холмов, поросших лесом... дом обращен к холмам, чтобы войти, надо сперва подняться по каменной лестнице... в глубине двора расположены разнообразные хозяйственные постройки, жилища рабов, внутренние домики, хлева, амбары...»¹⁷¹.

Особый интерес представляет перцепция бразильского города в романе, например, Ресифе: «...мы в Ресифе... уже стемнело, и ослепительно прекрасная южноамериканская Венеция, увенчанная диадемой огней, будто приникла к груди океана...»¹⁷². Бернардо Гимараэш сознательно уподобляет его европейским городам, стремясь, тем самым, подчеркнуть причастность Южной Америки к европейским культурным традициям, показать, что Бразилия, наравне с европейскими государствами, в праве быть самостоятельной и независимой, что, в частности, свидетельствовало о том, что в стране активно формировался по-

¹⁶⁹ См.: Гимараэш Б. Рабыня Изаура / Б. Гимараэш / пер. с порт. Д.Р. Коган. – Харьков, 1991. – С. 3.

¹⁷⁰ Гимараэш Б. Рабыня Изаура. – С. 3.

¹⁷¹ Там же. – С. 3.

¹⁷² Там же. – С. 61.

литический бразильский национализм, развивалась бразильская политическая (пока еще не современная) нация.

С другой стороны, эти географические мотивы имеют и другое измерение, связанное с образами девственной земли, сельской идиллии: «...подальше от поместья природа была нетронутой и дикой... тут росли и перобу, и кедр, и копаибу... вряд ли в этих местах вам встретиться ограда, забор или земляная насыпь...»¹⁷³. Возникновение подобных мотивов в литературном дискурсе середины 1870-х годов было, вероятно, неслучайно. Бразилия становилась родиной для многочисленных эмигрантов из Европы, которые начали осваивать бразильский ландшафт.

Наряду с реальным освоением новых территорий бразильские интеллектуалы на страницах своих произведений так же пытались освоить бразильское пространство. С другой стороны, как мы можем интерпретировать этот своеобразный рурализм автора, воспевание негородской, отдаленной от города и почти нетронутой периферии? Можем ли мы в этом видеть протест против начинавшейся модернизации и наступления городской культуры? В тексте романа содержатся определенные мотивы, которые ставят новые вопросы: «...прекрасное то было время: дожди оживляли растения, и они пышно распускались... реки неторопливо и величественно струились между своих берегов, отражая в своем ясном зеркале великолепные закатные краски неба и яркую зелень прибрежных лесов...»¹⁷⁴.

Этот руралистский тренд усиливали и «могучие быки и лоснящиеся телки, которые мирно пережевывали свою жвачку, улегшись в тени могучих деревьев»¹⁷⁵. Предлагал ли Бернардо Гимараэш рурализм в качестве особой и отдельной, идеальной идентичности. Вероятно, рурализм – образ далеко не самый центральный и не доминирующий. Географическая наррация Бернардо Гимараэша имеет иное предназначение. Интерес автора к географии вовсе неслучаен.

Нанося Бразилию на карты, не только географические, но и литературные, бразильские носители «высокой культуры» способствовали укреплению и усилению общепразильской идентич-

¹⁷³ Там же. – С. 3.

¹⁷⁴ Там же. – С. 4.

¹⁷⁵ Там же. – С. 4.

ности, идеи единой Бразилии. В тексте романа тема рабства является одной из центральных. Мы, правда, не найдем описаний движение социального протеста, или тяжелого быта работ. Черные рабы – это не главные и не центральные герои романа, в названии которого фигурирует слово «рабыня».

В романе мы сталкиваемся с особой перцепцией рабства, характерной для некоторых носителей «высокой культуры». Мы имеем дело с несколько смягченным, модернизированным рабством, где белая госпожа Малвина обращается с мулаткой рабыней Изаурой почти как с равной: «...можно подумать, что с тобой плохо обращаются... разве ты – несчастная рабыня, жертва жестоких и грубых хозяев?... твоей жизни у нас могли бы позавидовать и многие свободные люди... хозяева уважают и ценят тебя... образование тебе дали такое, какого не получили некоторые богатые и знатные дамы...»¹⁷⁶.

Этот фрагмент в значительной степени является показательным в силу двух аспектов. Первое, в завуалированной форме мы тут сталкиваемся с идеей цивилизаторской миссии белого колонизатора, европейца, несущего культуру в дикий, девственный и неосвоенный, край. Второе, героиня романа – девушка. И хотя она сама почти не предпринимает никаких действий. Решения гендерно предопределены и принимаются мужчинами, но и в такой ситуации решение Бернардо Гимараэша сделать европейски образованную рабыню-мулатку главной героиней выглядит интересным с социальной и модернистской перспектив. Но большинство героев романа – мужчины, женщины играют роль почти исключительно декоративную.

Среди действующих лиц фигурирую рабы и господа, носители различных идентичностей и культур. Среди господ немало носителей «высокой культуры» в ее классическом, аристократическом, проявлении. В этом контексте интересно отношение автора романа к самой «высокой культуре». Примечательно, что сам Бернардо Гимараэш был среди ее носителей, но, с другой стороны, его отношение к ней отличалось некоторым радикализмом. Он, в частности, критиковал крайних традиционалистов,

¹⁷⁶ Там же. – С. 7.

аристократов, которые полагали, что их благородное происхождение от многого их освобождает.

Гимараэш создает весьма неблагоприятный образ подобного аристократа: «...с детства мягкие и снисходительные родители невольно предоставили Леонсио обширные возможности для того, чтобы ожесточить сердце и развратить ум... плохой ученик и испорченный ребенок, неутомимый в изобретении всяких каверз, он менял один коллеж за другим и скользил поверху во всех областях знаний... благодаря положению отца он благополучно сдавал все экзамены...»¹⁷⁷.

Такие представители элиты бывали и в Европе, но, по мысли Б. Гимараэша и других бразильских интеллектуалов (многие из которых смотрели на Старый Свет как на политический идеал и культурный ориентир), Европа ничему их не смогла научить: «...отец отправил сына в Париж... обосновавшись в городе, Леонсио изредка посещал пространные лекции лучших профессоров своего времени... он был усердным посетителем модных кафе и театров... стал одним из самых известных и элегантных парижских львов...»¹⁷⁸.

В этом не стоит видеть ни классовых, ни социальных предпочтений автора. Подтекст – в другом. Аристократы типа Леонсио вредны и опасны не сами по себе, они опасны в комплексе, как важнейшее препятствие для модернизации, важнейшим шагом к которой должна была стать отмена рабства.

В романе мы сталкиваемся и с другими европейцами, среди которых Мигел, отец Изауры: «...в Бразилию он не по примеру большинства его соотечественников приехал не за барышами... Мигел – отпрыск благородного и знатного португальского рода, вынужденного по политическим мотивам эмигрировать в Бразилию... его родители, жертвы дворцовых интриг, умерли в нищете...»¹⁷⁹. Симпатии автора, вероятно, на стороне подобных бразильцев, которые могут стать основой и базой для модернизационных перемен в стране.

Бернардо Гимараэш писал и о других бразильцах, которые представляли еще более радикальный тип сторонника политиче-

¹⁷⁷ Там же. – С. 9.

¹⁷⁸ Там же. – С. 9.

¹⁷⁹ Там же. – С. 34.

ских реформ и социальных перемен¹⁸⁰. Среди таких был, например, Алваро, бразильский вариант протестанта, сходство с которыми усиливает и авторское сравнение его с квакерами («...экстравагантный и оригинальный, как богатый английский лорд, наш герой в своих привычках был прост и суров, как квакер...»¹⁸¹), который, по словам автора, «...ненавидел все социальные различия и привилегии... был республиканцем, либералом и даже социалистом...».

Образ Алваро – это синтезированный тип сторонника скорейших преобразований, радикального оппозиционера. Более того, отдельные поступки Алваро – это локальные, но вполне успешные, модернизационные проекты. В частности, освободив своих рабов, он организовал для них рентабельное, действующее в условиях рынка, хозяйство: «...Алваро не мог не стать рьяным аболиционистом... немалая часть наследства, полученного им, состояла из рабов, и Алваро вскоре заговорил о том, что их надо освободить... будучи филантропом Алваро понимал, насколько опасно резко перейти от рабства... к наслаждению полной свободой... поэтому, он организовал нечто вроде колонии, управление которой доверил честному и усердному управляющему... и негры, и общество получили большую выгоду...»¹⁸².

Но для своего времени Алваро – радикал и, поэтому, маргинал. Его действия и поступки не встречали понимания со стороны современников, хотя подобные социальные эксперименты могли играть определенную роль в генезисе самой идеи отмены рабства. Для Бернардо Гимараэша история современной ему Бразилии – это история противостояния и конкуренции различных человеческих типов, которых олицетворяли и символизировали Леонсио и Алваро. Для Гимараэша было не просто социальное и экономическое противостояние, а конкуренция архаики и современности.

Гимараэш был убежден, что в этой конкуренции победа может быть исключительно на стороне Алваро и ему подобных. По-

¹⁸⁰ См. подробнее: Alonso A. *Idéias em movimento: a geração 1870 na crise do Brasil- Império* / A. Alonso. – São Paulo, 2002; Sevcenko N. *O prelúdio republicano astúcias da ordem e ilusões do progresso* // *História da vida privada no Brasil* / ed. F. Novais. – São Paulo, 1998.

¹⁸¹ Гимараэш Б. Рабыня Изаура. – С. 70.

¹⁸² Там же. – С. 69.

этому, умело используя пороки старой аристократии, Алваро окончательно разоряет Леонсио. В такой ситуации слова Алваро о том, что «...вы лишились всего: поместья, рабов, дома с богатой обстановкой и посудой... ваши долги значительно превосходят ваше состояние, на все ваше имущество наложен арест...»¹⁸³ звучат как приговор традиционному обществу. Судьба Леонсио не уникальна, она – символична. Превращая его в жертву, в человека, который покончил жизнь самоубийством («...Леонсио покончил с собой, выстрелив в висок из пистолета...»¹⁸⁴), Бернардо Гимараэш, словно, подчеркивал, что модернизация неизбежно и, что, рано или поздно, под ударами модернизации традиционное общество будет вынужденно уступить.

В заключении следует обратить внимание на то место, которое занял роман Гимараэша в бразильской национальной памяти. Сам текст, вероятно, стал одним из «место памяти», стимулом для рефлексии и более позднего осмысления и переосмысления среди бразильских интеллектуалов в частности и всего общества в целом. Казалось бы, роман, написанный более ста лет назад, может представлять интерес исключительно для специалистов – историков и литературоведов.

Как подобный текст обрел в стране популярность? Этот процесс связан с развитием массовой культуры и таким ее бразильским проявлением, как сериалы. Бразильская классическая литература традиционно оказывается основой для театральных постановок. Судьба романа Бернардо Гимараэша, который в Бразилии был дважды экранизирован, исключение, нежели правило. Первая экранизация появилась в 1976 году и состояла из ста получасовых серий. В 2004 году в Бразилии появилась вторая экранизация книги.

В тексте романа, вероятно, мы можем выделить два тренда – географический и социальный. Роман играл определенную роль в формировании и развитии воображаемой (точнее – воображенной) географии Бразилии. В данном контексте мы сталкиваемся и с образами бразильских городов, как мест памяти и своеобразных национально маркированных и освоенных бразильцами участков

¹⁸³ Там же. – С. 151.

¹⁸⁴ Там же. – С. 158.

покоренного ландшафта. Мы сталкиваемся и с противостоянием урбанизма и рурализма, за которыми стоят различные культурные и идентичностные типы. В тексте заметна своеобразная дихотомия «традиция – модернизация» и предпочтения автора склонялись в пользу последней. Не будем дискутировать относительно литературных и художественных достоинств или недостатков романа. Роман, написанный столь просто, вероятно – даже схематично, нашел своих читателей, превратившись в канал, используемый для транслирования и популяризации модернизационных идей, новых политических настроений и социальных перемен. Роман «Рабыня Изаура», вероятно, стал своеобразным «участком памяти» в Бразилии. Роман, написанный носителем «высокой культуры», был рассчитан явно на бразильских интеллектуалов. Вероятно, в период его наибольшей популярности его не прочитал ни один раб. Роман о рабстве, написанный белым, так и не интегрировался в культуру бразильских негров после освобождения и отмены рабства.

Но в этом контексте важно другое: тексты, литературные тексты отражают сферу социальных перемен и процессов и, вероятно, роман Бернардо Гимараэша сыграл свою роль в интеллектуальной подготовке бразильского общества к модернизации, которая в полной мере началась после отмены рабства.

СОЗДАВАЯ НОВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ : МАШАДУ ДЭ АССИЗ И РАННИЙ БРАЗИЛЬСКИЙ МОДЕРНИЗМ

В некоторых разделах этой книги автор подчеркивает, что литература играет немалую роль в развитии национальной идентичности и развитии политического национализма. В условиях отсутствия гражданских и политических свобод литература превращается в важный канал развития национальной идентичности: не только в этнической, но и в политической сфере.

За литературными текстами, таким образом, стоят свои идентичностные проекты в то время, когда литература в целом трансформируется в широкий идентичностный бэк-граунд. Литература является сферой социально детерминированной. Любые литературные тексты можно соотнести с той культурой и той культурной традицией, в рамках которых они возникли. Вероятно, литературные тексты, как идентичностные проекты, могут быть соотнесены с «высокой» или «низкой» культурой.

Эти культуры на протяжении длительного времени сосуществовали и продолжают существовать, что ставит перед нами целый ряд проблем, важнейшая из которых состоит в следующем: какая культура в наибольшей степени способствует развитию национализма и национальной идентичности? На протяжении длительного времени предложение и выработка идентичностей было уделом почти исключительно «высокой» культуры.

Это, в частности, характерно для истории европейских наций, в описании и интерпретации которых присутствует мощный примордиалистский тренд, опирающийся на развитую традицию интеллектуальной жизни, которая в том числе представлена и нарративными источниками. Именно эти тексты дают нам возможность судить о развитии европейских идентичностей.

Изучая Латинскую Америку и Бразилию, в частности, исследователь сталкивается с несколько отличным от Европы культурным и интеллектуальным контекстом. Бразилия исторически, в течение длительного времени, развивалась как колония европейской периферии – Португалии. В Южную Америку португаль-

ские колонисты принесли свои культурные ценности и идентичности, трансплантировав их на местную почву. Бразилия обрела политическую независимость от Португалии в первой четверти XIX века – времени почти безграничного и безраздельного доминирования «высокой культуры».

Именно носители «высокой культуры» и выступали в роли создателей наций. Развитие «высокой» культурной традиции в Бразилии того времени (как и Европы в целом) отмечено последовательной сменой различных культурных трендов, которые доминировали в культурной жизни страны. Первым в ряду таких трендов и продуктов эволюции почти исключительно «высокой» культуры был романтизм.

Для своего времени романтизм был универсальной площадкой для развития идентичностных проектов как в литературе, так и в истории. В литературе романтизм заявил о себе созданием классических образов национального гения и национальной добродетели, в то время как в сфере «исторического» знания романтики придавались столь безудержной интеллектуальной спекуляции, что история стала не сферой изучения прошлого, а сферой создания и культивирования исторических мифов. В бразильской литературе авторы-романтики сделали немало для развития национальной идентичности, особенно – для развития концепта самости и появления образа инакости.

Идеал романтиков был в прошлом, а образа «чужого» для развития нормальной идентичности было явно недостаточно. Это, вероятно, понимали и сами романтики. Поэтому, в разделе, посвященном индейским романам одного из крупнейших бразильских романтиков Жозе дэ Аленкара, мы констатировали, что самому писателю было, скорее всего, узко в рамках доминировавшей тогда романтически идиллической парадигмы рефлексии над бразильской историей. Именно поэтому автор указывал, что на смену романтизму в бразильской литературе приходит модернизм.

Литературный триумф модернизма¹⁸⁵ совпал с кризисом и почти смертью «высокой культуры»: в такой ситуации, если романтизм предлагал в значительной степени унифицированные схемы поведения героев (и, как результат, унифицированные идентичности), то модернизм предложил несколько вариантов поведения в условиях определенного идентичностного кризиса. На смену сингулярной идентичности приходит идентичность серийная. «Гибель» культуры элиты была ознаменована значительной политизацией масс и появлением новых политических движений, которые предлагали новые идентичностные проекты и культурные идентичности. Рождение новых идентичностей новых современных (современных) наций протекало чрезвычайно тяжело, сопровождаясь острыми интеллектуальными дебатами.

Именно модернизм привел не только к появлению серийных идентичностей, но и к дефрагментации идентичностного дискурса, выделению левых и правых трендов¹⁸⁶. Но это было характерно для развитого модернизма первой половины XX века. Ранний модернизм (или прото-модернизм) столь ярко выраженной политической детерминированностью не отличался. С другой стороны, тексты, возникшие в рамках раннего модернизма, демонстрируют целый ряд интересных идентичностных дискурсов, на которых мы остановимся в этом разделе, выбрав в качестве источника тексты классика бразильской литературы Мошаду дэ Ассиза (1839 – 1908).

В литературе, посвященной Мошаду дэ Ассизу, он, как правило, предстает как писатель-реалист, хотя эта тенденция не столь однозначна¹⁸⁷. Вероятно, реализм играл роль внешнего бэк-

¹⁸⁵ О модернизме см.: *Modernism in Twentieth-Century Poetry*. – NY., 1970; *Odkrywanie Modernizmu. Przekłady i komentarze*. – Krakow, 1998; Гундорова Т. Проявления слова. Дискурс раннего украинского модернизма. Постмодерна інтерпретація / Т. Гундорова. – Львів, 1997; Моренець В. Національні шляхи поетичного модерну першої половини XX ст.: Україна і Польща / В. Моренець. – Київ, 2002; Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі / С. Павличко. – Київ, 1997 (1999).

¹⁸⁶ О модернизме в контексте интеллектуальной истории Бразилии см.: *Essa gente do Rio. Modernismo e nacionalismo*. – Rio de Janeiro, 1999; Casto Gomes A. *Os intelectuais cariocas, o modernismo e o nacionalismo: O caso de Festa* / A. Casto Gomes // LBR. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 80 – 106; *Modernidade e modernismo do Brasil* / ed. A.T. Fabris. – São Paulo, 1994.

¹⁸⁷ См.: Castello J.A. *Realismo e ilusão em Machado de Assis* / J.A. Castello. – São Paulo, 1969; Barros da Silva A.L. *Machado de Assis: anti-apologista, anti-romantico*,

граунда в то время, когда наибольший интерес для него представляли переживания и искания героев в мире весьма непонятном, мире не совсем нормальном и адекватном. Это мир доминирования разрушенной хронологии, мир в значительной степени разобщенный и дефрагментированный, который мы можем наблюдать в романе «Записки с того света»: «...некоторое время я колебался – писать ли мне эти воспоминания с конца, начать ли с моего рождения или моей смерти. Все всегда начинают с рождения; а я решил принять обратный порядок по следующим причинам: во-первых, я не покойный писатель, а писатель-покойник, и могила, таким образом, стала моей второй колыбелью, во-вторых, сочинение мое от этого приобретает новизну и оригинальность...»¹⁸⁸.

Это – взгляд из-за литературного контекста, попытка показать мир, взглянув на него, будучи вне его пределов. Сама характеристика главного героя, данная самому себе, показывает, вероятно, формирования некой новой, пока непонятной, идентичности в виду того, что традиционная идентичность, основанная на высокой культуре, начинает переживать кризис. Это – идентичность приграничного типа, на грани нормы и отклонения от нее, на границе безумия и нормальности.

Поэтому, на смену описываемым событиям приходят припадки безумия, приступы бреда, где герой предстает как «китайский цирюльник, который прилежно брил китайского мандарина» или «серебряный том в фаянсовом переплете с серебряными застежками»¹⁸⁹. В припадке бреда герой «совершает путешествие на бегемоте» к началу веков, но и это столкновение с историей лишь подчеркивает одинокий характер существования: «...кроме

anti-realista. Paper presented in “VIII Congresso Luso-Afro-Brasileiro de Ciências Sociais, Coimbra, 2004, Setembro, 16 – 18; Bosi A. Machado de Assis / A. Bosi. – São Paulo, 2003; Brandão O. O niilista Machado de Assis / O. Brandão. – Rio de Janeiro, 1958; Chalhaub S. Machado de Assis historiador / S. Chalhaub. – São Paulo, 2003; Gledson J. Machado de Assis: impostura e realismo / J. Gledson. – São Paulo, 1991; Ferreira Martins R.A. Machado de Assis e a literatura brasileira do oitocentos: um projeto da literatura nacional / R.A. Ferreira Martins // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 9 – 32

¹⁸⁸ Машадо де Ассиз, Записки с того света / Машаду де Ассиз / пер. с порт. Е. Голубева, И. Чежегова // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы / пер. с порт. / Машадо де Ассиз. – М., 1989. – С. 34.

¹⁸⁹ Машадо де Ассиз, Записки с того света. – С. 43.

слепающей снежной белизны я ничего не видел, белым стало даже небо... местами из снега торчали огромные безобразные растения, и ветер шевелил их широкие листья... тишина была поистине гробовая...»¹⁹⁰.

В столкновении человека и пространства победу одерживает простор, предстающий в гендерно детерминированном образе – образе Природы. И в этой ситуации герой—мужчина оказывается вынужденным уступить перед женщиной, в которой «все было огромно до дикости»¹⁹¹. В этом столкновении мы словно наблюдаем столкновение традиции и современности, природы и цивилизации – столкновение и встреча взаимоисключающих начал. Именно поэтому, природа-мать выносит свой приговор человеку: «...меня зовут Природа... я твоя мать и я твой враг... я твой враг, но не лишаю тебя жизни; наоборот, ты – жив и это высшая мука...»¹⁹².

В такой ситуации жизнь превращается в существование на грани самоуничтожения, самоуничужения и саморазрушения с одной единственной целью: получить почти садомазохистское удовлетворение от самого факта истязания героем самого себя. История героя книги – это история почти постоянных неудач – неудачные связи с женщинами, нечто похожее на обучение в Коимбрском университете¹⁹³ в Португалии, нечто похожее на попытки жить самостоятельно. Итогом всего становится смерть героя. Поэтому, история обретает новое измерение – это не история прогресса, это история чувства страха («...каждый век приносил мрак, войну, заблуждения, создавалась история и цивилизация,

¹⁹⁰ Там же. – С. 45.

¹⁹¹ Там же. – С. 45.

¹⁹² Там же. – С. 45.

¹⁹³ Выбор Машаду дэ Ассизом именно Коимбрского университета в качестве места обучения своего героя вовсе не случаен. В отличие от испанских колоний, где относительно быстро возникли центры, аналогичные европейским университетам, то Бразилия в сфере развития местного высшего образования отставала. В связи с этим Жозэ Мурилу дэ Карвалья подчеркивает, что «Португалия систематически противилась созданию в своих колониях институтов высшего образования, не рассматривая в качестве таковых только семинарии» (См.: Carvalho J.M. de, *Political Elites and State Building: the Case of Nineteenth-Century Brazil* / J.M. de Carvalho // *Comparative Studies in Society and History*. – 1982. – Vol. XXIV. – No 3. – P. 378 – 399). Именно поэтому, бразильские носители «высокой культуры» были вынуждены отправляться в Европу для получения университетского образования.

голый человек брал в руки топор...»¹⁹⁴), глубинного страха перед природой и страха перед самим собой и себе подобными как порождениями этой природы. Сама история трансформируется в историю постоянной боязни, «страха смерти»¹⁹⁵.

Постоянный страх смерти – лучший стимул для насилия, для развития отношений подчинения и доминирования. В романе эти отношения имеют различный, гендерный и расовый, бэк-граунд. Роман «Записки с того света» принадлежит к числу тех текстов, где доминируют мужчины. Женщины только вписываются автором в некий канон, совокупность стереотипов: «...матушка, болезненная, набожная женщина, была не очень умна, зато добра, искренне милосердна, добродетельна и скромна...»¹⁹⁶.

В такой ситуации мужчина выступает в роли нового колонизатора, покорителя, а женщина вынуждена ему постоянно подчиняться: «...Марсела щедро вознаграждала меня за мои жертвы, она стремилась угадать мои самые сокровенные мысли, она бросалась исполнять мое самое малейшее желание, детскую причуду, каприз, следуя, видимо, велению совести и естественному влечению сердца...»¹⁹⁷. Феминность в романе «Записки с того света» превращается в сферу доминирования архаики и традиционности с их культурой насилия и подчинения, зависимости женщины от мужчины, что было, впрочем, характерно не только для раннего бразильского модернизма¹⁹⁸.

С другой стороны, феминность постоянно подчеркивает то, что мужчины и женщины вынуждены играть различные социальные роли. Эта различная социальная предназначенность становится очевидной для Кубаса спустя несколько лет после расставания с Марселой. Случайная встреча подчеркивает непостоянство мира и если раньше он восхищался ею, то теперь она ка-

¹⁹⁴ Машадо де Ассиз, Записки с того света. – С. 48.

¹⁹⁵ Там же. – С. 48.

¹⁹⁶ Там же. – С. 53.

¹⁹⁷ Там же. – С. 66.

¹⁹⁸ В данном контексте восприятия женщины как воплощения традиционности и архаичности возможна параллель с одним из текстов Агатангела Крымского, который, в частности, в романе «Андрій Логовський» писал: «...стара Логовська виглядала з себе так, що її можна було швидше залічити до "жінок", ніж до "дам"... Обличчя її – неінтелігентне, вульгарне... Руки червоні, порепані». Цит. по: Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: складний світ Агатангела Кримського / С. Павличко. – Київ, 2000. – С. 122.

жется ему отталкивающей: «...в глубине за прилавком сидела женщина. В темноте было невозможно сразу разглядеть ее изрытое оспой лицо... оно не было уродливо, в нем виднелись остатки былой красоты, безжалостно унесенной болезнью и преждевременной старостью. Оспины были ужасны, большие рубцы коростой покрывали лицо, образуя бугры и рытвины...»¹⁹⁹.

Герой Машаду дэ Ассиза начал смотреть на мир реально, видя его не как совокупность идеальных женщин и не как место для свершения героических поступков. Мир стал уродливым, уродующим, неприятным. Это – не мир романтических красавиц и героев, это мир – бывших любовниц, некрасивых женщин и мужчин-неудачников. Отношения между белыми и неграми развиваются так же: как отношения доминирования и насилия, которое проявляется очень рано.

Придаваясь такому «инфантильному» насилию герой, будучи ребенком, издевается над рабами-неграми, унижая их: «...я ударил по голове одну нашу рабыню: она мне не дало попробовать кокосового повидла... я бросил в кастрюли пригоршню золы и наябедничал матушке... негр Пруденсио постоянно служил мне лошадкой... он стонал, но слушался...»²⁰⁰.

Насилие в Бразилии, о которой писал Машаду дэ Ассиз, было почти универсальным средством утверждения своего статуса, подчеркивания своего доминирования²⁰¹. Если маленький мальчик вел себя с неграми подобно господину с рабом, то и негры постепенно перенимали образцы поведения и культурные прак-

¹⁹⁹ Машадо де Ассиз, Записки с того света. – С. 98. Автор полагает, что вновь уместна параллель с текстом А. Крымського, писавшего: «...в мене так-таки нічого ніяк нема спільного з нею ... я – продукт сучасної цивілізації, я дегенерат, я декадент, я людина з fin de siècle, я неврастенік, а вона – така некультурна баба, що неврастенії навіть не надбала... дарма що в неї епілепсія...». Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм. – С. 124.

²⁰⁰ Машадо де Ассиз, Записки с того света. – С. 52.

²⁰¹ Об этом см. подробнее: Jobim J.L. Censorship and Morality Mochado de Assis, Émil Augier and the National Theater Institute / J.L. Jobim // LBR. – 2000. – Vol. 41. – No 1. – P. 19 – 36; Krause G.B. O bruxo contra o comunista ou: o incômodo cetitismo de Machado de Assis / G.B. Krause // Kriterion. – 2007. – No 115. – P. 235 – 247; Miskolci R. Machado de Assis, o outsider estabelecido / R. Miskolci // Sociologias. – 2006. – Vol. 8. – No 15. – P. 352 – 377; Ribeiro O.M. De Fernando Sabina e Machado de Assis. Uma releitura de “Don Casmurro” / O.M. Ribeiro // LM. – 2004. – Vol. 7. – No 1. – P. 157 – 174; Schwartz R. Machado de Assis. Um mestre na periferia do capitalismo / R. Schwartz. – São Paulo, 1989; Tosta A.L. Machado de Assis: A obra entreaberta / A.L. Tosta // LBR. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 37 – 55.

тики белых – своих нынешних и бывших господ. Поэтому герой дэ Ассиза описывает следующий случай: он наблюдал то, как «какой-то негр избивал другого плетью»²⁰².

Избиваемый в ответ не посылал проклятия и ругательства, он был способен произнести только: «О, сжальтесь, господин, сжальтесь надо мной!». Его хозяин находил для него не самые лучшие слова: «Молчи, скотина!». Общение негров с белыми не прошло для них даром: из бывших рабов получились настоящие хозяева. Но и эти новые господа сохранили свою глубинную рабскую психологию: негром, избивающим другого негра, оказался Пруденсио, и стоило ему увидеть своего бывшего хозяина – «он перестал избивать свою жертву и попросил у меня благословения». И когда бывший хозяин просит его не избивать раба, то тот отвечает: «вам и просить не надо, ваше слово для меня закон. Ступай домой, пьянчуга»²⁰³.

Подобный случай, описанный Машаду дэ Ассизом, подчеркивает, что бразильское общество на том этапе продолжало в значительной степени оставаться традиционным, разделенным на замкнутые, но пересекающие и контактирующие группы, за каждой из которых стояла своя идентичность, своя политическая культура и своя лояльность.

Герой Машаду дэ Ассиза словно выносит диагноз истории. История перестает быть историей прогресса, она становится историей упадка, морального разложения и гибели человека. Текст романа «Записки с того света» трансформируется в совокупность нарративов, отдельных текстов, некоторые из которых почти не связаны. Четкая структура изложения и повествования уступает место множественности описываемого опыта. В попытках преодоления кризиса самообозначения и самопозиционирования герои придаются исторической рефлексии.

Но и констатация того, что герой является потомком знатного и древнего рода («...основателем нашего рода был Дамиан Кубас, процветавший в первой половине восемнадцатого столетия... мой предок был человек предприимчивый, он арендовал земли, сеял, собирал урожай, и, таким образом, оставил круг-

²⁰² Машадо де Ассиз, Записки с того света. – С. 135.

²⁰³ Там же. – С. 135 – 136.

ленький капитал...»²⁰⁴) остается только констатацией. В этой рефлексии над историей, которая давно стала для бразильцев чужой и географически отдаленной, доминируют такие чужие и территориально далекие образы и сюжеты, например – мавры, с которыми якобы воевал один из предков Кубасов²⁰⁵.

Эта рефлексия над прошлым для носителей «высокой культуры» не знает ни норм, ни границ интерпретации. Поэтому, история превращается в сферу, где доминирует не событие, не факт, даже не представление о факте или событии, а совершенно вольная интерпретация того, что было. В такой ситуации история для главного героя – это «история, позволяющая толковать себя, как кому вздумается»²⁰⁶. Рефлексия над прошлым не создает надежных оснований для развития идентичности в настоящем. У таких постоянно рефлексирующих над прошлым героев остается только прошлое, что, словно, подчеркивает не самые лучшие перспективы носителей «высокой» культуры. И в настоящем их идентичность становится размытой.

В рамках такой идентичности едва ли найдется место для политических идей или политически детерминированного национального чувства: «...то не был патриотизм, вызванный свиданием с родиной, нет; но мне было так близко и так знакомо все это с детства – эта улица, и эта башня, и фонтан на углу, и женщина в мантилье, и черный раб-носильщик; вещи и люди, скрытые в моей памяти, снова возникали передо мною...»²⁰⁷. Такая идентичность предстает аморфной, опираясь не на веру в великое прошлое или будущее страны, а проявляясь в предрасположенности к тому или иному месту, даже не месту – а контексту постоянно меняющихся образов, предметов, людей.

Подводя итоги этого раздела, следует принимать во внимание, что ранний модернизм (или протомодернизм) сыграл значительную роль в формировании, развитии и даже появлении новых идентичностей на территории Бразилии. Развитие модернистского тренда в литературе было связано с кризисом «высокой

²⁰⁴ Там же. – С. 37.

²⁰⁵ Там же. – С. 37.

²⁰⁶ Там же. – С. 39.

²⁰⁷ Там же. – С. 79.

культуры», носителями которой являлись представители политической, культурной и интеллектуальной элиты.

Примечательно, что в этом случае кризисные явления осознали сами носители этой культурной идентичности, став провозвестниками новых культурных и литературных практик. В рамках этой новой, «большой» культурной рефлексии, были подвергнуты радикальной ревизии те ценности, которые ранее казались почти незыблемыми. Переоценка охватила все сферы жизни, в первую очередь – отношения полов.

В такой идентичности формировались и новый мужчина, и новая женщина. Среди них теперь было сложно определить однозначного лидера и аутсайдера. Эти понятия перестали быть гендерно маркированными, утратив связь и с социальным статусом. В этой новой идентичности сам статус стал весьма подвижным. Но эта статусная динамика почти не затрагивала социального, культурного и интеллектуального бэк-граунда в целом. Литература раннего бразильского модернизма – это литература, отмеченная сочетанием новых и архаичных институтов при условии почти полного доминирования традиции.

Ранний бразильский модернизм – это литература начинающейся модернизации. Начало модернизационных процессов стало возможно благодаря кризису традиционной высокой культуры и постепенному распаду романтического тренда в литературе. Разрушая старую романтическую идентичность, ломая социальные стереотипы и каноны, пересматривая социальные роли, ранний модернизм готовил почву для рассвета новых, современных, идентичностей, который были в значительной степени более дефрагментированными, развиваясь в рамках левого и правого литературного трендов в интеллектуальной жизни Бразилии.

КОНСТРУИРУЯ ИСТОРИЮ БРАЗИЛИИ: НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ В ДИСКУРСАХ КЛАССИЧЕСКОГО ИСТОРИОГРАФИИ

Механизмы зарождения национализма как политического движения и национализма как политической идеологии в исследовательской литературе принадлежат к числу дискуссионных проблем. Представителями исследовательского сообщества высказываются различные точки зрения, начиная с утверждения о том, что проблема является надуманной в виду примордиального характера нации и завершая различными модернистско-конструктивистскими теориями.

Сторонники последних могут связывать возникновение национализма как доктрины и организованного националистического движения как фактора политической жизни с различными процессами – социальными переменами, стимулирующими модернизацию; протестом периферии против центра; политическими процессами разложения имперских политических институтов и структур под нажимом новых национальных движений и молодых агрессивных интеллигенций.

В политологической и исторической литературе предложено немало интерпретаций начала национализма. Одна из наиболее популярных и востребованных теорий связана с анализом роли интеллектуального сообщества, носителей «высокой культуры» в формировании идеологий нового типа, первой в ряду которых и явился национализм. Действительно, если мы обратимся к истории любого европейского, североамериканского и латиноамериканского национализма, первыми националистами почти всегда были те, кого можно назвать носителями «высокой культуры».

Ситуация особенно очевидна в центральноевропейском контексте, где некоторые первые националисты не говорили на языке того народа, за национальное развитие и освобождение которого они ратовали. В регионе Латинской Америки сложилась несколько иная ситуация, местная специфика была очевидной, локальные особенности очень значительными, но и в этом и в

Южной Америке первыми националистами оказались носители «высокой культуры».

Национализм как политическая доктрина был связан с кризисом классической европейской «высокой культуры» и тех ее форм, которые были перенесены португальскими и испанскими колонизаторами, в том числе – и представителями, политической элиты, в Латинскую Америку. Национализм стал своеобразной рефлексией (если угодно – аутопсихотерапией) некоторых носителей «высокой культуры» относительно кризиса и постепенного разрушения устоев традиционного общества под напором начинавшейся в Европе модернизации.

Итак, «высокая культура» была неразрывно связана с интеллектуальной рефлексией, которая, в свою очередь, имела различные проявления, одним из которых был интерес к истории, изучение истории и написание истории. Но в такой ситуации может возникнуть вопрос относительно связи истории с национализмом. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. Формирование национальной идентичности в Бразилии протекало, в том числе, и в рамках интерпретации исторических событий прошлого²⁰⁸.

Практически в каждой национальной исторической науке были и есть исследователи-националисты²⁰⁹ и историки без конкретных национальных пристрастий, заинтересованные в развитии исторической науки как таковой²¹⁰. В разные исторические

²⁰⁸ Проблемы связи истории и национализма получили некоторое изучение в Бразилии. См.: Casrto Gomes A. História e historiadores: a política cultural do Estado Novo / A. Castro Gomes. – Rio de Janeiro, 1996; Gomes A. História e historiadores / A. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996; Contijo R. Manoel Bomfim, “pensador da História” na Primeira República / R. Contijo // RBH. – 2003. – Vol. 23. – No 45. – P. 129 – 154; Iglesias F. Historiadores do Brasil (capítulos de historiografia brasileira) / F. Iglesias. – Rio de Janeiro, 2000.

²⁰⁹ См. в связи с этим классическую статью британского историка Энтони Смита «Национализм и историки». Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236 – 263.

²¹⁰ О связи исторических исследований с национализмом см.: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1; McCormack G. The Japanese Movement to “Correct History” / G. McCormack // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 53 – 73; Gerow A. Consuming Asia, Consuming Japan: the New Neonationalistic Revisionism in Japan / A. Gerow // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 74 – 95; Когут З.Є. Історія як поле

периоды влияние этих групп и число их приверженцев может быть различным. В периоды активной политической борьбы, национального движения или патриотической эйфории в результате обретения независимости – национализм может стать единственной парадигмой, определяющей направление исторических исследований²¹¹. В периоды относительной политической и экономической стабильности национализм в исторической науке является собой маргинальное направление.

В настоящем разделе мы остановимся на одном из проектов написания бразильской истории, сосредоточив внимание на работе крупного историка конца XIX – первой четверти XX века Роши Помбу.

Роша Помбу (1857 – 1933) был для своего времени одним из крупнейших бразильских историков. К середине 1950-х годов его «История Бразилии», предназначенная в качестве учебника для бразильских колледжей, выдержала шесть изданий²¹². В начале XX века Роша Помбу издал одно из первых обобщающих исследований по истории Бразилии, которое насчитывало десять томов. Книга Роши Помбу, предназначенная в качестве учебника, демонстрирует общее состояние развития исторических исследований, показывает соотношение исторического нарратива с политическими процессам, в том числе – с формированием политической нации.

Обратимся непосредственно к тексту Роши Помбу.

Среди центральных дискурсов книги – дискурс португальской колонизации Южной Америки, которую Роша Помбу пытался интерпретировать в категориях особой миссии португальской нации: «...в то время как португальцы задались целью предпринять свои великие путешествия... все остальные народы Ев-

битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004.

²¹¹ См.: Agamben G. *Infância e história: Destrução da experiência e origem de história* / G. Agamben. – Belo Horizonte, 2005; Bann S. *An invenções da e história* / S. Bann. – São Paulo, 1994; Moscateli R. *Um rediscombrimento historiográfico do Brasil* / R. Moscateli // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 1. – P. 187 – 201; *Domínios da história: ensaios de teoria e metodologia* / eds. C.F. Cardoso, R. Vainfas. – Rio de Janeiro, 1997; *Fontes históricas* / ed. C. Pinsky. – São Paulo, 2005.

²¹² См. например: Pombo R. *História do Brasil* / R. Pombo (7 edição. Revista e atualizada por Hélio Vianna). – Rio de Janeiro, 1956.

ропы стояли далеко в стороне от этих начинаний... одни стремились добиться политической интеграции на развалинах феодального строя, другие путем самоотречения пытались примириться с условиями всеобщей нищеты... многие вели войны...»²¹³.

Сама новая земля, будущая Бразилия (описанию которой Роша Помбу уделяет немало внимания²¹⁴, дабы простимулировать развитие «воображаемой географии»), открытая португальцами, по словам Роши Помбу, была словно изначально именно для них предназначена: «...через несколько дней была обнаружена земля, которую они искали... там высадились, отслужили мессу, рядом с крестом был установлен символ владычества короны...»²¹⁵.

Бразильский историк, для воззрений которого был характерен некоторый примордиализм (что и неудивительно для того времени, когда почти все историки, писавшие крупные обобщающие исследования верили в изначальность собственной нации), полагал, что и предки бразильцев, португальцы, для своего времени были одним из наиболее развитых и прогрессивных народов, что толкнуло их на открытие новых земель и их освоение. Таким образом, он развивал нарратив о том, что между португальской и бразильской политической нацией существует континуитет и, что от Португалии Бразилия унаследовала лучшие традиции европейской цивилизации.

В концепции Роши Помбу нашлось место не только для португальцев и других европейцев, но и для индейцев и негров²¹⁶. Относительно индейцев, с которыми португальцы установили первые контакты, Роша Помбу писал, что «португальцы встретили людей, находящихся в состоянии совершенной дикости»²¹⁷. Для Роши Помбу индейцы были интересны не как отдельная общность, а как потомки выродившейся цивилизации:

²¹³ Помбу Р. История Бразилии / Р. Помбу. – М., 1962. – С. 21.

²¹⁴ Там же. – С. 48 – 55.

²¹⁵ Там же. – С. 30.

²¹⁶ Интерес бразильского историка к неграм и индейцам в контексте национальной истории Бразилии не является чем-то исключительным. Подобные нарративы зависимости и подчиненности, доминирования и угнетения присутствуют в большинстве национальных историографических традиций. См.: Kamberović H. “Turci“ i “kmetovi“ – mit o vlasnicima Bosanske zemlje / H. Kamberović // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 67 – 84.

²¹⁷ Помбу Р. История Бразилии. – С. 31.

«...южноамериканский дикарь – это выродившийся аймора, который в силу превратностей кочевой жизни утратил многие черты породившей его цивилизации...»²¹⁸.

Именно эта вера в вырождение индейцев вселяла уверенность и в том, что европейцы в праве направлять их развитие. Индейские территории в книге бразильского историка предстают как своеобразный Ориент, который португальцы, как носители европейской культуры, были вынуждены освоить, подвергнуть колонизации. Индейские территории – это тоπος дикости, господства домодерных традиционных отношений. Помимо индейских нарративов в исследовании Р. Помбу заметны и африканские (негритянские) сюжеты, связанные с историей и судьбой чернокожих жителей Бразилии.

Рабство в Бразилии было отменено лишь во второй половине 1880-х годов, а в бразильском обществе были сильны аболиционистские настроения. Поэтому, Роша Помбу, писавший свое многотомное исследование в начале XX века с подобными тенденциями не мог не считаться. Поэтому, он прилагал немалые усилия доказать, что не Бразилии принадлежит первенство в работорговле и создать негативный образ испанцев как работорговцев и врагов всякой свободы: «...Бразилия никогда не была страной с самым многочисленным негритянским населением в Америке, и не нам принадлежит приоритет в отношении торговли неграми... испанцы доставили первые партии негров...»²¹⁹.

Роша Помбу полагал, что само рабство сыграло в истории Бразилии крайне негативную роль, способствуя укреплению архаичных и традиционных отношений, сокращению общественной (горизонтальной и вертикальной) мобильностью, замыканию социальных границ и возникновению своеобразных каст. Противоположностью подобному наследию рабства, по его мнению, могла быть исключительно модернизация, которая способствовала возникновению единой политической бразильской идентичности и национальной культуры.

С другой стороны, такая культура могла возникнуть исключительно в результате консолидации культурных традиций белых

²¹⁸ Там же. – С. 32.

²¹⁹ Там же. – С. 121.

и негров, ибо, по мнению бразильского историка, после отмены рабства они были уже неотделимы.

Значительное внимание Роша Помбу уделял и проблемам, связанным и историей в Южной Америке других европейцев. В этом контексте история Бразилии является историей постоянной конкуренции между португальцами и их европейскими противниками. Относительно французов Роша Помбу полагал, что те незаконно посягали на португальские территории в Южной Америке. Нередко в тексте Роши Помбу французы – это авантюристы, способные на все дабы ухудшить положение португальских колонистов.

О поведении французов во второй половине XVI столетия Р. Помбу отзывался как об агрессивном и возмутительном, в качестве доказательства утверждая, что «французы внушали такой страх всей колонии, что даже в Байи опасались нападения»²²⁰. Эти нарративы способствовали формированию образа «другого». Известно, что ничто не скрепляет политическую нацию лучше, чем страх перед другими политическими нациями. Французские, точнее – антифранцузские, нарративы выполнили свою роль, способствуя, с одной стороны, консолидации представителей интеллектуального сообщества, а, с другой, постепенной национализации потребителей этих исторических нарративов.

Наряду с французами в концепции Р. Помбу нашлось место и для голландцев²²¹, которые, как и французы, были для него образцом неправильной негативной идентичности. Описывая появление голландцев в Южной Америке, Р. Помбу полагал, что они сыграли меньшую роль, чем португальцы и испанцы, в чем просматривается его своеобразный национализм. Бразильский историк полагал, что «...роль батавов в истории была неизмеримо ниже роли, которую сыграли иберийские народы, особенно – португальцы, поскольку именно последние стали проводниками

²²⁰ Там же. – С. 98.

²²¹ О голландских нарративах в современной бразильской интеллектуальной традиции см.: Banck G. *Memória e imaginário: pensando a cidadania no espelho do Brasil Holandês* / G. Banck // *República das entias* / ed. P. Reis. – Rio de Janeiro. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 41 – 56; Banck G. *Delemas e símbolos: estudos sobre a cultura política do Espírito Santo* / G. Banck. – Vitória, 1998; Banck G. *Memórias e tradições: Cultura política. Brasil versus Holanda* / G. Banck // *RBCS*. – 2007. – Vol. 22. – No 65. – P. 127 – 169.

влияния запада по всему миру...»²²². Появление голландцев в Южной Америке Р. Помбу стремился объяснить якобы изначально свойственным Нидерландам эгоизмом, жители которых «...только и выжидали подходящего момента, чтобы расстаться со своим мирным трудом и отнять у героев-первооткрывателей плоды их трудов...»²²³.

В исторической схеме, предложенной Р. Помбу, особое место занимает религия. Он пытался интегрировать католицизм в пантеон национальных добродетелей ранних португальских колонистов: «...нужно было иметь исключительно апостолическое рвение, которое превосходило бы все... в этих условиях было счастьем, что наряду с государственной властью на сцене, где разыгралась драма завоевания, появилась фигура миссионера...»²²⁴.

Роша Помбу создает крайне благоприятный образ Церкви²²⁵, первых католических миссионеров, словно полемизируя со сторонниками секуляризации: «...с самого начала эти мужественные люди, охваченные энтузиазмом, пошли по деревням, относясь ласково к детям, одаряя женщин, ублажая старцев, помогая больным... опровергая созданную колонистами славу об их лживости и лицемерии...»²²⁶. Таким образом, история в Бразилии начала XX века превратилась еще и в сферу противостояния различных идентичностей, среди которых были разные тренды, имеющие, как светские, так и религиозные основания.

²²² Там же. – С. 140.

²²³ Там же. – С. 140.

²²⁴ Помбу Р. История Бразилии. – С. 86.

²²⁵ Интерес историков-националистов к религии является, скорее, исключением, нежели правилом. Историки-националисты, как правило, являются сторонниками модернизации, а религиозность для них четко соотносится с традиционализмом. О религиозном факторе и написании истории см. работы боснийских историков, которые могут представлять методологический интерес в контексте изучения отношения религиозных и светских дискурсов в рамках написания истории как общенационального проекта. См.: Agićić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agićić // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160; Aleksov B. Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 225 – 258; Džaja S.M. Bosanska povijesna stvarnost i njezini mitološki odrazi / S.M. Džaja // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 39 – 66.

²²⁶ Помбу Р. История Бразилии. – С. 87.

Сама история колонизации в таком прочтении постепенно трансформируется в историю религиозного рвения, истый католический фанатизм. Религия, религиозная идентичность в этом контексте, вероятно, не были доминирующими, а имели вспомогательное значение и играли подчиненную роль относительно собственно политических дискурсов той исторической концепции, которую предложил Р. Помбу. Согласно концепции Р. Помбу, ранняя бразильская история – это история постепенного развертывания португальского национального гения в Южной Америке.

Это – история покорения и христианизации индейцев, войн с французами, освоения новых территорий. Поэтому, историк наделил первых бразильцев такими качествами как героизм, бесстрашие, мобильность, способность воспринимать новое, осваивать огромные территории: «...самые бесстрашные из колонистов, движимые внутренним инстинктом, были исполнены боевого духа... они жили в условиях непрекращающихся боевых действий, словно в лагере, перемещаясь с одного места на другое... открывая все новые земельные просторы для создаваемого общества...»²²⁷.

Культивируя этот нарратив, Роши Помбу способствовал не просто идеализации прошлого, оно постепенно мифологизировалось, превращаясь в мифический конструкт. Национальные мифы, наравне с образами врага, играют, вероятно, ведущую роль в национальной консолидации и в формировании современной нации с современной политической идентичностью. Роша Помбу своими историческими исследованиями в значительной степени способствовал консолидации политической бразильской нации, для чего следовало создать пантеон национальных героев, которые были бы одинаковы понятны и не вызывали бы отторжения у большинства потребителей истории.

В этот своеобразный национальный пантеон Р. Помбу интегрировал, точнее – пытался интегрировать деятелей бразильской истории, которые принадлежали к разным эпохам и социальным классам. В варианте негласного национального пантеона, который предложил бразильский историк, нашлось место для многих.

²²⁷ Там же. – С. 118.

Первыми туда попали бразильские католические проповедники, которые в период колонизации распространяли христианство среди индейцев.

Относительно, например, Жозэ дэ Аншьеты, Р. Помбу предложил ряд нарративов, выдержанных почти в агиографическом духе: «...был в Бразилии один апостол, получивший широкую известность благодаря величию совершенных им деяний... этот незаурядный человек не знал ни минуты покоя... он помогал туземцам и колонистам и появлялся повсюду, где нужно было оказать поддержку...»²²⁸. В этом заметен, вероятно, не религиозный фанатизм и не принадлежность автора к религиозному идентичностному типу, а стремление поставить португальцев в один ряд с другими великими христианскими нациями.

Значительное внимание в своем труде Роша Помбу уделял Португалии. Португальские нарративы в его концепции принадлежат к числу наиболее дискуссионных. С одной стороны, он понимал, что без колонизации со стороны Португалии не могла возникнуть будущая Бразилия. С другой стороны, некоторые аспекты португальской политики в Южной Америки вызывали у него непонимание и раздражение. В частности, он полагал, что Лиссабон уделял мало внимания своим колониям: «...после кончины Дона Жуана Третьего в 1557 году монархия вступила в полосу заметного упадка... стала переживать подлинный кризис... двор преимущественно занимался всяческими интригами...»²²⁹.

В этом заметны не только попытки подвести интеллектуальное основание под то, что будет предпринято в главах, посвященных более поздним событиям, но и приверженность автора скорее к республиканской идее, нежели к ценностям монархии. Этой задачей было, несмотря на языковую и религиозную общность, отделение бразильской идентичности от идентичности португальской.

Как бы ни были важны сюжеты, связанные с колониальным периодом, для культивирования идеи политической нации изучение истории независимой Бразилии было более продуктивным. Появление условий для борьбы за независимость Роша Помбу

²²⁸ Там же. – С. 89.

²²⁹ Там же. – С. 114.

связывал с теми политическими переменами, которые произошли в Европе в период наполеоновских войн. Занятие территории Португалии французскими войсками и бегство короля в Бразилию привели к резкому повышению статуса колонии.

Именно бегство короля и португальской аристократии привело к появлению на территории Бразилии нового аппарата управления – не колониального, а государственного. Возвращение короля в Европу в 1820 году придало новые стимулы движению за независимость. Поэтому, вся дальнейшая история Бразилии в интерпретации Р. Помбу превращается в предысторию обретения независимости. Само провозглашение независимости Роша Помбу оценивал как политический националист, определяя этот акт как «величайшую мечту тогдашнего поколения»²³⁰.

Если Жозе дэ Аншьета относительно легко вошел в национальный пантеон, созданный бразильскими интеллектуалами, то интегрировать туда двух бразильских императоров было гораздо сложнее. Но, несмотря на популярность на момент издания книги республиканской идеи, Р. Помбу попытался это сделать. Относительно первого императора Р. Помбу отзывается о нем как о «герое, мало подходившего для эпохи, в которой ему пришлось жить»²³¹. В целом признавая определенные заслуги Педру в провозглашении независимости, Р. Помбу оценивал его политику весьма скептически, что, вероятно, следует рассматривать как скрытые симпатии в пользу республики.

О втором бразильском императоре Роша Помбу отзывался как о «высококультурном человеке», «провозвестнике нации»²³² и либерально мыслящем монархе²³³. С другой стороны, неспособность императора провести радикальные реформы и начать последовательную модернизацию страны заставили Р. Помбу (вероятно, не его одного) интерпретировать историю Бразилии того времени как противостояние сторонников реформ и их противников.

Политические симпатии историка были на стороне первых, которые оказались и республиканцами. Что касается истории са-

²³⁰ Там же. – С. 317.

²³¹ Там же. – С. 327.

²³² Там же. – С. 403.

²³³ Там же. – С. 416.

мой Республики, то Р. Помбу довел в своих исследованиях описание событий до 1930 года, предпочитая просто фиксировать даты и связанные с ними события, воздерживаясь от их развернутой интерпретации. Вероятно, на смену активному политическому республиканизму в Бразилии сложился своеобразный тихий республиканизм, вызванный оформлением границ бразильской политической нации, что ставило перед интеллектуальным сообществом новые, несколько иные, задачи. Борьба за республику отошла на задний план.

Проблемы корректировки новой идентичности стали более актуальной проблемой. Изучение национальной истории и, как следствие, развитие национальной историографии является, вероятно, одной из важнейших частей эволюции (точнее – возникновения и развития) современной идентичности. История первых националистов была не просто написанной историей – она была сферой существования их идентичности. Бразильские историки играли не менее выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма, чем бразильские политики.

Именно историкам, которые нередко создавали нации в своем воображении (а политической реальностью они становились гораздо позднее), принадлежит заслуга создания культурного, политического и социального основания для самой идеи нации. Бразильская история писалась и создавалась как определенный концепт самости, как концепт идентичности, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности.

Именно поэтому мы можем предположить, что создание национальной историографии играет определяющую роль в формировании современной идентичности – политической и национальной. Появление в Бразилии бразильской истории сделало легитимным существование бразильской политической нации. Без истории бразильцы не являлись нацией. Поэтому политический и интеллектуальный императив написания истории оказался чрезвычайно важным для бразильских националистов, которые осознали потенциал истории, точнее – написанной истории – в борьбе за равноправие с другими нациями, которые уже успели заявить о себе не просто в качестве исторических, но и политических.

Восприятие истории – это сфера формирования, изменения и донесения истории до конечных потребителей – широких национализирующихся масс. Нет более лучшей сферы для развертывания национального нарратива и культивирования националистических мифов, чем история. Дебаты, споры и дискуссии по поводу прошлого (не важно – своего или чужого, хотя известны случаи, когда рефлексия над чужой историей способствует если не возникновению, то хотя бы росту национализма) обычно сопровождают формирование нации.

Академически написанная и политически выверенная (в зависимости от ситуации история может стать важным политическим фактором), соотнесенная с политическим и социальным заказом история является одним из важнейших звеньев в цепи, при помощи которой общество, с одной стороны, сохраняет и охраняет идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своим членам будущее.

РАЗРУШАЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: БРАЗИЛЬСКИЕ ЛЕВЫЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИООПИСАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

Известно, что представители и носители «высокой культуры» были и среди первых теоретиков, и первых организаторов национализма. Представители масс, несвязанные с традициями «высокой культуры», думавшие в категориях культуры серийной и растажированной при помощи популярных политических брошюр и дешевых газет, захватят лидерство в организованных националистических движениях позднее, в начале XX столетия.

XVIII и XIX века – время интеллектуальной монополии носителей «высокой культуры» в национализме. Но в такой ситуации возникает вопрос относительно того, кем была представлена «высокая культура» в Бразилии? Это была культура тех, кого в «новой исторической науке» (речь идет о «школе “Анналов”») нередко определяют как «представителей имущих классов» и в этом определении нет социального подтекста, а есть только констатация факта.

Носители «высокой культуры» обладали иными социальными, политическими, экономическими и главное – культурными и интеллектуальными статусами чем «молчаливое большинство». Их политическая монополия опиралась, вероятно, не только на принуждение и насилие. Она имела свой важнейший бэкграунд в другом – в монополизации интеллектуального труда, в монополизации самого права на выпуск и распространение интеллектуального продукта.

Иногда и представители «молчаливого большинства» делали карьеру и становились носителями «высокой культуры», но они порывали со своей социальной родиной и подобные случаи были исключением, нежели правилом. В XX веке на смену сингулярным, уникальным идентичностям пришли серийные идентичностные проекты, что было вызвано двумя процессами. С одной стороны, модернизация привела к расширению политического дискурса за счет постепенной интеграции в него широких слоев населения.

С другой стороны, политизация масс выдвигала новые идентичностные проекты и концепты, которые отличались от ранее доминировавшей высокой культуры. Выходцы из масс, из молчаливого большинства так же не были чужды исторической рефлексии. Несмотря на появление и развитие новых идентичностей, исторические исследования по-прежнему оставались тесно связанными с политической динамикой, а история, как наука, с национализмом²³⁴.

История Бразилии XIX века – это не просто ранний этап существования независимого бразильского государства. Это – период национальной консолидации, которая протекала в условиях почти полного и безраздельного доминирования в интеллектуальной и культурной жизни правого политического дискурса. Вероятно, этому в значительной степени способствовало и то, что Бразилия в то время была единственным латиноамериканским государством с монархическим устройством. Этот правый дискурс не исчез и после провозглашения Республики.

Вот почему, в этом разделе мы остановимся на несколько иной проблеме, которая в политическом спектре Бразилии может быть локализована гораздо левее, чем концепты, которые мы анализировали в предыдущем разделе. На восприятии бразильской истории в середине XX века, написанной с позиций интеллектуала, принадлежавшего скорее по своим политическим предпочтениям к левому дискурсу²³⁵.

²³⁴ Связи национализма и исторических исследований автор уже касался в своих более ранних работах. См.: Кирчанов М.В. Национальная парадигма и язык написания истории (болгаризируя историю Македонии) / М.В. Кирчанов // Отечественная и зарубежная история: проблемы, мнения, подходы. – Пятигорск, 2006. – Вып. 6. – С. 273 – 287; Кирчанов М.В. Историзируя идентичность: дискурсы написания хорватской истории в первой половине XX века / М.В. Кирчанов // Новик. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2006. – Вып. 11. – С. 146 – 160; Кирчанов М.В. Земля, кровь и память: баварский идентитет, немецкая идентичность и исторические исследования в Баварии (1928-1944 гг.) / М.В. Кирчанов // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Елец, 2006. – Вып. 7. – С. 213 – 223; Кирчанів М. Хорватський національний рух 1930-х років (Дінко Томашич – історик і теоретик хорватського націоналізму) / М. Кирчанів // Проблеми славяноведения / ред. С.И. Михальченко. – Брянск, 2007. – Вып. 9. – С. 113 – 122.

²³⁵ В период работы над этим разделом автор испытывал некоторые сложности в силу того, что ранее уже имел опыт интерпретации связи истории и национализма, но в рамках, вероятно, правого политического и интеллектуального дискурса.

Речь идет о концепте, предложенным в книге «Бразилия XX столетия» автором которой являлся Руй Фако, Примечательно, что книга вышла тогда (в 1960 году²³⁶), когда до конца XX века оставалось сорок лет, но некоторые представители интеллектуального сообщества были настолько амбициозны, что стремились подвести итоги века.

Если в одном из предыдущих разделов мы имели дело с четко структурированным текстом, написанным по канонам позитивистской историографии, то книга Руй Фако представляет собой нарративный источник совершенно другого типа. Тут мы не найдем той хронологической последовательности и описания событий. Это, вероятно, собрание текстов, посвященных тем проблемам, которые автор считал наиболее актуальными для своего времени.

Обратимся непосредственно к тексту книги, которая представляет собой левый дискурс в бразильской интеллектуальной традиции середины XX столетия. Если текст Роши Помбу отличается научным характером, то Р. Фако научный (популярный научный) дискурс соседствует с националистическим²³⁷. Если в книге Р. Помбу мы имеем дело с историком, то Руй Фако – выразитель идеологии бразильского национализма. Фако, в частности, писал, что «...в настоящее время мы являемся народом с определившимся характером... мы начали ощущать уверенность в себе, поскольку отдаем отчет в том, какие мы есть и какими можем быть... нас не терзают сомнения относительно нашей дальнейшей судьбы... мы являемся хозяевами на своей земле...»²³⁸.

Национализм Р. Фако – это преимущественно политический (вероятно, он полагал, что выдвигать лозунги этнического нацио-

²³⁶ Faco R. Brasil seculo XX / R. Faco. – Rio de Janeiro, 1960.

²³⁷ См. подробнее о смыкании национального и интеллектуального трендов в культурном поле Бразилии: Gallisot R. Nação e nacionalidade nos debates do movimento operário / R. Gallisot // História do Marxismo / ed. E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1984. – P. 173 – 250; Montalvão S. O sentido da nação: parâmetros e intencionalidades na escrita da história de Caio Prado Junior / S. Montalvão // CH. – 2006. – No 2; Santos A.P. Imagens e sons de histórias do tempo presente e do imediato: identidades e concreções de sujeito, memórias e subjectividades em (des)construção no cotidiano da História / A.P. Santos // RHR. – 2007. – Vol. 12. – No 1. – P. 101 – 129; Schorske C.F. Pensando com a história: indagações na passagem do modernismo / C.F. Schorske. – São Paulo, 2000; História no Plural / ed. T.N. Swain. – Brasília, 1993.

²³⁸ Фако Р. Бразилия XX столетия / Р. Фако. – М., 1962. – С. 54.

нализма было политически бесперспективно) национализм, связанный с развитием нарратива об утверждении новой Бразилии в мире и самой бразильской политической нации в стране. Вероятно, уместно еще одно сравнение между Р. Помбой и Р. Фако.

Если Роша Помбу сводит историю Бразилии к преимущественно политической и частично культурной истории²³⁹, то Руй Фако интерпретировал историю Бразилии в духе революционного романтизма («...вся история Бразилии полна примерами непрерывных, радикальных, героических выступлений... эта борьба всегда захватывала широкие слои бразильского народа...»²⁴⁰), предлагая новый вариант бразильской идентичности, укорененной не в политической культуре, не традициях и архаике, а в постоянной склонности к переменам, в своеобразном революционаризме.

В пользу этого предположения свидетельствует и попытка Р. Фако доказать, что именно рабочий класс, возникший в результате модернизации, должен стать ядром политической бразильской нации, стержнем политической жизни. Руй Фако писал: «...пролетариат, как быстро растущий класс, предназначен оказывать решающее влияние на национальную жизнь...»²⁴¹.

Как мы можем оценивать подобную позицию? В 1960-е годы она была определена как прогрессивная, а сам Руй Фако оценивался как прогрессивный и сочувствующий СССР бразильский автор. Вероятно, подобный подход не совсем верен в силу того, что Руй Фако был скорее левым националистом, чем коммунистом. На рабочий класс он смотрел не с социальных, а с технократических позиций. В этом контексте заметно определение смыкания идей левого национализма с неким футуристическим национализмом, в основе которого лежала идея социальной, идентичностной модернизации бразильской нации.

Одним из центральных положений концепции Р. Фако было признание того, что значительную роль в истории Бразилии сыг-

²³⁹ Это характерно почти для всех зарождающихся национальных историографий, вспомним хотя бы хрестоматийную десятитомную (Роша Помбу тоже издал десять томов) «Историю Украины-Руси» Мыхайла Грушевського. Другие первые историки так же были склонны к генерализации, написанию больших, масштабных и обобщающих работ.

²⁴⁰ Фако Р. Бразилия XX столетия. – С. 58.

²⁴¹ Там же. – С. 71 – 72.

рал расовый и национальный фактор: «...колоссальное расовое смешение... не чистое в расовом отношении меньшинство с Иберийского полуострова... небольшое индейское население – все это привело... к возникновению народа с повышенной склонностью к чувственности, который пренебрегал завоеваниями прогресса...»²⁴². Смешение различных культур – европейских (не только романских), индейских, негритянских – привело к тому, что национальная идентичность в Бразилии изначально развивалась как сложный и комплексный проект.

С другой стороны, за этими национальными культурами стояли различные идентичности, некоторые из которых были традиционны, что стало одним из серьезных препятствий на пути к последовательной модернизации. По мнению Р. Фако, сближение и интеграция как культур с европейским географическим бэк-граундом, так и культуры африканцев привела к тому, что идентичность белых бразильцев обрела значительные особенности.

В связи с этим Р. Фако писал, что «...в стране возник своеобразный тип белого, так называемый “бразильский белый”... он отличен от североамериканского белого, у него характерные признаки негритянской расы: черные волосы, темные глаза, коричневая или бледная, но не белая, кожа, не всегда тонкие губы... наличие африканской крови всегда более или менее заметно...»²⁴³. Сближение культур, а тем более – смешение рас, вело к постепенному размыванию границ существовавших идентичностей.

В такой ситуации идентичностный дискурс в Бразилии в целом становится более широким, что, с одной стороны, ведет к появлению различных идентичностных (маргинальных или магистральных) субдискурсов и формированию новых культур, состоящими и скрывающимися за ними идентичностными бэк-граундами.

Подобно тому, как в начале XX века Роша Помбу, так и в середине столетия Руй Фако не утруждал себя объяснениями формирования самой бразильской нации. Вероятно, оба были примордиалистами: «...произошло чудо: на огромной территории с разбросанным населением создавалась нация, сформировался на-

²⁴² Там же. – С. 35.

²⁴³ Там же. – С. 44.

род, португальский язык претерпевал изменения в разговорной речи, обогащаясь африканскими терминами, словами и выражениями индейских племен... но сохранил свою структуру и распространился по всей стране...»²⁴⁴.

Но у Р. Фако этот примордиалистский сентимент заметен в большей степени. Как и для всех националистов для него было характерно восприятие появления бразильцев, самой бразильской нации как нечто совершенно естественное. Правда, в тексте Р. Фако заметно стремление интерпретировать некоторые проблемы бразильской истории с тех позиций, которые, вероятно, могут быть определены как неомарксистские: «...культурному единению благоприятствовала тесная взаимосвязь между расами, несмотря на все возрастающий разрыв между городом и деревней, когда широкие крестьянские массы были брошены на произвол судьбы и обречены на нищету, находясь в полной зависимости от латифундистов...»²⁴⁵.

В данном случае мы имеем дело с набором нарративов, характерных для сторонников неомарксизма. Речь идет и об экономическом факторе, о колониализме и расовых отношениях, о борьбе центра и периферии. Но исключать того, что это сходство исключительно внешнее мы не можем. С другой стороны, для текста Р. Фако характерна попытка найти социальные основы тех идентичностных процессов, которые протекали в Бразилии. Фако пытался показать, какие идентичностные дискурсы возникали в рамках различных социальных групп.

В этой связи он отталкивался от утверждения, что на территории Бразилии в результате колонизации европейцами возник своеобразный вариант глубоко традиционалистского общества, основой которого были различные социальные, почти изолированные группы, которые могут быть определены как касты. Замкнутость социальных групп в рамках бразильского социума имела совершенно иной характер, чем в Азии.

Возникновение подобной социальной динамики, которая базировалась на сохранении и / или трансформации традиционных институтов Руй Фако связывал с самим фактом европейской ко-

²⁴⁴ Там же. – С. 38.

²⁴⁵ Там же. – С. 38 – 39.

лонизации: «...Бразилия была колонизирована европейской страной, где господствовала абсолютистская монархия... сюда были принесены феодальные отношения, которые... сохранились до сих пор и являются препятствием для нашего развития...»²⁴⁶.

Колонизаторами той территории, где позднее возникла Бразилия, действительно, были выходцы из европейских периферий (как внутренних, так и внешних), которые принесли свои традиционные культуры и идентичности (который Руй Фако предпочитал определять как «феодальные»), что оказало существенное влияние на развитие традиционных институтов и длительную резистенцию со стороны архаики против модернизации в романских и нероманских (например, в Риу-Гранди-ду-Сул с немцами, или в Паране – с украинским сообществом) штатах.

В заключительной части книги своеобразный национал-футуризм, о котором мы писали выше, особенно заметен: «...бразильский рабочий класс развивается, растет его классовое сознание... развитие рабочего класса будет продолжаться и в дальнейшем по мере разрушения системы латифундий и роста промышленности... в строительстве сегодняшней Бразилии закладываются основы построения завтрашней Бразилии...»²⁴⁷.

Руй Фако тем самым фактически провозгласил в Бразилии конец истории, низведя исторический процесс к технократическим и социальным изменениям, к последовательной и планомерной модернизации страны. Иными словами, история стало только подготовительной фазой модернизации. В концепции Р. Фако история – это не сфера битвы за идентичность. История деградировала до уровня интеллектуальной рефлексии с определенным, леворадикальным и националистическим, подтекстом.

Восприятие истории потребителями, для коих она была создана, может стать причиной мобилизации, легитимации и / или политизации той или иной национальной идентичности. При этом национальные нарративы, как и сами истории, представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и ре-интерпретации. Это вызвано тем, что история пишется, создается, «воображается» и «изобретается» в опреде-

²⁴⁶ Там же. – С. 55.

²⁴⁷ Там же. – С. 300 – 301.

ленном контексте и представляет собой проект определенного типа. Нередко этот проект испытывает зависимость от социального бэк-граунда.

Написание истории является и результатом социальных позиций. Эти социальные позиции формируют условия существования и воспроизводства идентичности, которая служит для проявления самости, для подчеркивания черт того или иного сообщества. Поэтому, дискурс истории в современном обществе, пережившем модернизацию, подобно мифу в традиционном обществе, существующем в условиях доминирования архаичной культуры, представляет собой и дискурс идентичности.

Но и история остается в значительной степени мифической (точнее: мифологизированной) конструкцией в том смысле, что она представляет собой представление о прошлом тесно связанное с утверждением идентичности в настоящем. Бразилия не была исключением: история в этой стране нередко использовалась для легитимации социальных процессов и состояний, для оправдания произошедших политических изменений.

ГЕНЕРАЛ В РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: НЕЛЬСОН ВЕРНЕК СОДРЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОППОЗИЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Традиционно Вооруженные Силы в истории стран Латинской Америки, в том числе – и Бразилии, играли значительную роль. Эта роль, проявления участия военных в политике могли быть различными. Военные могли быть опорой правящих политических режимов, или, наоборот, выступать в качестве важнейшего катализатора политических, социальных или экономических перемен и изменений. В период существования Империи армия была одной из важнейших опор императорской власти в Бразилии.

В конце 1880-х годов радикальные военные были среди тех политиков, которые способствовали установлению в Бразилии республиканской формы правления. До начала 1930-х годов Вооруженные Силы были гарантией существования республиканского режима. После прихода к власти в 1930 году Жетулиу Варгаса Вооруженные Силы успешно интегрировались в создаваемую и выстраиваемую президентом авторитарную модель, успешно функционируя в рамках как режима личной власти Варгаса, так и в рамках провозглашенного во второй половине 1930-х годов «нового государства».

Казалось бы, что сама динамика отношений между гражданскими политическими элитами и Вооруженными Силами в стране развивалась вполне мирно, обретая определенную позитивную окраску. Отношения гражданских элит и армии оставались вполне мирными до того момента, пока Бразилия сохраняла реальный внешнеполитический нейтралитет и не вмешивалась в европейские конфликты. Участие Бразилии в первой мировой войне, в которую страна вступила в 1917 году, на завершающем этапе военных действий, вероятно, значительного воздействия на позиции Вооруженных Сил не оказало.

В период второй мировой войны Бразилия действовала иначе, принимая активное участие в военных действиях: в конти-

ментальную Европу был направлен экспедиционный корпус, который принимал участие в военных действиях на территории Италии. Участие бразильской армии в войне дало Вооруженным Силам возможность ощутить и реально почувствовать свое влияние. В результате Жетулиу Варгас дважды терял власть, а второе вмешательство армии и вовсе закончилось для него крайне неудачно: президент был вынужден покончить жизнь самоубийством.

После этого Вооруженные Силы Бразилии превратились в активного участника политического процесса²⁴⁸. Пик активизации Вооруженных Сил пришелся на весну 1964 года, когда армия, совершив государственный переворот, отстранила от власти президента Жоау Гуларта. Осознав армию не просто как институт национальной обороны, но и как политического актора, командование Вооруженных Сил установило в стране военный режим, просуществовавший до конца 1980-х годов.

В такой ситуации невольно возникает вопрос, относительно не только политического, но и интеллектуального потенциала армии в Бразилии, где военный режим отличался завидными потенциями в деле функционирования и собственного воспроизводства, просуществовав дольше военных режимов, например, в Чили и в Аргентине. Бразильская армия исторически была не только военным институтом, но и пристанищем для некоторых бразильских интеллектуалов.

Бразильский классик Эуклидэс да Кунья начинал свою карьеру в армии. Но, пожалуй, наиболее яркий бразильский интеллектуал в погонах – Нельсон Вернек Содре.

Вернек Содре – фигура уникальная не только для Бразилии, но и, вероятно, для всей Латинской Америки²⁴⁹. Вернек Содре по-

²⁴⁸ О политизации армии см.: Domingos M. O militar e a civilização / M. Domingos // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 37 – 70.

²⁴⁹ Нельсон Вернек Содре – фигура и уникальная в контексте отечественной латиноамериканистики, точнее – восприятия в рамках официального советского дискурса и переводов его работ на русский язык. Работы Нельсона Вернека Содре цитировали почти все, кто занимался Бразилией – от литературоведов до экономистов, но реального переосмысления (точнее – осмысления) в СССР они не получили. Даже в весьма пространный Предисловии к советскому изданию книги Вернека Содре, посвященной «бразильской модели», речь идет не об авторе и его концепции, а излагается экономическая история Бразилии после военного переворота 1964 года. Почти все советские авторы ритуально констатировали, что

кинул Вооруженные Силы в чине генерала в 1962 году, хотя с 1938 года активно занимался исследовательской, научной и литературной деятельностью, став к 1960-м годам признанным в Бразилии и за ее пределами историком, социологом, политологом и литературоведом. К моменту ухода в отставку Вернек Содре – автор двадцати девяти книг и нескольких сотен статей, опубликованных на португальском и иностранных языках.

Вернек Содре интересовался широким спектром проблем – от политической истории до истории литературы²⁵⁰, от социологии до экономики²⁵¹. Среди его работ были исследования, в которых он пытался осмыслить политический и культурный опыт Бразилии. Именно на подобном дискурсе в творческом наследии Вернека Содре²⁵² мы и остановимся в настоящем разделе, сосредоточив внимание на одной из самых «современных» для своего времени книг, посвященных «бразильской модели» развития²⁵³.

Вернек Содре «близок к марксизму» (Тертерян И.А. Бразильский роман XX века / И.А. Тертерян. – М., 1965. – С. 13.) или является «историком, придерживающимся прогрессивных взглядов» (Петров А. Предисловие / А. Петров // Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре. – М., 1976. – С. 5). С другой стороны, в СССР вышло не так много переводов работ Вернека Содре, а его книга, о которой пойдет речь в настоящем разделе, была переведена с испанского издания (а не с оригинальной португальской версии) и вышла в сокращенном варианте. Вероятно, несмотря на всю прогрессивность Нельсона Вернека Содре было невозможно интегрировать в советский исследовательский дискурс.

²⁵⁰ См.: Nelson Werneck Sodré, *Historia da literatura brasileira* / Nelson Werneck Sodré. – Rio de Janeiro, 1960.

²⁵¹ Нельсон Вернек Содре – автор нескольких интересных исследований. См. работы, затрагивающие аспекты социальной, экономической и политической истории Бразилии: Nelson Werneck Sodré, *Formação Histórica do Brasil* / Nelson Werneck Sodré. – Rio de Janeiro, 1962; Nelson Werneck Sodré, *Introdução à Revolução Brasileira* / Nelson Werneck Sodré. – Rio de Janeiro, 1958; Nelson Werneck Sodré, *A História da Burguesia Brasileira* / Nelson Werneck Sodré. – Rio de Janeiro, 1964; Nelson Werneck Sodré, *Capitalismo e revolução burguesa no Brasil* / Nelson Werneck Sodré. – Rio de Janeiro, 1990.

²⁵² О Нельсоне Вернеке Содре см.: Ornelas Berriel C.E. *Literatura e nação em Nelson Werneck Sodré* / C.E. Ornelas Berriel // Nelson Werneck Sodré. *Entre o sabre e a pena*. – São Paulo, 2005. – P. 287 – 294; Ribeira de Cunha P. *Nelson Werneck Sodré, os militares e a questão democrática* / P. Ribeira de Cunha // Nelson Werneck Sodré *o sabre e a pena*. – São Paulo, 2005. – P. 85 – 102; Nelson Werneck Sodré: *Tudo e política: 50 anos do pensamento de Nelson Werneck Sodré em textos inéditos e censurados* / ed. Ivan Alves Filho. – Rio de Janeiro, 1998.

²⁵³ Впервые книга Нельсона Вернека Содре, о которой идет речь в настоящем разделе, вышла на испанском языке в Аргентине, в Буэнос-Айресе, в 1973 году. См.: Nelson Werneck Sodré, *Brasil. Radiografia de un modelo* / Nelson Werneck Sodré. – Buenos Aires, 1973. Три года спустя вышел русский перевод см.: Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре. – М., 1976.

Обратимся непосредственно к тексту.

Значительное внимание Нельсон Вернек Содре уделял проблемам традиционного общества, как не только предшественника общества современного, но и исторического, идентичностного и социально-культурного противника самой модернизации. Вернек Содре полагал, что традиционные отношения на территорию Южной Америки, в том числе и Бразилии, были принесены европейцами, в данном случае – португальцами. Комментируя ранние этапы истории Бразилии, Нельсон Вернек Содре писал, что «...история знает много форм господства одних наций над другими, так же как и различных форм господства одних социальных классов над другими... одна из этих форм, которую испытала на себе Америка, известна под именем *колонизации*...она возникла из торговой экспансии, которая означала упадок феодализма...»²⁵⁴.

Сама колонизация Бразилии представителями португальской аристократии, которая была носителем феодальных отношений, была своеобразной экстренной реанимацией традиционного общества, которое к тому времени в Европе под ударами Реформации, религиозных войн и развитием капитализма проявляло меньше признаков жизни, чем в Южной Америке, где традиционные отношения не столкнулись с такими опасными вызовами (типа Реформации и протестантской трудовой этики), а, наоборот, встретились с еще более традиционными (вероятно даже – архаичными) обществами. Колонизация части Южной Америки, появление Бразилии в качестве колонии давало Португалии редкий шанс стать одним из лидеров европейской модернизации того времени, которым она однако не воспользовалась.

Комментируя неудачу несостоявшейся, но все-таки возможной, португальской модернизации, Нельсон Вернек Содре писал, что «...история знает страны, которые играли видную роль в мировой торговле и таким образом накапливали значительный для того времени капитал... но это не обеспечивало им необходимых условий для перехода к капитализму... хотя они играли роль

²⁵⁴ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре. – М., 1976. – С. 35.

авангарда... которую они утратили по причине того, что не последовала капиталистическая фаза...»²⁵⁵.

Это вело к тому, что постепенно Португалия становилась не просто географической, но и социальной, а так же экономической, периферией Европы. Подобное понижение статуса метрополии не могло не отразиться и на самой колонии, которая получает возможности развития исключительно как «вспомогательный зависимый район»²⁵⁶, периферийный статус которого стимулировался и преобладанием традиционных отношений.

В такой ситуации Португалия и тогда еще ее колония Бразилия стали классическими для того времени примерами несостоявшегося государства: «...доходы, получаемые короной, в связи с тем, что их источником было не производство в самом королевстве шли, как правило, за границу... перевод этих прибылей лишил Португалию ее выдающегося места на мировой арене...»²⁵⁷. Неудача этой ранней модернизации прела к ответной реакции, которая выразилась в росте традиционализма, своеобразном возрождении традиционного общества, перенесении традиционных отношений из метрополии в колонию, что оказало существенное влияние на развитие новых идентичностей. Неудивительно, что такие идентичности развивались в сугубо традиционном (или даже – традиционалистском) дискурсе.

Сферой доминирования и безраздельного господства традиционных отношений была аграрная периферия, о чем активно писал не только Нельсон Вернек Содре, но и некоторые другие авторы. Цельсу Фуртаду, в частности, подчеркивал, что в Бразилия была, вероятно, единственной страной в Южной Америке, которая была создана «торговым капиталом в виде сельскохозяйственного предприятия»²⁵⁸. Бразилия, местная социальная структура, привнесенная европейцами развивалась как продолжение тех традиционных институтов и отношений, которые существовали на территории европейской периферии: «...в Бразилии была установлена система колониальной эксплуатации в форме сель-

²⁵⁵ Nelson Werneck Sodré, *Formação histórica do Brasil* / Nelson Werneck Sodre. – São Paulo, 1971. – P. 26.

²⁵⁶ Nelson Werneck Sodré, *Formação histórica do Brasil*. – P. 77.

²⁵⁷ Nelson Werneck Sodré, *Formação histórica do Brasil*. – P. 30.

²⁵⁸ Fortado C. *Análise do modelo Brasileiro* / C/ Fortado. – Rio de Janeiro, 1972. – P. 93.

скохозяйственного предприятия огромных масштабов, базирующегося на рабстве в латифундиях...колониальное общество... делилось на два класса – класс рабов и класс господ...»²⁵⁹.

Крупное хозяйство, основанное на рабовладении и доминировании в его недрах традиционных отношений, стало той сферой, где развивались различные идентичности, связанные с разными, иногда диаметрально противоположными, социальными бэк-граундами. Анализируя развитие Бразилии в прошлые века, Вернек Содре вынужденно констатировал, что развитие континентальной Европы и Северной Америки, с одной стороны, и Бразилии как составной части Южной (и в более широком смысле – Латинской) Америки шло совершенно различными путями: «...на начальной стадии колонизации внутреннего рынка не существовало... для колониальной экономики было характерно отсутствие или недостаточное развитие внутреннего рынка...»²⁶⁰.

Развитие рабства в Бразилии привело к формированию не просто новых смешанных расовых типов, оно существенно повлияло на развитие идентичностей и политических культур отдельных групп бразильского общества, которое исторически, почти с самого начала своего существования, не знало внутреннего единства, а развивалось как дефрагментированное общество, в социальной структуре и динамике которого сосуществовали, сочетались и развивались различные культурные и идентичностные дискурсы.

Вернек Содре полагал, что традиционные отношения в Бразилии были настолько устойчивы, что сохранялись на протяжении длительного времени, претерпевая незначительные изменения, что, в частности, выразилось в смене колониальной экономики зависимой²⁶¹. Под зависимой экономикой Нельсон Вернек Содре понимал «...такую экономику, в которой произошли качественные изменения, достаточные для того, чтобы уже не считать

²⁵⁹ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». – С. 38 – 39.

²⁶⁰ Там же. – С. 36.

²⁶¹ О концептуальных и теоретических основах наследия бразильского историка см.: Weinstein B. *Brazilian Historiography beyond the Cultural turn* / B. Weinstein // *Latin American History and Historiography* / ed. J.C. Moya. – Oxford, 2006; Ducatti I. Nelson Werneck Sodré, *Historiador* / I. Ducatti // *FRHEC*. – 2007. – Vol. 4. – No 1; Almeida Gomes Vianna M. Nelson Werneck Sodré: “subvertemos a história oficial” / M. Almeida Gomes Vianna // *NR*. – 2004. – No 42. – P. 63 – 66.

ее колониальной...»²⁶². Модернизационный эффект от таких изменений для Бразилии был крайне незначительным и не мог привести к радикальным переменам.

Самыми важными, по мнению Вернека Содре, результатами от подобной модернизации для Бразилии стала постепенная политизация все еще колониального дискурса. Это выразилось в возникновении движений, которые в качестве своей основной цели декларировали достижение независимости. Вернек Содре, анализируя истоки бразильской независимости, полагал, что это движение было детерминировано не только политически, но и классово: «...характер движения за независимость определяется тем, какой класс руководит им... содержание любого политического процесса зависит от того... какой класс осуществляет руководство этим процессом... и от состава сил, которые его завершают...»²⁶³.

Комментируя эту проблему, Вернек Содре указывал на то, что по причине устойчивости традиционных отношений в Бразилии движение за независимость не переросло в буржуазную революцию: «...участие буржуазии в освободительном движении, ее включение в это движение вовсе не означает того, что процесс завоевания независимости является буржуазной революцией...»²⁶⁴. Значительная роль традиции, сосуществование различных культурных традиций в рамках казалось бы единого бразильского дискурса (который не осознал себя в качестве такового, оставаясь «в точном смысле этого слова колониальной областью»²⁶⁵) оказала существенное влияние и на процесс постепенного втягивания различных социальных групп с их идентичностями в политику.

Политизация (к комплексу с участием представителей различных социальных классов, слабо пересекающихся, но за которыми стоят мощные культурные и идентичностные бэк-граунды) означала не просто появление неконтролируемых политических движений, но и постепенную радикализацию тех движений, которые ранее хотя и были оппозиционными, но оставались мар-

²⁶² Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». – С. 45.

²⁶³ Там же. – С. 48.

²⁶⁴ Nelson Werneck Sodré, *Formação histórica do Brasil*. – P. 180.

²⁶⁵ Nelson Werneck Sodré, *Formação histórica do Brasil*. – P. 181.

гинальными и внесистемными в силу устойчивости всей системы традиционных отношений. Эта устойчивость в максимальной степени проявилась и после того, когда Бразилия стала независимым государством. Анализируя раннюю историю независимой Бразилии, Нельсон Вернек Содре акцентировал внимание на двух факторах.

Во-первых, «...становление государственности было трудным процессом... правящий класс приложил максимальные усилия, чтобы исключить из участия в нем те слои, которые участвовали в борьбе...»²⁶⁶. Независимость, таким образом, усилила процесс социальной, культурной и идентичностной дефрагментации общества, что привело к усилению и большей консолидации политических элит, которые формировались, основываясь на идее недопущения к участию в политических процессах тех слоев населения и тех социальных групп, участие которых и обеспечило достижение независимости.

Во-вторых, подобная тактика политических элит стимулировала не просто сохранение традиционных отношений, но благоприятно влияло на внесистемное, точнее – антисистемное, поведение масс, которые, будучи лишенными возможности официально на государственном уровне выражать свои интересы, принимали участие в «волнениях, восстаниях и других страшных политических коллизиях»²⁶⁷. Такая политика элит и ответная реакция масс вовсе не способствовали возникновению в Бразилии благоприятных условий для модернизации.

В результате независимость не привела к умиранию традиционного общества в португальской Южной Америке – она сделала его лишь независимым от Португалии. В связи с этим Нельсон Вернек Содре писал, что «...господствующий класс Бразилии добился независимости с минимумом внутренних изменений, в стране сохранилась унаследованная от прошлого колониальная структура...»²⁶⁸.

Нельсон Вернек Содре полагал, что реальные условия для проведения в стране модернизации возникли относительно поздно, только в XX веке и были связаны с революцией 1930 года и

²⁶⁶ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ... – С. 50.

²⁶⁷ Там же. – С. 50.

²⁶⁸ Там же. – С. 50.

приходом к власти Жетулиу Варгаса. Несмотря на свертывание демократических свобод, авторитарная модель модернизации в Бразилии дала первые результаты, которые выразились в возникновении экономической инфраструктуры и создании условий для постепенной трансформации экономики в индустриальную²⁶⁹.

Именно благодаря модернизации, осуществляемой как авторитарными, так и демократическими методами, резко изменилась структура бразильской экономики, что выразилось в сокращении роли традиционных отраслей, а так же в появлении и формированном развитии новых направлений²⁷⁰. Примечательно, что именно подобная политическая модель, основанная на относительно активном участии государства в экономике как стимулирующего фактора в деле создания новых отраслей в промышленности, оказалось очень устойчивой. От нее не отказались и организаторы военного переворота 1964 года, которые фактически продолжили политику свергнутого Жоау Гуларта, существенно расширив государственный сектор²⁷¹.

Подобная политика, по мнению Вернека Содре, была модернизационной, представляя собой «внесение с помощью акта насилия изменений, которые означали разрушение традиционных норм»²⁷². С другой стороны, Нельсон Вернек Содре весьма скептически относился к возможностям той политической стратегии модернизации, которую выбрал военный режим. Критикуя политику военного режима, Вернек Содре весьма активно использовал левую фразеологию, указывая, в частности, на то, что «успех модернизации является исключительно внешним, отвечающим интересам империализма»²⁷³.

Кроме этого Нельсон Вернек Содре полагал, что ошибка военного режима состояла в попытке последовательной институционализации: «...диктатура не была преходящим, временным явлением: ее установили для того, чтобы сделать долгой и увековечить... она отличается от предшествующих диктатур, от политических процессов прошлого, когда перевороты следовали один

²⁶⁹ Там же. – С. 100.

²⁷⁰ Там же. – С. 101.

²⁷¹ Там же. – С. 142.

²⁷² Там же. – С. 245.

²⁷³ Там же. – С. 246.

за другим, а диктаторские формы правления навязывались временно...»²⁷⁴. Вернек Содре, вероятно, представлял оппозиционный дискурс в развитии военной интеллектуальной традиции в Бразилии. Вот почему он придерживался точки зрения, что вмешательство армии должно было быть ограниченным, а не выливаться в создание нового политического режима.

Подведем некоторые итоги этого раздела, посвященного рефлексии военного интеллектуала относительно проблем бразильской модернизации.

Определить место Нельсона Вернека Содре в интеллектуальном пространстве Бразилии не так просто, как может показаться на первый взгляд. В его тексте немало левой риторики и социально ориентированных нарративов. Он успешно овладел и использовал тот научный стиль, который позволял ему в Советском Союзе выглядеть прогрессивным автором. Но это вовсе не означает, что Нельсон Вернек Содре принадлежал к исключительно левому политическому дискурсу в Бразилии.

Мы можем констатировать, что левые идеи оказались в Бразилии 1960-х годов относительно востребованными, что свидетельствует об их некоторой популярности, с одной стороны, и постепенной радикализации некоторых представителей старшего поколения в Вооруженных Силах, с другой. Военный дискурс в Бразилии того времени, подобно интеллектуальному и культурному дискурсу в целом, оказался расколотым и в значительной степени дефрагментированным. Интеллектуалы в погонах могли уверенно транслировать и популяризировать левые идеи, подобно их гражданским коллегам, которые делали это используя университетскую кафедру и специализированную научную периодику.

В лице Нельсона Вернека Содре произошло смыкание левого университетско-академического и военного дискурсов. Несмотря на свою принадлежность к Вооруженным Силам, Вернек Содре стал признанным ученым, известным интеллектуалом. Но тогда чем мы можем объяснить столь критичное отношение Вернека Содре, как военного, к режиму, который установила армия, совершив государственный переворот в 1964 году?

²⁷⁴ Там же. – С. 246.

Попытка свести все к принадлежности Нельсона Вернека Содре к левому политическому дискурсу будет значительным упрощением. Критика, которую мы находим в исследованиях Вернека Содре, это не внесистемный протест коммуниста-маргинала. Не следует путать генерала Нельсона Вернека Содре с маргиналом и террористом Карлосом Маригеллой. Вероятно, оппозиционность Нельсона Вернека Содре имела совершенно другой, отличный от политического, бэк-граунд. Оппозиционность имела иные интеллектуальные основания.

К середине 1960-х годов наметился интеллектуальный раскол в бразильской армии. Военный переворот 1964 года только подчеркнул его глубину. Представители старой военной элиты, военные-интеллектуалы, среди которых был и Нельсон Вернек Содре, не были допущены к управлению страной. Вместо них военный режим сделал ставку на лояльную часть Вооруженных Сил и на гражданских интеллектуалов-технократов.

С другой стороны, рефлексия, представленная в работах Нельсона Вернека Содре, стала неотъемлемой частью бразильской интеллектуальной истории. Тексты Вернека Содре стали своеобразными интеллектуальными конструктами, призванными стать основанием для развития идентичностных проектов, в первую очередь – оппозиционных.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ *FEMINA*: РАДИКАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРА И ЛЕВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ²⁷⁵

В разделе, посвященном некоторым проблемам творчества Машаду дэ Ассиза автор констатировал, что модернизм в формировании и развитии национализма играет не менее важную роль, чем романтизм²⁷⁶. Если романтизм способствует идеализации прошлого, являясь одним из важнейших стимулов в развитии национального воображения, то модернизм ознаменовал собой своеобразный идентичностный переворот, внося радикальные изменения и новации в развитие идентичности в Бразилии и в новые, постоянно появляющиеся, идентичностные проекты, представленные в литературных текстах.

Автор уже неоднократно констатировал, что важнейшее значение модернизма в развитии национализма состоит в том, что модернизм изменил саму сущность дискурса идентичности.

Романтический бэк-граунд был, скорее всего, протонациональным, а не национальным, что было связано с четким соотношением романтизма и «высокой культуры». Такие романтические идентичностные проекты редко выходили за пределы интеллектуального сообщества. Модернизм, наоборот, было более понятным и, вероятно, привлекательным для носителей «низкой» народной культуры. Модернизм постепенно разрушил сингулярные идентичности интеллектуального сообщества — идентичность стала серийным и массовым продуктом.

²⁷⁵ Название настоящего раздела навеяно книгой Тамары Гундоровой «*Femina Melancholica*. Пол и культура в гендерной утопии Ольги Кобылянской». См.: Гундорова Т. *Femina Melancholica*. Статья i культура в гендерній утопії Ольги Кобылянської / Т. Гундорова. — Київ, 2002.

²⁷⁶ В данном случае автор солидаризируется в бразильской интеллектуальной традицией, в которой эта связь неоднократно подчеркивалась. См. например: Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // RBCS. — 2005. — Vol. 20. — No 58. — P. 5 — 21; Zago Gonçalves L. O Lugar do Modernismo em Textos Críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / L. Zago Gonçalves // RPPC. — 2000. — No 1. — P. 149 — 164; Fokkema D. Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária / D. Fokkema. — Lisboa, 1983; Diogo A., Monteiro R.S. Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas. — Lisboa, 1993.

Начав разрушение традиционной культуры, модернизм привел и к чрезвычайному дроблению, дефрагментации идентичностного дискурса. За общим и единым модернистским бэк-граундом скрывались и развивались различные идентичности, связанные с разными политическими трендами – левыми и правыми²⁷⁷. В такой ситуации модернизм привел к значительной политизации интеллектуального пространства. Литературные тексты обрели не просто идентичностный бэк-граунд, но и нашли идентичностно-политические, в том числе – и гендерные²⁷⁸, обоснования.

Поэтому, литературные тексты стали сферами развития не просто различных бразильских идентичностных проектов. Эти проекты могли быть левыми или правыми. С другой стороны в том же разделе, посвященном Машаду дэ Ассизу, автор констатировал, что модернистский тренд в литературе имел тенденции к превращению в тренд гендерно маркированный, гендерно ориентированный. В бразильской литературе постепенно возникал феминизм.

Бразильские писательницы не были лишены склонности к рефлексии над бразильской действительностью, за которой стояла их идентичность²⁷⁹. Примечательно, что это была, вероятно, идентичность двойственного плана – и гендерная, и политиче-

²⁷⁷ О сочетании политической и гендерной идентичности см.: Lopes D.H. Integralismo: uma das oportunidades de participação feminina no espaço público / D.H. Lopes // RICFFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2.

²⁷⁸ См.: Alves B.M. Ideologia e feminismo: a luta da mulher pelo voto no Brasil / B.M. Alves. – Petrópolis, 1980; Alves B.M., Pitangay J. A que é memismo / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982; Flores M. A política da beleza: nacionalismo, corpo e sexualidade no projeto de pardonização brasileira / M. Flores // DL. – 2000. – No 1. – P. 88 – 109; Pedro J.M. Mulheres Honestas e Mulheres Faladas: uma questão de classe / J.M. Pedro. – Florianópolis, 1998; Perrot M. Práticas de Memória Feminina / M. Perrot // RBH. – 1989. – Vol. 8. – No 18; Zimbrão da Silva T. Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira / T. Zimbrão da Silva // IREL. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100; Zimmermann T.R. Medeiros M.M. de, Biografia e Gênero: repensando o feminino / T.R. Zimmermann, M.M. de Medeiros // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 31 – 44.

²⁷⁹ О соотношении гендера и национализма доступна русская версия статьи Сильвии Уолби, содержащая критический обзор основных концепций. См.: Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 308 – 331. Англоязычная литература по этой теме достаточно обширна. См. например: Enloe C. Bananas, Beaches and Bases / C. Enloe. - L., 1989; Jayawardena K. Feminism and Nationalism in the Third World / K. Jayawardena. - L., 1986; Showalter E.A. A Literary of their Own: British Women Novelists from Bronte to Lessing / E.A. Showalter. – Princeton, 1977.

ская²⁸⁰. В данном случае автор склонен сформулировать несколько провокационный вопрос: к какой политической идентичности, левой или правой, склонялись бразильские писательницы. Не исключено, что к обществу, которое переживало процессы бурной модернизации (начиная с 1930-х годов), в обществе, склонном к политизации и увлечению крайними (в зависимости от политической ситуации – левыми или правыми) идеями – мощный феминистский дискурс в литературе совпал с влиятельным левым трендом в политической жизни.

Поэтому, «классический» портрет бразильской писательницы 1930 – 1950-х годов таков: феминистка, левая и радикально ориентированная²⁸¹. В этом разделе мы попытаемся рассмотреть подобный феминистский, левый и радикальный текст, обратившись к роману бразильской писательницы Марии Алисе Баррозу «Os Posseiros»²⁸², который впервые вышел в Рио-де-Жанейро в 1955 году и спустя пять лет, в 1960 году, в СССР под названием «В долине Серра-Алта».

Вероятно, роман был очень левым – иначе сложно объяснить столь быстрый его перевод и издание в Советском Союзе. В СССР в самой писательнице увидели прогрессивную, сочувствующую советскому государству, активистку. Роман был прочитан как роман о борьбе народных масс, то есть очень односторонне.

Вероятно, текст книги не так прост и однозначен, как стремилась доказать советская критика. Этот, с безусловно значительным социальным подтекстом, роман – роман о модернизации, точнее – о столкновении и конфронтации различных идентичностей и лояльностей – архаической традиционалистской и современной.

Обратимся непосредственно к тексту.

²⁸⁰ О сочетании гендерной и политической идентичности см. подробнее: Агеева В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. – Київ, 2003; Гундорова Т. *Femina Melancholica*. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.

²⁸¹ Мария Алисе Баррозу в бразильской интеллектуальной традиции имела своих предшественников. См.: *Duas modernistas esquecidas: Adalzir Bittencourt e Ercília Nogueira Cobra: visões do passado, previsões do futuro* / eds. S. Quinlan, R. Sharpe. – Rio de Janeiro, 1996; Raros M. *Ao Brasil dos meus sonhos: feminismo e modernismo na utopia de Adalzir Bittencourt* / M. Raros // EF. – 2002. – No 1. – P. 11 – 37.

²⁸² Maria Alice Barroso, *Os Posseiros* / Maria Alice Barroso. – Rio de Janeiro, 1955.

Роман начинается со своеобразной рефлексии относительно прошлого Бразилии: «...негр Фермину живет здесь со времен принцессы Изабеллы... и хорошо помнит, какими печальными были те места в далекие времена, когда хозяйничала маркиза де Серра-Алта... убитая горем маркиза – жених бросил ее в день венчания – безучастно смотрела на надвигающееся разорение...»²⁸³. Но если у Жозе дэ Аленкара перед нами славное и героическое прошлое, то для Марии Алисе Баррозу прошлое – это не более чем одна из страниц в истории угнетения народа господствующими классами. Такая история – это история упадка и разрушения.

Примечательно, что в данном контексте социальный нарратив явно сочетается с гендерным²⁸⁴, а мужчина выступает в качестве одного из стимулов к упадку, гибели традиционного и патриархального мира²⁸⁵. Отношения полов в Бразилии, описанной Марией Алисе Баррозу, имеют и расовый бэк-граунд. В процессе этих отношений происходит разрушение границ между сообществами. Поэтому, итальянский эмигрант²⁸⁶ отдает свою дочь за муж за негра-соседа. Но и повторяя в мыслях, что «эта белая женщина – моя»²⁸⁷, даже потомок рабов выступает в роли колонизатора. В таком традиционном обществе маскулинность доминирует над феминностью.

Но этот триумф имеет временный характер. Девочка, цвет кожи которой блее кожи отца, становится своеобразным реваншем покоренной белой женщины. В обществе, о котором идет речь в романе, доминируют, как правило, традиционные ценно-

²⁸³ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта / М.А. Баррозо / пер. с порт. В. Житков, Н. Тульчинская. – М., 1960. – С. 9 – 10.

²⁸⁴ См.: Ferreirara-Pinto Bailey A.C. O “Bildungsroman” Feminino: Quatro Exemplos Brasileiros / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey. – São Paulo, 1990; Ferreirara-Pinto Bailey A.C. Looking at the Margins from the Borderlands: Understanding Gender and Ethnicity in Brazilian Women’s Literature / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey // FUN. – 2003. – Vol. 23. – No 2. – P. 38 – 41; Ferreirara-Pinto Bailey A.C. Gender Discourse and Desire in Twentieth Century Brazilian Women’s Literature / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey. – West Laffayette, 2004.

²⁸⁵ О «маскулинности» в бразильской культуре см.: Badinter E. Sobre a identidade masculina / E. Badinter. – Rio de Janeiro, 1993.

²⁸⁶ Об итальянцах в бразильской интеллектуальной традиции см.: Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literatura brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. – 2007. – Vol. 1. – No 1.

²⁸⁷ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 14.

сти. Их доминирование проявляется, в частности, в абсолютизации негром фигуры местного фазендейро, на земле которого он работал. Именно фазенда белого полковника была для негра центром всех социальных отношений, регулятором социальной жизни, местным социальным ориентиром и доминирующим социальным институтом: «...правительство?! В Баие правительством для него был полковник Феррейра, всемогущий сеньор, от которого завесили судьбы многих людей, ему никогда в голову не приходило, что над полковником Феррейрой может стоять еще кто-то более могущественный...»²⁸⁸.

В такой ситуации для него оказывается откровением, что социальные отношения гораздо сложнее, чем он представлял²⁸⁹. В его социальном мире было место для себя, белого бывшего господина, но среди этих двух социальных ориентиров и приоритетов не было место для правительства. Но и сами негры, самовольно захватившие земли, не проявляют никакого желания подчиняться правительству в силу того, что не чувствуют его своим: «...мы не можем рассчитывать на правосудие белых. Никто из них не признает правым сброд из неграмотных негров... если мы хотим остаться хозяевами своей земли, мы должны защищать ее любой ценой...»²⁹⁰.

Мулаты словно сознательно принижают себя перед белыми: «мы простые неграмотные люди и не умеем красиво говорить»²⁹¹. Они словно бессознательно выставляют себя за пределы политического дискурса, добровольно обрекая на маргинализацию. Маргинализация, вероятно, была сознательным выбором и это решение освобождала их от обязанности находится в правовом поле. Хотя, вероятно, они не имели и малейшего представления о законах, полагаясь на традиции. Роман Марии Алисе Баррозу – это роман о традиционном обществе. Одно из местных локальных сообществ в силу своей архаичности не в силах справиться с засухой.

²⁸⁸ Там же. – С. 21.

²⁸⁹ Комментируя особенности традиционного сознания и характерного для него восприятия действительности, Л. Леви-Брюль писал, что для носителей традиционных идентичностей «пространство в их воображении абсолютно и гомогенно» – Levy-Bruhl L. *Primitive Mentality* / L. Levy-Bruhl. – Boston, 1966. – P. 59.

²⁹⁰ Баррозу М.А. В долине Серра-Алта. – С. 106.

²⁹¹ Там же. – С. 306.

Какова реакция традиционного сообщества?

Его несогласие с внезапным природным катаклизмом выливается в религиозный всплеск, религиозную истерию: «...потянулись длинные процессии верующих с камнями на головах: они смиренно несли свои покаяния Господу Богу... священники призывали молиться, давать обеты и просить у Бога дождя...»²⁹². Но, используя исключительно религиозность, которая обладала немалой мобилизующей силой, бразильские крестьяне не в состоянии решить своих проблем.

Именно эта неспособность справиться с ситуацией и стала основным фактором, который способствовал началу стихийного захвата новых земель. Заброшенные земли, о которых идет речь в романе, стали объектом вождения маргиналов, тех, кто невольно или сознательно порвал со своим сообществом. Но и в такой ситуации они оставались носителями почти исключительно традиционной культуры, они могли только «ухаживать за землей и любить ее»²⁹³. Вот почему, однажды ночью один из героев романа негр Фирмину встречает другого негра, который «ни с чем не считаясь, обосновался на полоске земли между Белыми и Черными холмами»²⁹⁴.

Такие бразильцы – носители традиционной культуры, приверженцы рурализма. Город – ментально далекий, почти не интересующий их объект: «...он редко бывал в городе... вся его жизнь, все его помыслы сосредоточились на этой земле, завоеванной тяжким трудом...»²⁹⁵. Идентичность героев романа связана с землей и, поэтому, решение правительства о продаже земли, которую они давно привыкли считать своей, иностранцу вызывает гнев и возмущение со стороны носителей традиционной культуры. Герои книги не имеют бразильской идентичности, их идеи и самые общие представления о том, что такое Бразилия крайне скудны и незначительны.

Их интересует только земля, ближайшая округа, их интересы редко пересекают границы известного им мира: «...он чувствовал

²⁹² Там же. – С. 15 – 16.

²⁹³ Там же. – С. 10.

²⁹⁴ Там же. – С. 10.

²⁹⁵ Там же. – С. 11.

эту землю своей, сросся с ней неразрывными узами...».²⁹⁶ Значительная тяга к земле отразилась, что среди значительной части населения Бразилии того времени доминировали традиционные и архаичные представления. Эта стихийная колонизация, которая постепенно выливалась в отрицании государства, постепенно институционализировалась во внесистемное и протестное движение, за которым стояли свои идентичности.

Выражением протеста становится появление среди стихийных колонистов новой женщины: ее уже не устраивают традиционные гендерные роли, она уже не смотрит на мир как изначальную систему подчинения одних и доминирования других. Для нее мир, в котором «чтобы избавиться от повседневной монотонности нищей жизни, какая-нибудь из дочерей становится проституткой, а сын – вором или убийцей»²⁹⁷ не является нормальным. Это ведет к тому, что стихийный протест носителя народной культуры обретает социальный бэк-граунд.

Носителям этого протеста становится женщина, но и в этом случае она вынуждена играть второстепенную роль («...Антонио сказал все, о чем она думала, но не могла выразить словами... конечно, Антонио – мужчина, он ученый, должно быть, учился в университете, а она... неграмотная девушка...»²⁹⁸), признавая свою подчиненность и неполноценность относительно мужчины, считая свое положение почти естественным («...но Антонио, наверное, посмеется над нею, неграмотной крестьянкой... она и говорить совсем не умеет...»²⁹⁹), что было вызвано условиями социализации, которая протекала в обществе, где доминировали традиционные ценности.

²⁹⁶ Там же. – С. 39.

²⁹⁷ Там же. – С. 27.

²⁹⁸ Там же. – С. 142. В этом контексте мы имеем дело с начинающимся женским ревайвэлом, гендерно маркированным «ребелом». Примечательно, что восточно-европейские литературы, где модернизм возник почти одновременно с бразильской литературой, попытались ответить на эти вопросы раньше, но нередко делали это устами писателей-мужчин. В частности, одна из героинь Мыхайла Яцкива, Альва, протестую диктату со стороны родственников, говорит: «...прошу мені сказати, чи се може давати право родичам мучити мене своїми радами, увагами на кождім кроці, в'язати свободу і вбивати мою індивідуальність ...». Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 421.

²⁹⁹ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 143.

Но радикализация, имевшая вероятно и политический и культурный уровень³⁰⁰, безземельных негров, их столкновения с полицией, гибель родных и знакомых приводит к рождению новой женщины, которая осознает то, что «она рождена для того, чтобы бороться против угнетения с оружием в руках»³⁰¹ – она наравне с мужчинами участвует в нападении на поллюцию и, как они, самостоятельно принимает решения. Но постепенно этот стихийный протест подвергается популяризации и идеализации со стороны тех, кто сочувствовал тем, кто самовольно захватил землю.

Неслучайно, что в такой ситуации из города приезжает человек, представившийся как Антонио, который оказывается членом партии, «борющейся против полковников, полиции и правительства»³⁰². Социальное политически детерминированное и сознательно обусловленное недовольство постепенно обволакивает стихийный народный протест. В этой ситуации коммунист среди неграмотных крестьян выступает в роли мифотворца. Коммунист-мифотворец рисует им идиллическую картину жизни в СССР, где «...все счастливы: крестьяне работают на своей земле, свободные от эксплуатации полковников, под защитой правительства, которое дает им трактора, чтобы пахать землю...»³⁰³.

Но и этих городских радикалов, которые приехали в Серра-Алта, сама долина, ее обитатели и их проблемы интересуют в наименьшей степени: у них другие цели. Поэтому, коммунист Антонио рисует перед малопонимающими его неграми картину широкой социальной борьбы: «...товарищи, если нам удастся выстоять в нашей борьбе, то победим не только мы, но и все бразильские крестьяне... тысячи братьев поймут, что с несправедливостью можно бороться... правда и справедливость на нашей стороне, товарищи, нужно только бороться с верой в лучшее будущее...»³⁰⁴.

³⁰⁰ О радикализации см.: Candino A. Radicalismos / A. Candino // EA. – 1989. – Vol. 4. – No 8. – P. 4 – 18; Ridente M. O Fantasma da Revolução Brasileira: raízes sociais das esquerdas armadas 1964 – 1974 / M. Ridente. – São Paulo, 1994.

³⁰¹ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 232.

³⁰² Там же. – С. 140.

³⁰³ Там же. – С. 230.

³⁰⁴ Там же. – С. 141.

Для бразильских левых радикалов сопротивление носителей традиционной культуры жителей долины властям – только один из многочисленных эпизодов борьбы, которую они в состоянии интерпретировать исключительно в категориях классовой борьбы. Вероятно, заезжий городской коммунист и негры – случайные союзники. Одного интересует политическая борьба, других – земля. В этом контексте заметна дефрагментированность политического и культурного дискурса в Бразилии, представленного в то время носителями как традиционной, так и современной культуры.

Чем закончился такой конфликт культурой?

Крестьяне несколько месяцев обороняли долину, но правительственные войска постепенно вытеснили их, убив большую часть восставших, в том числе – и радикала коммуниста Антонио. Смерть городского коммуниста Антонио стала стимулом к еще большей радикализации жителей долины Серра-Алта, и, подобно его политическому завещанию, звучат слова Орланды: «...борьба еще не закончена, люди! Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает...»³⁰⁵. Вслед за периферией радикализации в такой ситуации подвергается и город.

Обезумевшая толпа штурмом берет тюрьму, на смену порядку воцаряется хаос: «...схватка охватила всю тюрьму и вовлекла людей, толпившихся на площади... царило смятение... казалось, что все сошли с ума...толпой овладела страсть к разрушению... разрушив все в помещении тюрьмы, народ вышел на улицу...»³⁰⁶. После этого бунта, который был подавлен полицией, казалось, что долина Серра-Алта успокоилась, вернулась к тому патриархальному состоянию подчинения и подавления, в котором и надлежит пребывать традиционному обществу.

³⁰⁵ Там же. – С. 337. Подобный тренд в романе, вероятно, свидетельствует о правоте предположения украинской исследовательницы Оксаны Забужко, которая полагает, что благодаря утверждению в любой национальной литературе модернизма на смену образу матери и связанным с ним материнским мифам приходит новый миф, олицетворением которого является «Мать-Отчизна с мечем» (Забужко О. Жінка-автор у колоніальній культурі, або Знадоба до української гендерної міфології / О. Забужко // Забужко О. Хроніки від Фортінбраса / О. Забужко. – Київ, 1999. – С. 160), которая в бразильском случае, в тексте Марии Алисе Баррозу, представлена мулаткой с винтовкой.

³⁰⁶ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 346 – 347.

Но появление коммуниста Антонио не осталось бесследным – среди местных жителей началась постепенная радикализация и письмо Орланды из тюрьмы, в котором она призывала «...объединить и повести наших братьев крестьян на борьбу, на борьбу за землю...»³⁰⁷ только усилило подобные радикальные тенденции. И поэтому роман заканчивается картиной широкого социального протестного и радикального движения, сторонники которого, словно политический лозунг, повторяют слова: «...будь проклят негр, будь проклят бедняк, который побоится взять в руки ружье, чтобы отомстить за несправедливость, которую терпели его отцы! Будь проклят! Будь проклят!...»³⁰⁸.

Политический и интеллектуальный ландшафт в Бразилии на момент появления романа Марии Алисе Баррозу отличался значительной степенью расколотости и дефрагментированности. Наряду с несомненными тенденциями к модернизации традиционные институты и отношения оставались не только стабильными и устойчивыми, но и успешно функционирующими. Сферой доминирования тенденций к модернизации был город, городская культура.

Традиционные ценности почти безраздельно доминировали на периферии. Традиционность нередко имела не просто культурный, интеллектуальный, социальный, но и гендерный бэк-граунд. На этом фоне проникновение модернизации на периферию неизбежно затрагивала и отношения между полами, разрушая архаичные гендерные роли, характерные для традиционного общества, и способствуя постепенному освобождению женщины, ее политизации, включению в дискурс не только традиции, но и дискурс политики, политического участия.

Возникали новые идентичности – политические, культурные, гендерные. Идентичностная дефрагментация политического поля

³⁰⁷ Там же. – С. 394. Вероятно, для модернизма на определенном его этапе образы «женщины» и «тюрьмы» оказались тесно связанными. В этом контексте возможна параллель с уже упомянутым выше М. Яцкивым, который писал, что «...як була я в Альпах, то стріляли ми з одним товаришем росіянином з маузера. Люблю аузерівські пістолі... Тоді зналася я лише з одним осьмаком, він сидить тепер в Росії в тюрмі. Засудили його на вісім літ... Се діялося перед кількома літами під час революційних розрухів. Я також, сиділа в тюрмі. Мій перший любчик був жид...». Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 452.

³⁰⁸ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 405.

сочеталась и с политической. Процесс активизации и рождения новой женщины в Бразилии совпал с появлением левого движения. В такой ситуации сложились предпосылки для постепенного сближения новой гендерной и новой левой идентичности. Это было результатом не просто политических изменений в Бразилии, не первыми успехами модернизационной политики, начатой в рамках авторитарной правоориентированной модели Жетулиу Варгаса. Подобные тенденции в развитии интеллектуального поля в Бразилии были связаны и с утверждением мощного модернистского течения в бразильской литературе.

Этот модернистский бэк-граунд достаточно быстро распался на различные тренды, среди которых был и левый. Роман Марии Алисе Баррозу принадлежит именно левому тренду. Роман стал сферой доминирования альтернативной, левой и радикальной идентичности. И в дальнейшем тенденция к дефрагментации интеллектуального поля в Бразилии доминировала, а сам культурный контекст развивался в сочетании правых и левых дискурсов.

ЛОЯЛЬНОСТЬ И ОППОЗИЦИОННОСТЬ : ДИСКУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БРАЗИЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

К началу 1950-х годов политический дискурс в Бразилии уверенно контролировали политические элиты, выступавшие за модернизацию сверху. И хотя среди представителей бразильской правящей элиты не было единого мнения относительно того, в рамках какого политического режима, авторитарного или демократического, возможно создание максимально необходимых условий для проведения политической модернизации, они сходились на том, что этот процесс требует не только значительных экономических ресурсов, но и политической консолидации.

Консолидация правящих элит в Бразилии стала возможной в виду ослабления двух вызовов, которые ставили под сомнение ту модернизационную политику, которую, начиная с 1930-х годов, проводил Ж. Варгас. Этими вызовами были крайне правый и крайне левый, за каждым из которых стояла своя политическая культура и идентичность. Если правый дискурс опирался на интегралистскую идею, бразильскую редакцию европейского континентального, в первую очередь – итальянского, фашизма, то второй, левый, дискурс, базировался на политическом максимализме левых радикалов. Интегрализм как политическая, но не интеллектуальная доктрина, дискредитировал себя после завершения второй мировой войны.

В Бразилии продолжали существовать интегралистские движения и организации, был жив Плиниу Салгаду, периодически выходила литература, которая развивала идеи интегрализма. В интеллектуальной жизни страны сохранилось заметное интегралистское течение, но присутствие на интеллектуальном поле не означало автоматического политического участия. Бразильский интегрализм, начиная со второй половины 1940-х годов, переживал период затяжного упадка и политической маргинализации. С

другой стороны, в Бразилии произошло ослабление и левого дискурса.

Политический левый дискурс в Бразилии окончательно распадается: выделяется социал-реформизм, сторонники которого не ставили под сомнение легитимность существующего политического режима и его право на проведение модернизационной политики. Бразильские правящие политические элиты и умеренно левые политики были втянуты в дискуссию, которая касалась не сути политической модернизации как таковой, а только ее отдельных аспектов. Наряду с умеренными политиками левой ориентации в Бразилии продолжали действовать и радикальные левые группы. Крайние левые, как и крайние правые, представляли заметное явление в интеллектуальной истории, формируя свою особую политическую идентичность и культуру. Реальная роль, которую могли играть крайние левые в Бразилии, постепенно сокращалась, что было связано не только с тем, что массы контролировали умеренные политики, но и тем, что модернизация, начатая Ж. Варгасом, начала давать свои результаты.

К началу 1950-х годов политический дискурс в Бразилии контролировали политические элиты, которые представляли собой выходцев из различных социальных групп и страт. Среди них были представители активно развивающихся предпринимательских кругов, представители крупной олигархии, представители штатов, интеллектуалы-гуманитарии и управленцы-технократы. Каждая из этих групп была связана с более или менее широкими массами, интересы которых они были вынуждены представлять. Кроме этого, и представители штатов, и представители олигархии, и выходцы из интеллектуального сообщества являлись носителями своих определенных политических культур.

Таким образом, за каждой из этих культур стояла и своя политическая идентичность. Эти политические элиты, которые, как мы видим, были гетерогенными, были интегрированы в разветвленную сеть вертикальных и горизонтальных связей, что выражалось в развитии отношений патроната и клиентелы³⁰⁹. Эта система со всей очевидностью проявилась в начале 1950-х годов, ко-

³⁰⁹ Подобная ситуация была характерна и для ряда других стран, например – Индонезии, где эта система известна как алиран.

гда среди бразильских элит и в рамках интеллектуального сообщества началась дискуссия относительно экономической основы политической модернизации. Участники этих дебатов полагали, что решающую роль в качестве своеобразного экономического бэк-граунда для политических реформ будет играть нефтяная промышленность.

Значительная часть умеренных левых политиков, интеллектуалов и офицерского корпуса выступали за лидирующую роль государства, создание государственной монополии и проведении модернизации в форсированном темпе по инициативе государства. Другая группа полагала, что государству следует играть меньшую роль. Например, генерал Жуарéz Тавора³¹⁰ считал необходимым сочетать некоторую роль государства как направляющего и координирующего фактора с активным проникновением иностранных корпораций. Свою позицию Жуарéz Тавора мотивировал особенностями развития бразильской экономики, которая, по его мнению, была слаба и не была готова к столь активной роли государства.

С другой стороны, сама политическая культура Бразилии и чрезвычайно раздробленный политический дискурс свидетельствовали скорее о правоте Ж. Таворы, чем его оппонентов, которые оказались более радикально настроены. Бразильские радикалы на том этапе группировались вокруг двух институтов, один из которых был официально институционализирован. Речь идет о Совете по защите нефти и национальной экономики. Вторая институция имела уже полуофициальный характер, пребывая на границе политического, интеллектуального и военного дискурсов. Этой институцией был Военный клуб Рио-де-Жанейро.

Участники Военного клуба стояли, как правило, на умеренных левых позициях, полагая, что коммунизм является важным вызовом и угрозой модернизационной политике. Они, в целом, сходились на необходимости «препятствовать распространению коммунизма в мире», полагая, что это следует делать не через военное противостояние и сдерживание, а именно через политическую и экономическую модернизацию. Иными словами, они счи-

³¹⁰ Tavora J. *Petróleo para o Brasil* / J. Tavora. – Rio de Janeiro, 1955; Tavora J. *Produção para o Brasil* / J. Tavora. – Rio de Janeiro, 1957.

тали необходимым выстроить такую систему, которая изначально способствовала бы маргинализации крайних левых³¹¹.

Именно в этой ситуации дефрагментированности и раздробленности бразильского политического дискурса прошли выборы президента Военного клуба – организации, которая хотя и существовала как узко корпоративная, но заявляла о своих политических амбициях. В результате президентом Военного клуба стал генерал Эстилак Леал, а вице-президентом Орта Барбоза. Таким образом, Вооруженные Силы продекларировали серьезность своих намерений и амбиций в корректировке политического дискурса. Армия, которого и до этого проявляла свои политические амбиции, заявила о том, что Вооруженным Силам тесно в рамках отведенного им дискурса внешней и внутренней обороны.

В начале 1950-х годов политические элиты в Бразилии начали активно использовать националистические лозунги. Например, генерал Эстилак Леал заявлял, что он является националистом, а его политическая позиция состоит в «защите национальных внешних и внутренних интересов»³¹². В 1950 году Военный клуб продекларировал, что военные организации должны перестать быть «увеселительными благотворительными обществами», но стать «организациями бдительного и активного класса готового защищать интересы... которые неотделимы от интересов нации и прогресса страны»³¹³. В начале 1950-х годов Вооруженные силы начинают более активно вмешиваться в политические процессы.

Военные теоретики продекларировали свою готовность «поддерживать политическую свободу, территориальную целостность, священное право самим определять свою судьбу, избирая путь, который лучше всего соответствует законным интересам нации»³¹⁴. Иными словами, бразильский генералитет заявил не просто о своих политических амбициях. В некоторой степени была поставлена под сомнение легитимность правящих политических элит. Армия продекларировала свою готовность более активно участвовать в определении границ и в функционировании

³¹¹ Revista do Clube Militar. – 1950. – No 104.

³¹² Revista do Clube Militar. – 1950. – No 107.

³¹³ Revista do Clube Militar. – 1950. – No 107.

³¹⁴ Revista do Clube Militar. – 1950. – No 107.

политического дискурса. В полемике со своими политическими оппонентами военные начали активно использовать националистическую риторику.

Сторонники последовательного политического участия армии стремились доказать, что «победила решимость превратить защиту национальных интересов и богатств против иностранных монополий... возобладала решимость поддерживать единство Вооруженных Сил с народом в их священной миссии защиты демократических идеалов, уважения воли народа против антипатриотической деятельности сторонников государственных переворотов, которые маскируются стремлением защитить национальные интересы»³¹⁵.

В бразильском политическом дискурсе начала 1950-х годов доминировал политический национализм, который базировался на необходимости конструирования новой политической идентичности, которая могла бы стать гарантией проведения успешной политической модернизации. Проблемы модернизации оказались и в центре предвыборной борьбы накануне президентских выборов. В 1950 году сложились две политические группировки, за которыми стояли элиты, связанные с различными социальными группами. Первую группировку возглавлял генерал Эдуардо Гомес, за которым стояла частично армия и крупный бизнес.

Во главе второй группы оказался Ж. Варгас с трабальстской партией. Кроме этого он пользовался поддержкой со стороны части Вооруженных сил и бразильского бизнеса. В результате президентских выборов новым президентом Бразилии стал Ж. Варгас. Победа Варгаса привела к расколу в бразильском политическом дискурсе. Часть бразильского генералитета настаивала на активном вмешательстве и отстранении Варгаса от власти. С другой стороны, Военный клуб, который активно начал вмешиваться в политические процессы, выступил против военного переворота. Среди бразильского офицерского корпуса возобладала точка зрения, что следует «поддерживать и гарантировать политические институты и конституционную законность»³¹⁶.

³¹⁵ См. подробнее: Werneck Sodré N. *Memórias de um soldado* / N. Werneck Sodré. – Rio de Janeiro, 1967. – P. 311.

³¹⁶ *A Classe Operária*. – 1949. – March, 26.

В 1950 году бразильские политические элиты оказались неготовыми к перевороту, хотя за пять лет до этого они уже пошли на устранение Варгаса от власти. Президент Варгас в отличие от своего правления между двумя мировыми войнами стал более радикальным. Он, в частности, более активно, чем ранее, проводил политику, направленную на унификацию политического дискурса в Бразилии. Например, именно в рамках такой политики в Бразилии прошли судебные процессы над коммунистическими радикалами.

Иными словами, Варгас пытался застраховать свою модернизационную политику от левого вызова. С другой стороны, положение Варгаса было непрочным. Поэтому, он был вынужден искать компромисс с военными кругами. Варгас рекрутировал в состав бразильской политической элиты ряд высших военных чинов, среди которых были Гоис Монтейро (начальник Генерального штаба), Фиуза де Кастро (начальник штаба сухопутных войск), Агиналдо де Кастро (начальник военной канцелярии), Жуарэз Тавора (начальник Высшей военной школы), Ренато Гиллобел (главнокомандующий ВМФ). Примечательно, что именно они и были причастны к свержению Варгаса в октябре 1945 года.

Подобная кадровая политика Варгаса, вероятно, подчеркивает то, что пространство для политического маневра в значительной степени сузилось, и он уже был не в состоянии и не в силах действовать исключительно самостоятельно. Таким образом, Варгас оказался вынужденным соотносить свою политику с позициями политических элит. Варгас стремился интегрировать военных в официальный политический дискурс, преследуя две цели: с одной стороны, обезопасить режим от военного вызова, и, с другой, разрушить политическую оппозицию, расколов ее путем привлечения армии на свою сторону.

В рамках такой политики Варгас пытался интегрировать Вооруженные силы в идеологический дискурс, часто акцентируя внимание на том, что армия является одним из важных элементов, образующих политический режим в Бразилии. Например, в 1954 году Варгас констатировал, что «в период войны и мира Вооруженные Силы Бразилии всегда выполняли свою высокую миссию и гарантировали своей дисциплиной и трудом атмосферу спокойствия и стабильности, которая необходима для функцио-

нирования демократических институтов»³¹⁷. С другой стороны, Варгас испытывал влияние со стороны националистического движения, которое оперировало лозунгами политического национализма.

О «растущей волне национализма»³¹⁸, которая охватила Бразилию, писал, в частности, и Нелсон Вернек Содре. Но это движение уже утратило свое единство. В военных организациях произошел раскол. Против Эстилака Леала выступили Алсидес Этчегойен и Нелсон дэ Мело. Если Эстилак Леал выступал за активное политическое участие, то его оппоненты придерживались обратного мнения, полагая, что «деятельность Военного клуба не может быть использована отдельными группами в политических целях и не должна оказывать влияние на общественное мнение и конституционные власти... Военный клуб не должен стать центром беспорядков и агитации»³¹⁹.

В такой ситуации Вооруженные Силы в Бразилии оказались на грани политического раскола, в котором пресса обвинила сторонников националистического течения. В частности, про Эстилака Леала писали, что его деятельность не соответствует национальным интересам, а его позиция вообще «соответствует линии коммунизма»³²⁰. Параллельно политические элиты попытались обезопасить режим от левых вызовов. В рамках этой политики в 1952 году руководство Вооруженных Сил акцентировало внимание на том, что в Бразилии ведется «активная деятельность международного и антихристианского коммунизма», что свидетельствует о необходимости «постоянной бдительности против коммунистических действий»³²¹.

В этой ситуации Варгас полагал, что модернизационная политика, сторонником которой он являлся, испытывала опасность и со стороны внутренних политических вызовов, связанных с местными бразильскими радикалами. В январе 1952 года Варгас, например, констатировал, что «наши враги находятся не только

³¹⁷ Henriques A. Ascensão a queda de Getúlio Vargas / A. Henriques. – Rio de Janeiro, 1966. – Vol. 3. – P. 116.

³¹⁸ Werneck Sodré N. Memórias de um soldado. – P. 298.

³¹⁹ Diário de Notícias. – 1951. – November, 6.

³²⁰ Jornal do Brasil. – 1952. – April, 15.

³²¹ Congresso Nacional. Anais da Câmara dos deputados. 1952. – Rio de Janeiro, 1953. – Vol. VI (Sessões de 5 a 9 de maio). – P. 547.

за пределами страны, но и внутри нее»³²². В понимании политической элиты Бразилии того времени основная опасность исходила от коммунистического движения, что было вызвано отсутствием институционализации бразильского коммунизма, что вынуждало его сторонников действовать вне рамок существующего политического дискурса.

Тому, что бразильские коммунисты оказались вне правового поля, а их взгляды становились все более радикальными, способствовали репрессивные меры со стороны правительства Ж. Варгаса. Оппоненты президента, связанные с правящей политической элитой, указывали, что подобные меры не защищают страну от опасности коммунизма, а, наоборот, способствуют его укреплению. Например, один из лидеров национальных демократов Рафаэл Коррейя де Оливейра писал, что «систематический террор Варгаса может привести к возникновению опасности коммунистического восстания»³²³. Однако основная опасность режиму Варгаса на данном этапе исходила не от левых, а от Вооруженных Сил.

В 1954 году в Бразилии разгорелся острейший политический кризис, в результате которого произошел военный переворот, свергнувший президента Варгаса. В советской исследовательской традиции военный переворот 1954 года интерпретировался в категориях вмешательства США во внутренние дела Бразилии. Например, в 1973 году Ю.А. Антонов писал, что «факты непосредственного участия империализма США в свержении правительства Варгаса несомненны... государственный переворот явился общей частью политики правящих кругов США, начавших новое наступление против национально-освободительного движения в Латинской Америке»³²⁴.

Вероятно, причины свержения Варгаса лежат в несколько иной плоскости. Варгас переоценил не только свои возможности, но и возможности бразильской политической системы и экономики в целом. Те модернизационные модели и ускоренные темпы

³²² Congresso Nacional. Anais da Câmara dos deputados. 1952. – Rio de Janeiro, 1953. – Vol. I (Convocação). – P. 73.

³²³ Diário de Notícias. – 1953. – January, 1.

³²⁴ Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика (исторический очерк) / Ю.А. Антонов. – М., 1973. – С. 144, 146.

модернизации, на которых настаивал Варгас и которые он в первой половине 1940-х годов попытался реализовать, для Бразилии того времени оказались непосильными. Политический модернист и экспериментатор Варгас вступил в конфликт с устоявшимися политическими культурами и идентичностями, которым противопоставил не слишком понятный и очевидный модернизационный проект. Именно поэтому, в 1954 году ведущие офицеры и генералы требовали добровольной отставки Варгаса.

Примечательно, что в 1954 году в рядах офицерского и генеральского корпуса бразильской армии не было единства относительно необходимости принудительного отстранения от власти президента Варгаса. Например, сторонник националистического течения Э. Леал указывал на то, что «долг солдат состоит в поддержании законного порядка и обеспечении сохранения общественных свобод, в оказании сопротивления любым попыткам совершения государственного переворота»³²⁵. 24 августа министр обороны Зенобио да Коста заявил о готовности Варгаса добровольно покинуть президентский пост, хотя консультации по этому вопросу продолжались, а сам Варгас не принял к тому времени окончательного решения.

Узнав об этом, президент понял, что политический дискурс Бразилии, с одной стороны, пребывает на грани раскола, а, с другой, армия готова выступить против него. В такой ситуации Варгас принял решение, которое в одинаковой степени было невыгодно и для него и для его противников. Армия, поставив под сомнение легитимность законно избранного президента, попыталась тем самым совершить попытку переворота, дабы принудить Варгаса передать власть Вооруженным силам, то есть придать новому режиму легитимный характер. Понимая, что это будет признанием собственного поражения, Жетулиу Варгас, легитимно избранный президент, застрелился. В результате в Бразилии начался затяжной политический кризис. В кризисе Варгас, в своей предсмертной записке, обвинил политическую оппозицию: «тайная кампания, которую развернули против моего правительства международные группировки в союзе с национальной реак-

³²⁵ Werneck Sodré N. *Memórias de um soldado*. – P. 445.

цией, мешала работе правительства»³²⁶. Варгас обвинял своих политических оппонентов в расколе политического дискурса, в отказе от националистических ценностей ради своих экономических интересов: «законопроект об ограничении прибылей не был принят... не был проведен пересмотр заработной платы»³²⁷. Характеризуя политическую направленность оппозиции, Варгас писал, что «она не хотела, чтобы трудящиеся жили свободно, не хотела, чтобы народ стал независимым»³²⁸.

Итак, самоубийство Варгаса ввергло страну в глубокий политический кризис. Его острота спала только после выборов в конгресс, прошедших в октябре 1954 года. Выборы в некоторой степени очертили границы нового политического дискурса в Бразилии, что было отмечено началом временного доминирования гражданских политиков. Эта гегемония светских националистов выразилась в том, что в президентских выборах принимали участие почти исключительно гражданские политики. С одной стороны, от национально-демократического союза, христианских демократов и правых социальных демократов на пост президента и вице-президента баллотировались Жуарэз Тавора и Милтон Кампос. Трабальисты и левые социальные демократы в качестве своих кандидатов выдвинули Жуселино Кубичека и Жоау Гуларта. Из них только Ж. Тавора был профессиональным военным. На самом выборе этих кандидатов отразилась специфика бразильского алирана. В то время, как Жуарэз Тавора и Милтон Кампос были потомками романоязычных европейских эмигрантов, то Жуселино Кубичек и Жоау Гуларт принадлежали к потомкам европейских эмигрантов, прибывших в Бразилию в конце XIX века – Кубичек имел чешские, а Гуларт – немецкие корни. Хотя в период выборов специфика их идентичности почти никакой роли не играла.

Жуселино Кубичек и Жоау Гуларт выступали как сторонники продолжения той модернизационной политики, которую проводил Варгас. Президентские выборы состоялись 3 октября 1955 года. По их итогам Ж. Кубичек и Ж. Гуларт получили 3077411 и

³²⁶ Zenha Machado F. Os ultimos dias do govêrno de Vargas (A Crise politica de agosto de 1954) / F. Zenha Machado. – Rio de Janeiro, 1955. – P. 129.

³²⁷ Zenha Machado F. Os ultimos dias do govêrno de Vargas. – P. 130.

³²⁸ Ibid. – P. 130.

3591409 голосов, а Ж. Тавора и М. Кампос – 2610462 и 3384739 голосов³²⁹. Эти результаты снова поставили относительно консолидированный политический дискурс в Бразилии на грань раскола. Адмирал Пена Бото выступил с обращением «К бразильским патриотам», где призывал не допустить занятия Ж. Кубичеком и Ж. Гулартом постов президента и вице-президента. Пена Бото³³⁰ поставил под сомнение итоги выборов, предположив, что Кубичек и Гуларт «победили при помощи коммунистов»³³¹.

Этот антикоммунистический нарратив широко и активно использовался правыми политиками, стремившимися доказать невозможность передачи власти Кубичеку и Гуларту. Например, Карлос Ласерда полагал, что «восстановление демократии» в Бразилии будет возможно не в случае реального прихода к власти победивших кандидатов, но в результате «установленной на определенный срок военной диктатуры, уважающей права и свободы»³³². В такой ситуации противники победивших кандидатов начинают подготовку государственного переворота. Первым их успехом было то, что они вынудили уйти в отставку военного министра, генерала Тешейра Лотта. Вторым их достижением было то, что военное министерство возглавил противник Кубичека генерал Алвара Фиуза дэ Кастро.

Генеральный штаб возглавил Адемар де Кейроз, который разделял позиции противников Кубичека. Однако, противники Кубичека не успели совершить государственный переворот: в ночь с 10 на 11 ноября 1955 года войска, верные генералу, Т. Лотту, окружили президентский дворец и правительственные здания в Рио-де-Жанейро. Генерал Лотт опубликовал заявление, где интерпретировал свои действия как «попытку наведения порядка»³³³. Во второй половине 1950-х годов в Бразилии происходит активная политизация Вооруженных Сил, которые начинают более активно и открыто принимать участие в политических про-

³²⁹ Статистические данные результатов выборов приведены по: Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика. – С. 153.

³³⁰ Пена Бото был последовательным правым политиком. О нем, в частности, писал Плиниу Солгадо, указывая, что «за последние годы в Бразилии против коммунизма открыто боролись лишь два человека – Пена Бото и я». См.: Solgado P. Livro verde de minha campanha / P. Solgado. – Rio de Janeiro, 1956. – P. 165.

³³¹ O Globo. – 1955. – October, 14.

³³² O Cruzeiro. – 1964. – March, 19.

³³³ Correio de Manhã. – 1955. – November, 11.

цессах. Действия армии в 1955 году показали, что военные являются силой, которая способна не просто принимать участие в политических процессах, но и направлять их.

Поэтому, на выборы 1960 года в качестве кандидата на пост президента выступил маршал Тешейра Лотт, который баллотировался с Жоау Гулартом, претендовавшим на пост вице-президента. Их оппонентом был губернатор штата Сан-Паулу Жаниу Куадрос, которого поддерживали национальные и христианские демократы. В результате выборов президентом стал Жаниу Куадрос, а вице-президентом – Жоау Гуларт. В проведении своей политики Куадрос опирался на сторонников ограниченной модернизации сверху. Его поддерживали консервативно настроенные генералы, выступавшие за ограниченную реставрацию тех методов политической модернизации, которые использовались в период правления Ж. Варгаса. Кроме этого Ж. Куадрос в значительной степени пересмотрел механизмы формирования политической элиты: был ограничен доступ к принятию и реализации политических решений со стороны нелояльной части офицерского корпуса, особенно – левоориентированных офицеров Вооруженных Сил.

В частности из армии были уволены 19 генералов и 60 офицеров ВВС, 12 адмиралов, 40 генералов и 20 офицеров сухопутных войск. С другой стороны, была существенно ограничена деятельность и главного политического неформального института Вооруженных Сил: семь из двенадцати директоров Военного клуба были переведены в отдаленные гарнизоны. Внешняя политика гражданско-военного режима президента Ж. Куадроса вызвала неоднозначную реакцию среди бразильского общества. Сторонники технократической модернизации в целом позитивно отнеслись к идее президента установить дипломатические отношения с Советским Союзом и Китаем, полагая, что сотрудничество с этими странами может позитивно отразиться в первую очередь на экономической и технологической модернизации.

Такие внешнеполитические инициативы привели к активизации правого политического дискурса в Бразилии, представленного противниками возможного сближения с государствами, где у власти пребывали недемократические режимы. Настроения этой части общества озвучил 24 августа 1961 года К. Ласерда,

заявив, что политика Куадроса «является антинациональной деятельностью»³³⁴, а сам он стремится «установить личную диктатуру»³³⁵. Под давлением со стороны активизировавшейся оппозиции 25 августа 1961 года Ж. Куадрос был вынужден уйти с поста президента. После этого правыми бразильскими политиками была предпринята попытка консолидировать новый политический режим вокруг группы правоориентированных офицеров во главе с маршалом О. Денизом.

На стороне Ж. Гуларта выступили бразильские регионалисты – губернатор штата Риу-Гранди-ду-Сул Леонел Бризолла привлек на свою сторону часть бразильского генералитета, что привело к тому, что правые не смогли окончательно подчинить политический дискурс и, поэтому, 7 сентября 1961 года полномочия президента были переданы Жоау Гуларту³³⁶. Приступив к исполнению обязанностей президента Жоау Гуларт столкнулся с тем, что его полномочия оказались сокращенными, что выразилось в увеличении прерогатив Конгресса и росте влияния на политические процессы со стороны Вооруженных Сил.

С одной стороны, наметились тенденции для большей политизации Вооруженных Сил. В частности, 16 января 1963 года в Сан-Паулу прошел митинг, в котором приняли участие низшие чины армии и солдаты. Во время проведения митинга Президент Социального центра О. Вернек констатировал рост роли армии в политических процессах, широко и активно используя социальную риторику: «мы перестали быть орудием богачей в преследовании трудового народа, который ведет борьбу за свои права... ушло то время, когда нас использовали только для разгона собраний и демонстраций»³³⁷. Сержант Филомено Перейра де Андради констатировал, что «настоящая власть в армии находится в руках

³³⁴ Lacerda C. Poder das idéias / C. Lacerda. – Rio de Janeiro, 1962. – P. 317.

³³⁵ Lacerda C. Poder das idéias. – P. 331.

³³⁶ В такой ситуации перед Ж. Гулартом стояла задача реставрации полномочий президента. Ослабление президентской власти существенно сказалось и на темпах политических модернизационных процессов, что выразилось в их замедлении. В январе 1963 года Ж. Гуларт инициировал проведение референдума, который привел к восстановлению полномочий президента в прежнем объеме. Увеличение функций президента сопровождалось и процессами значительной политической активизацией тех слоев бразильского общества, которые до этого играли незначительную роль.

³³⁷ Novos rumos. – 1963. – January, 25 – 31.

сержантов»³³⁸, что дало повод оппонентам президента заявить о «коммунистическом проникновении» в вооруженные силы³³⁹.

В мае 1963 года военные на митинге в штате Гуанабара приняли «Манифест к бразильскому народу», где декларировалось, что «участие унтер-офицеров, капралов и сержантов стало новым фактором в истории Бразилии». Кроме этого была озвучена и готовность поддержать политику модернизации, инициатором которой был действующий президент: «если политические реакционеры из меньшинства попытаются затормозить проведение реформ, то мы, сержанты и офицеры, как настоящие националисты... сами проведем реформы вместе с народом»³⁴⁰. Таким образом, в вооруженных силах начались процессы постепенного крена политических предпочтений в армии влево (генерал Пери Бевилакуа назвал это «растущим политическим влиянием профсоюзов и коммунистов в казармах»³⁴¹), что вело к ее радикализации, активному сочетанию идей политического гражданского национализма с идеями социального популизма. Все эти факторы свидетельствовали о том, что в бразильском трабальизме складывался новый радикальный политический дискурс.

С другой стороны усилились тенденции формирования и оппозиционного, правого, политического дискурса, что проявилось, в частности, в публикации в январе 1963 года воззвания «К славным Вооруженным Силам Бразилии»³⁴². В то время, как левый дискурс в Вооруженных силах был представлен рядовыми и низшими чинами, правый формировался за счет офицерского корпуса страны. Противники массового политического участия армии выступали за ограничение деятельности в среде Воору-

³³⁸ Novos rumos. – 1963. – January, 25 – 31.

³³⁹ Victor M. Cinco anos que abalaram o Brasil (de Jânio Quadros ao Marechal Castello Branco) / M. Victor. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 434.

³⁴⁰ Terra livre. – 1963. – Junho.

³⁴¹ Victor M. Cinco anos que abalaram o Brasil. – P. 434.

³⁴² В воззвании 1963 года, например, констатировалось, что правительство Ж. Гуларта проводит некомпетентную политику, ведущую к усилению левых политических группировок в условиях «подрывной деятельности посольства СССР». Кроме этого правоориентированные офицеры настаивали, что, благодаря ошибкам, допущенным Ж. Гулартом, в Бразилии возникла реальная «опасность подчинения страны международной тирании Советского Союза». (См.: A Revolução de 31 de Março. – Rio de Janeiro [n.d.]. – P. 5. После того, как Ж. Гуларт смог восстановить полномочия президента наметились тенденции консолидации оппозиционного политического дискурса).

женных Сил организаций связанных с гражданскими политическими партиями и движениями, в первую очередь – левой ориентации. В 1963 году институционализируется Военно-гражданский патриотический фронт. Основной политической целью фронта стало провозглашение в Бразилии «новой республики» в результате разрушения системы, основанной на «коррупции, продажности и коммунизме»³⁴³. Таким образом, правые не настаивали на отказе от модернизационной политики, выступая исключительно за ее корректировку. Как и левые, бразильские правые, сочетая социальные идеи с политическим национализмом, активно использовали лозунги популизма, настаивая на необходимости прихода в политику «большинства нации и армии»³⁴⁴ и создании политического режима, основанного на «единстве вооруженных сил и народа»³⁴⁵.

В 1964 году бразильские правые начали предпринимать реальные шаги, направленные на реализацию своих политических целей. В марте 1964 года начальник штаба сухопутных войск генерал Кастелу Бранку разослал по воинским частям циркуляр, где указывал о том, что задачей Вооруженных Сил является противодействие «антидемократическим подрывным действиям в интересах фашистской диктатуры и коммунистического синдикализма»³⁴⁶. 30 марта 1964 года генералы направили президенту Жоау Гуларту ультиматум, в котором требовали положить конец акциям протеста, угрожая в случае отказа взять на себя политические функции и ответственность по борьбе против установления в Бразилии «синдикалистско-коммунистической диктатуры»³⁴⁷.

31 марта 1964 года настроения в рядах армии стали еще более радикальными и генералы Олимпио Моурао Фильо и Карлос Луис Гедес, а так же маршал Одилио Дениз начали вооруженный мятеж в штате Минас-Жерайс. Лидеры армии подчеркивали, что действия войск направлены исключительно на «утверждение демократических принципов... на нейтрализацию деятельности

³⁴³ Oliveiros S. Ferreira. As forças armadas e o desafio da Revolução / Oliveiros S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964. – P. 138.

³⁴⁴ Oliveiros S. Ferreira. As forças armadas e o desafio da Revolução. – P. 140.

³⁴⁵ Oliveiros S. Ferreira. As forças armadas e o desafio da Revolução. – P. 142.

³⁴⁶ Glauco Carneiro. Historia das Revoluções brasileiras / Glauco Carneiro. – Rio de Janeiro, 1966. – Vol. 2. – P. 566.

³⁴⁷ Glauco Carneiro. Historia das Revoluções brasileiras. – P. 626.

коммунистов, которые проникли в некоторые правительственные структуры, в руководство профсоюзов с планами захвата власти»³⁴⁸. Военное движение постепенно превратилось в широкое движение социального и политического протеста, направленного против «коммунистов и профсоюзов за демократию и свободу»³⁴⁹.

В такой ситуации президент Жоау Гуларт был вынужден отказаться от власти, передав полномочия председателю палаты депутатов Р. Мадзилли. Таким образом, в 1964 году Вооруженные Силы подчинили политический дискурс в Бразилии, положив начало доминированию военно-гражданских правительств, которые, продолжая политику модернизации, внесли в ее проведение существенные коррективы.

³⁴⁸ Tavora A. Brasil, 1 de abril / A. Tavora. – Rio de Janeiro, 1964. – P. 125.

³⁴⁹ Moniz E. O Golpe de abril / E. Moniz. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 61.

«В ИНТЕРЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЧЕСТИ» : АВТОРИТАРИЗМ КАК БЭК-ГРАУНД РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В 1964 году Вооруженные Силы Бразилии не просто заявили о своей решимости и готовности оказывать влияние на политический дискурс, но и предприняли реальные шаги для того, чтобы поставить политический дискурс под реальный контроль армии. Гражданский президент Жоау Гуларт³⁵⁰ в значительной степени повторил судьбу отстраненного в середине 1940-х годов от власти Жетулиу Варгаса. Такая «преемственность» свидетельствовала о двух тенденциях в политической жизни Бразилии.

С одной стороны, та модернизационная модель, на которую опирались гражданские президенты и стоящие за ними политические элиты, отвечала интересам и политическим предпочтения не всего бразильского общества. С другой стороны, постоянное вмешательство в той или иной форме армии в политические процессы доказывало, что бразильский генералитет не был готов к тому, чтобы строго придерживаться границ того политического дискурса и пределов того политического участия, который очертили для него гражданские политические элиты.

Именно поэтому армия пошла на отстранение от власти президента Жоау Гуларта в ночь с 31 марта на 1 апреля 1964 года³⁵¹. Военный переворот 1964 года не привел к мгновенным и радикальным политическим изменениям. Вооруженные Силы, наоборот, подчеркивали внешнюю преемственность между новым режимом и правлением Ж. Гуларта. В частности были сохранены выборные политические институты, которые начали действовать

³⁵⁰ О Жоау Гуларте и его правлении см.: Bandeira M. O governo João Goulart e o golpe de 64 / M. Bandeira. – Rio de Janeiro, 1978; Moraes D. A esquerda e o golpe de 1964 / D. Moraes. – Rio de Janeiro, 1989; Toledo C.N. O governo Goulart / C.N. Toledo. – São Paulo, 1982; Chiavenato J.J. O golpe de 64 e a ditadura militar / J.J. Chiavenato. – São Paulo, 1994; D'Araujo M. Visões do golpe – a memória militar sobre 1964 / M. D'Araujo. – Rio de Janeiro, 1994.

³⁵¹ Об истоках переворота см.: Figueiredo A. Democracia ou reformas? Alternativas democráticas à crise política. 1961 – 1964 / A. Figueiredo. – Rio de Janeiro, 1993; Ianni O. O colapso do populismo no Brasil / O. Ianni. – Rio de Janeiro, 1968.

еще при Ж. Гуларте. Военный переворот 1964 года привел к значительным изменениям в расстановке политических сил, сохранив бразильский политический дискурс в расколотом и дефрагментированном состоянии.

Ответственность за переворот военные возложили на политику Жоау Гуларта, декларируя, что «виновниками тяжелого положения, в котором оказалась страна, являются продажные гражданские политики, которые допустили, что коммунисты оказались во главе народного движения»³⁵². Победа и институционализация в результате переворота военного режима ознаменовала собой не только сохранение приверженности нового режима к политике модернизации³⁵³, но означала и внесение существенных корректировок в проведение модернизационного курса.

В результате военного переворота в Бразилии начала доминировать умеренная линия, направленная на модернизацию сверху в условиях активного сотрудничества армии с интеллектуалами-технократами и использовании опыта западных демократий. Кроме этого военный переворот избавил политический дискурс в Бразилии от угроз как с крайнего правого, так и левого флангов. Бразильские правые политики были склонны солидаризироваться с действиями армии, в которой видели наилучшую гарантию от возможной левой угрозы. Что касается бразильских левых, то в результате переворота они искусственно были выведены за пределы политического дискурса, что лишило их возможности оказывать реальное влияние на политические процессы.

Стремясь придать большую легитимность произошедшим изменениям, армия не возражала против того, чтобы обязанности президента начал соблюдать председатель Палаты депутатов Р. Мадзилли. Таким образом, была соблюдена внешняя преемственность и легитимность при передаче власти. С другой стороны, Р. Мадзилли играл номинальную роль, так как реальная власть перешла Верховному революционному командованию, сформирова-

³⁵² Faust J.J. A Revolução devora seus presidentes / J.J. Faust. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 124.

³⁵³ О военных концепциях модернизационной политики см.: Golbery do Couto e Silva. Geopolítica do Brasil / Golbery do Couto e Silva. – Rio de Janeiro, 1967; Francisco Ferreira de Castro. Modernização e democracia (O desafio brasileiro) / Francisco Ferreira de Castro. – Rio de Janeiro, 1969.

рованному главнокомандующими тремя родами войск в бразильских Вооруженных Силах. В состав Командования вошли генерал Коста э Силва (сухопутные войска), вице-адмирал Аугусту Радемакер Грюневальд (ВМФ) и бригадный генерал Франсиску дэ Ассиз Корейя дэ Мело (ВВС).

Спустя немногим более недели Верховное революционное командование издает Институционный Акт, призванный окончательно узаконить военный переворот. В Институционном Акте, в частности, декларировалось: «победоносная революция узаконила сама себя в качестве учредительной власти... она не ограничена никакими предыдущими нормами... руководители революции, которая победила благодаря действиям Вооруженных Сил и поддержки нации... представляет интересы народа и от его имени осуществляет власть»³⁵⁴.

Таким образом, бразильская армия подчеркивала свою причастность к революционной политической традиции, активно оперируя революционной риторикой, сочетая их с приверженностью лозунгам политического национализма. С другой стороны, Институционный акт имел более далеко идущие последствия чем формирования позитивного политического имиджа нового военного режима. Важнейшим политическим результатом появления Акта было то, что Верховное революционное командование получила реальные основания для отмены Конституции и выстраивания нового политического режима не просто фактически, но и юридически.

Кроме этого военный режим пытался временно гарантировать себя от внутренних вызовов, ограничив права граждан в сфере обжалования действия военных властей. Подобные полномочия военные получили благодаря десятой статье Акта, в которой декларировалось, что «в интересах мира и национальной чести, без ограничений, которые предусмотрены в Конституции, главнокомандующие родами войск, подписавшие этот акт, в праве отменить политические права сроком до десяти лет и аннулировать мандаты членов федеральных и муниципальных зако-

³⁵⁴ Glauco Carneiro. *Historia das Revoluções brasileiras*. – P. 647.

нодательных органов в штатах... судебное расследование таких актов исключается»³⁵⁵.

После опубликования Акта со стороны режима последовал ряд мероприятий, которые привели к вмешательству государства в сферу политических и гражданских прав, что выразилось в ограниченных репрессиях против коммунистических радикалов. Кроме этого часть политических деятелей была лишена гражданских прав сроком на десять лет. Некоторые губернаторы, сенаторы и депутаты были вынуждены досрочно сложить свои полномочия. Наряду с реально опасными радикальными коммунистическими группировками были запрещены и некоторые умеренные демократические организации.

Издание Институционного Акта ознаменовало и изменения в сфере электоральных процедур: было отменено прямое избрание президента. Вместо этого учреждался новый порядок избрания главы государства большинством депутатов Национального Конгресса. Вооруженные Силы, инициировавшие появление Институционного Акта, фактически исключили из участия в борьбе за пост президента гражданских кандидатов. Кроме этого чистке были подвергнуты и сами Вооруженные Силы: армию покинули более трех тысяч офицеров, среди которых был 21 генерал и 12 адмиралов³⁵⁶. С другой стороны в рядах самой армии не было единства относительно того, кто именно должен возглавить страну.

В апреле 1964 года существовало три группировки, которые формировались вокруг трех генералов. Лидером первой группы был генерал Кастелу Бранку, который пользовался поддержкой большинства генералов, организовавших военный переворот. Вторую группу возглавил генерал А. Круэл, степень поддержки которого была несколько меньшей, чем степень поддержки Кастелу Бранку. Наибольший интерес представляет третья группа во главе с генералом Г. Дутрой. Во-первых, из всех трех Г. Дутра имел реальный политический опыт управления страной. Во-вторых, он пользовался значительной региональной поддержкой. В его пользу выступили губернаторы штатов Минас-Жерайс (Ма-

³⁵⁵ Glauco Carneiro. *Historia das Revoluções brasileiras*. – P. 648.

³⁵⁶ *Diário de Notícias*. – 1964. – October, 13,

гальяэш Пинто), Гуанабара (Карлос Ласерда), Сан-Паулу (Адемар дэ Баррос).

Тем не менее, 11 апреля 1964 года (к тому времени А. Крузэл и Г. Дутра отказались от участия в борьбе за президентский пост) Конгресс избрал президентом инициатора и вдохновителя военного переворота генерала Кастелу Бранку. Новый президент предпринял усилия для того, чтобы в глазах общества не выглядеть исключительно военным лидером. После избрания Кастелу Бранку был переведен в запас, получив звание маршала. Победа Кастелу Бранку вовсе не означала окончательной унификации политического дискурса в Бразилии.

Среди высших офицеров Вооруженных Сил сложилось два течения. Сторонники первого течения выступали за постепенную трансформацию «жесткого» военного режима в «мягкий», настаивая на необходимости интеграции в политический дискурс лидеров ряда политических партий и лояльно настроенных представителей интеллектуального сообщества. Лидером «мягкого» течения был сам Кастелу Бранку. Большинство его сторонников было связано с Высшей военной школой, которая среди военных была известна как «Сорбонна». Кастелу Бранку попытался изменить механизм рекрутирования и исключения из политической элиты, сделав ставку на неформальные связи, приобретенные в период активной военной службы. В частности в 1964 году по его инициативе были отправлены в отставку двадцать генералов, которые поддерживали Жоау Гуларта. Из отправленных в отставку только 25 % были участниками Бразильского экспедиционного корпуса в Европе, 50 % окончили Высшую военную школу и 20 % прошли военную подготовку в специализированных учебных заведениях США.

С другой стороны, из десяти генералов, которые активно поддерживали Кастелу Бранку шесть принимали участие в Бразильском экспедиционном корпусе, девять окончили Высшую военную школу и восемь прошли обучение в Соединенных Штатах³⁵⁷. Роль неформальных связей, которые формировались и закладывались в том числе и в период обучения в Высшей военной шко-

³⁵⁷ См.: Latin American Institutional Development: Changing Military Perspectives in Peru and Brazil. – Santa Monica, 1971.

ле, в организации и проведении государственного переворота 1964 года, не вызывает сомнения. Комментируя роль этого высшего военного учебного заведения Кастелу Бранку констатировал, что «и хотя Сорбонна не играла ведущей роли в осуществлении революции, но и в очень тяжелые времена, которые мы пережили, она была одним из важнейших факторов сохранения и развития национального самосознания»³⁵⁸.

Их оппоненты консолидировались вокруг Революционно-демократической Лиги, политическая программа и платформа которой базировалась на антикоммунистических ценностях. Второе течение, лидером которого был генерал Коста э Силва, полагало, что Кастелу Бранку установил мягкий политический режим. Коста э Силва настаивал на более активном участии армии в политической жизни Бразилии, полагая, что армия в праве, наряду с политическими партиями, принимать участие в политических процессах.

В связи с этим Коста э Силва писал, что «армия превратилась в мощную партию, на которую полагается правительство... с Кастелу Бранку или без него армия не допустит нового погружения страны в хаос, где священные и демократические ценности революции потерпят крах»³⁵⁹. Сторонники генерала усиленно культивировали антикоммунистический нарратив, настаивая, что «в войне против коммунизма выиграно только одно сражение, когда надо выиграть всю войну в виду того, что коммунистическая опасность все еще угрожает Бразилии»³⁶⁰.

В целом, большинство сторонников военного режима разделяли уверенность в том, что военный переворот был неизбежен, а его необходимость диктовалась «защитой западной цивилизации от опасности коммунизма»³⁶¹. Политический режим Кастелу Бранку активно и усиленно реформировал политическое пространство в Бразилии «под себя», широко используя лозунги политического национализма и правого революционаризма. Кроме этого, военный режим подверг корректировке и внешнеполити-

³⁵⁸ Faust J.J. A Revolução devora seus presidentes / J.J. Faust. – Rio de Janeiro, 1965. – P. 112.

³⁵⁹ Correio de Manhã. – 1965. – June, 3.

³⁶⁰ Jornal do Brasil. – 1965. – June, 21.

³⁶¹ Veja. – 1972. – February, 9.

ческий курс. Взяв за основу западную модель модернизации, правительство Кастелу Бранку активизировало сотрудничество с Соединенными Штатами, разорвав дипломатические отношения с Кубой, которая избрала модернизационную модель, основанную на советской помощи.

В рамках информационного дискурса военный режим стремился сформировать свой позитивный образ, а лояльно настроенные интеллектуалы полагали, что переворот был вызван острой политической необходимостью и был осуществлен ради «независимости, суверенитета, территориальной целостности, международного престижа, национального процветания, национальной интеграции, демократии, социального мира и сохранения моральных и духовных ценностей нации»³⁶².

В отличие от революционаризма левых радикалов, которые выступали за радикальную ломку существующих отношений и автоматическое копирование советской модели модернизации, военный режим оперировал совершенно иными ценностями, опираясь на предпринимательские слои, часть интеллектуального сообщества и Вооруженные Силы. Установленный в 1964 году военный режим не отличался значительной политической стабильностью, и первый политический кризис произошел осенью 1965 года. Кризис оказался связан с выборами губернаторов одиннадцати штатов. В двух штатах о желании принять участие в выборах заявили оппозиционно настроенные военные, среди которых был маршал Тейшейра Лотт.

Верховный федеральный суд отказался зарегистрировать его кандидатуру, но маршала поддержали отправленные в отставку маршал Освину Феррейра Алвес, генералы Жаир Дантас Рибейру, Кунья дэ Мелу, Крисанту Фигейреду. И хотя Т. Лотт отказался от участия в выборах, губернаторами штатов Гуанабара и Минас-Жерайс были избраны оппозиционные политики – Неграо дэ Лима и Израэл Пинеиру. Это привело к расколу среди сторонников военного режима. Представители «жесткой» линии потребовали отстранить от власти Кастелу Бранку. Подполковник Боавентура Кавалканти Жуниор заявил в печати о необходимости

³⁶² Revista do Clube Militar. – 1971. – Março. – P. 3.

проведения жесткой линии в отношении политической оппозиции³⁶³.

Кастелу Бранку попытался добиться от Конгресса санкций, чтобы не допустить Неграо дэ Лиму и Израэла Пинейру к исполнению их обязанностей. Но Конгресс отказался предоставить президенту такие санкции. В такой ситуации по приказу президента 20 октября 1965 года войска заняли здание Конгресса, прекратив тем самым его работу. Спустя семь дней, 27 октября 1965 года, Кастелу Бранку издает Второй Институционный Акт. Акт предусматривал сокращение полномочий представительных и судебных органов, введение в число судей Верховного федерального суда судей лояльных военному режиму.

В 1965 году военный режим предпринял более активные усилия по унификации политического дискурса. В частности были распущены и запрещены все политические партии. Распустив партии, Кастелу Бранку инициировал создание одной проправительственной партии – Национальный союз возрождения и оппозиционной – Бразильское демократическое действие³⁶⁴. В основу нового идеологического дискурса была положена доктрина «национальной безопасности». Бразильские военные теоретики допускали широкое толкование этого явления, понимая под «национальной безопасностью» не комплекс мероприятий по защите территориальной целостности и национальной независимости Бразилии, но и действия, направленные на «предохранение нации от противоречий, которые могут ее расколоть»³⁶⁵.

Именно доктрина «национальной безопасности» была положена в основу модернизационной стратегии, выбранной Вооруженными Силами. Теоретики военного режима полагали, что успех модернизации зависит не только от обеспечения национальной независимости, но и от мобилизации политических и экономических ресурсов: «национальная безопасность в значительной степени зависит от общего потенциала страны в целом, чем от

³⁶³ Jornal do Brasil. – 1965. – October, 28.

³⁶⁴ O Estado de São Paulo. – 1965. – October, 28.

³⁶⁵ См.: El papel político y social de las Fuerzas Armadas en América Latina. – Caracas, 1970. – P. 196.

военного потенциала... обеспечение национальной безопасности – реализация развития страны в целом»³⁶⁶.

Модернизация понималась военными как путь к преодолению социальных и национальных противоречий, как вариант национальной консолидации, усиление политической нации. Комментируя этот аспект модернизационной политики военного режима Гаррастразу Медиси констатировал, что «безопасность общества или нации не может быть достигнута в условиях существования социального и национального неравенства, социальной несправедливости»³⁶⁷. Военные настаивали, что модернизация будет успешной исключительно, если страна достигнет «внутренней стабильности»³⁶⁸, которая, в свою очередь, предусматривала и ограниченную демократизацию путем построения «политически открытого общества, в котором необходимость форсированного развития будет сочетаться с существованием демократических свобод»³⁶⁹.

Именно поэтому, в качестве основной цели военного режима его теоретики называли «национальное развитие»³⁷⁰, под которым, вероятно, ими понималась именно модернизация. Комментируя особенности модернизационной политики, генерал Карлос дэ Мейра Маттос писал о необходимости радикальной ломки традиционных отношений и выстраиванием новых, современных, структур: «невозможно насаждать демократию в условиях голода, нищеты и неграмотности... путь к демократии лежит через развитие»³⁷¹. Унификация политического дискурса не стала завершением институционализации военного режима³⁷². В феврале

³⁶⁶ Problemas brasileiras. – 1970. – No 88. – P. 22.

³⁶⁷ Estrategia. – 1970. – No 5. – P. 70.

³⁶⁸ Ibid. – P. 61.

³⁶⁹ Ibid. – P. 61.

³⁷⁰ Ibid. – P. 70

³⁷¹ Revista do Clube Militar. – 1971. – Março. – P. 3.

³⁷² О военном режиме, лояльности и оппозиционности см.: Alves M.N. Estado e oposição no Brasil, 1964 – 1984 / M.N. Alves. – Petrópolis, 1985; Aarão Reis D. Didatura militar: esquerdas sociedade / D. Aarão Reis. – Rio de Janeiro, 2001; Aquino M.A. de, Censura, imprensa, Estado autoritário, 1968 – 1978 / M.A. de Aquino. – São Paulo, 1999; Dreifuss R.A. 1964: A conquista do Estado. Ação política, poder e golpe de classe / R.A. Dreifuss. – Petrópolis, 1981; Kucinsky B. Jornalistas e revolucionários: a imprensa alternativa no Brasil, 1964 – 1980 / B. Kucinsky. – São Paulo, 2003; Novinsky A. Os regimes totalitários e a censura / A. Novinsky // Minorias silenciados: a história da censura no Brasil / ed. M.T. Tucci. – São Paulo, 2000.

1966 года был принят Третий Институционный акт, который завершил демонтаж демократических политических процедур, введя назначение губернаторов³⁷³. Таким образом военные смогли достичь относительной устойчивости и консолидации политического режима. По уровню консолидации и полномочий президента Кастелу Бранку приблизился к тем полномочиям, которыми в 1930-е годы обладал Жетулиу Варгас. Это вызвало недовольство части генералитета, который склонялся к привлечению гражданских партий к управлению страной.

В частности, в августе 1966 годов был вынужден уйти в отставку один из инициаторов военного переворота генерал Амаури Круэл, заявивший, что военный режим не оправдал своего предназначения, «устранив народ от участия в политическом процессе и отказавшись восстанавливать демократию»³⁷⁴. В 1966 году бразильские газеты указывали на то, что армия получила слишком много полномочий: «Институционные акты предоставили очень значительную власть президенту подобно той, которой обладал Жетулиу Варгас в период своей диктатуры... современная Бразилия управляется меньшинством, которое не собирается консультироваться с народом»³⁷⁵. Осенью 1966 года в функционировании военного режима начался новый этап: Кастелу Бранку на посту президента сменил генерал Коста э Силва, избранный на президентский пост депутатами Конгресса. В такой ситуации, стремясь придать большую легитимность режиму 21 января 1967 года была принята и новая Конституция, которая содержала статью о невозможности подвергать судебному преследованию участников военного переворота. Конституция узаконила избрание президента Конгрессом, расширив полномочия первого за счет второго.

В соответствии с новой Конституцией в марте 1967 года Коста э Силва занял пост президента, продекларировав готовность пойти на ограниченную гуманизацию военного режима³⁷⁶. В период правления Косты э Силвы усилилась роль высшего ге-

³⁷³ Fôlha da Semana. – 1966. – March, 31 – April, 6.

³⁷⁴ Jornal do Brasil. – 1966. – August, 9.

³⁷⁵ Correio de Manhã. – 1966. – January, 1.

³⁷⁶ Ianni O. Estado e Planejamento Económico no Brasil (1930 – 1970) / O. Ianni. – Rio de Janeiro, 1971. – P. 239.

нералитета в выборах президента. В такой ситуации бразильские средства массовой информации были вынуждены констатировать, что за весь период существования Бразилии как независимого государства правящий режим еще никогда не обладал такими значительными полномочиями³⁷⁷.

Во второй половине 1960-х годов военный режим стал обретать новые очертания. В декабре 1968 года был издан Пятый Институционный Акт, который наделил военного президента распускать Конгресс и все другие представительные органы. Издание Акта мотивировалось необходимостью защитить Бразилию от леворадикального политического вызова: «антиправительственные акции в школах и университетах, причастность представителей церкви и некоторых средств массовой информации... свидетельствует о существовании в стране революционного движения»³⁷⁸. В августе Коста э Силва в виду ухудшения здоровья был вынужден оставить пост президента. Но за этим не последовало новых выборов президента в Конгрессе и власть перешла триумвирату из главнокомандующих родами войск. В такой ситуации перед военным режимом стояла не только задача своего дальнейшего укрепления и консолидации, но и противодействия попыткам оспорить легитимность режима как слева, так и справа. Именно поэтому в сентябре 1969 года в Бразилии был издан очередной Институционный акт, который предусматривал возможность высылки за пределы страны противников режима, которые представляли угрозу для «национальной безопасности»³⁷⁹.

Кроме этого в сентябре 1969 года был обнародован и другой Институционный акт, который вводил смертную казнь за действия, направленные против военного режима, оценивающиеся как «революционная и идеологическая война»³⁸⁰. Консолидируя режим, военные инициировали принятие нового закона о национальной безопасности, в рамках которого предусматривалось 15 случаев применения смертной казни за действия, направленные на ослабление или свержение существующего строя³⁸¹.

³⁷⁷ Correio de Manhã. – 1968. – January, 10.

³⁷⁸ Mensaje. – 1969. – No 176. – P. 7.

³⁷⁹ Correio de Manhã. – 1969. – September, 10.

³⁸⁰ Jornal do Brasil. – 1969. – September, 9.

³⁸¹ Jornal do Brasil. – 1969. – September, 28.

Репрессивная политика дала свои результаты в 1969 году, когда был убит Карлос Маригела – один из лидеров маргинального течения в бразильском коммунизме, отличавшимся своим крайним радикализмом. Несколько стабилизировав внутривнутриполитическую ситуацию в стране, военные пошли на избрание нового президента. В результате консультаций и совещаний ста генералов и адмиралов новым президентом страны в конце сентября 1969 года был избран генерал Эмилиу Гаррастразу Медиси, а вице-президентом – адмирал Аугусту Радемакер.

В целях дальнейшей консолидации военного режима 17 октября 1969 года была принята «Конституционная поправка № 1», которая фактически стала новой Конституцией. Военный режим придал закону от 17 октября 1969 года именно статус «поправки» в виду того, что Конституцию мог принимать только Конгресс, который в то время не функционировал. Поправка увеличивала полномочия президента, предоставив ему право лишать мандатов депутатов Конгресса и региональных парламентов. Приступивший к исполнению обязанностей президента в конце октября 1969 года, Эмилиу Гаррастразу Медиси продекларировал приверженность лозунгам политического национализма, указав на необходимость дальнейшего развития Бразилии в рамках стратегии «национальной безопасности» при укреплении политического суверенитета³⁸².

На протяжении шести лет (с 1964 по 1970 год³⁸³) своего существования военный режим в Бразилии обрел значительную политическую стабильность и положительную динамику развития. Политический дискурс уверенно контролировался Вооруженными Силами, при значительном участии в политических процессах гражданских интеллектуалов, которые совместно с высшим командованием формировали основные приоритетные направления проведения модернизационной политики. Кроме этого, были ликвидированы внутривнутриполитические вызовы, исходившие от левых радикалов. В такой ситуации военный режим оказался готов к ограниченной демократизации.

³⁸² Estrategia. – 1970. – № 5. – P. 62.

³⁸³ Демократизация в Бразилии началась в середине 1980-х годов.

«КАПЕЛА ДОС ОМЕНС» КАК «УЧАСТОК ПАМЯТИ»: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ БРАЗИЛИИ 1970-Х ГОДОВ

В некоторых разделах этой книги автор уже неоднократно высказывал мысль о том, что историю Бразилии XX века следовало бы интерпретировать в категориях постепенного умирания старого, архаичного, традиционного общества и утверждения новых отношений. Иными словами, писать историю Бразилии не просто как политическую, социальную и культурную, но и как модернизационную.

Новейшая история Бразилии – это и история современной бразильской модернизации. Модернизация – это не просто победа современности и триумф нового над архаикой. Модернизация стала временем умирания и / или отмирания традиционных отношений и институтов, или их трансформации, постепенного приспособления к изменившимся условиям. Не следует так же сводить модернизацию к исключительно внешним переменам и изменениям. Модернизационные процессы оказывают влияние и на такие явления как идентичность и лояльность. На смену старым, преимущественно традиционным идентичностям и лояльностям приходят новые идентичностные проекты и скрытые за ними отношения преобладания и доминирования, подчинения социального и культурного.

Модернизация в Бразилии была связана и с национализмом. К началу XX века Бразилия была уникальной страной в Южной Америки с опытом существования в качестве империи и культивирования особых имперских идентичностей и лояльностей. К началу XX столетия Бразилия, точнее – носители «высокой культуры» этой страны – уже были знакомы с идеями политической нации. Начавшаяся в 1930-е годы модернизация, связанная с правлением Жетулиу Варгаса, внесла существенные коррективы в концепты и проекты политической бразильской нации. До того

момента, когда Ж. Варгас начал применять модернизационную стратегию в рамках авторитарного режима, политический дискурс Бразилии базировался на сосуществовании и сочетании традиционности и современности.

Нередко эта современность носила сугубо внешний характер, что проявлялось в принятии достижений европейской науки и искусства, что в принципе не составляло для бразильских политических и культурных элит, носителей «высокой культуры», особого труда в виду осознания своей принадлежности и причастности к европейской культурной традиции. Сферой почти безусловного доминирования современности был бразильский город, точнее – городской центр.

Аграрная сельская периферия испытала влияние современности в гораздо меньшей степени. В то время, когда в городе и местных сообществах модернизация уже была активно развивающимся и динамично протекающим процессом, в аграрной периферии модернизационные тенденции нередко не выдерживали в конкуренции с традиционностью и архаикой.

В Бразилии сложились различные политические культуры и идентичности. Носители традиционной культуры сохраняли лояльность старым патриархальным, преимущественно – локальным, идентичностям. Носили новой современной культуры отдавали предпочтение современным ценностям. Если в городе политическая борьба была обусловлена принадлежностью к тому или иному сообществу, той или иной культуре, то на периферии сложилась иная ситуация. В городах Бразилии политическая борьба была формой политического участия. Сам процесс участия стал более четко соотноситься с политическими идеологиями, доктринами и стоящими за ними политическими партиями. Аграрная внутренняя периферия не знала столь развитой диверсификации политического дискурса. Политическое участие не было отделено от принадлежности к группе, католическому приходу, городку, селению...

Провести модернизацию, не поборов архаику, не уничтожив стоящие за ней культурные и политические идентичности, отношения лояльности и подчиненности, было невозможно. Поэтому, в своей модернизационной политике Ж. Варгас и правившие после него военные и гражданско-военные режимы уделяли значи-

тельное внимание сознательному и направленному разрушению периферии, ее интеграции в политический контекст и культурный дискурс Бразилии. Разрушение традиционности, преодоление архаики оказались сложными задачами, усилия по разрешению которых стали заметны в Бразилии во второй половине 1960-х годов, с приходом к власти Вооруженных Сил и началом новой волны модернизационных процессов. Традиционная модель общества характеризуется значительными социальными, политическими и культурными потенциями в деле самосохранения, функционирования и воспроизводства.

В странах, переживающих модернизацию, традиционное общество не упускает возможности, чтобы во всеуслышанье о себе заявить. Это самовыражение архаики имеет разные формы – от почти неосознанной стихийной социальной борьбы, направленной на разрушение даже внешних атрибутов современности до художественной литературы, через страницы которой недовольные интеллектуалы рефлексировать и возмущенно размышляют о вызовах современности и судьбе традиционного общества. В настоящем разделе автор обратиться к дискурсам современности и архаике, точнее – к их проявлениям в тексте бразильского писателя XX века Бениту Баррету «Капелла дос Оменс»³⁸⁴.

Текст романа отличается тем, что в его рамках сосуществуют несколько дискурсов, на анализе которых постараемся остановиться подробнее. Один из доминирующих дискурсов – тема смерти и постепенного умирания старого архаичного мира, который не в состоянии выдержать конкуренции с современностью. Процесс модернизации ведет к тому, что сфера доминирования традиционности и безусловного господства архаики постепенно, медленно, но вместе с тем неумолимо, сужается до уровня одного региона, одной местности, одного городка, одной социальной группы, представителей одного поколения («...кроме старых святош в шaliaх и с четками в руках, поучения падре слушают толь-

³⁸⁴ Barreto B. Capela dos homens / B. Barreto. – Belo Horizonte, 1976. О Бениту Баррету см.: Angeli de Paula M.J. “Uma epopéia nos sertões na literatura brasileira pós 1964: Os Guaianãs de Benito Barreto”. Paper presented in “VIII Congresso Luso-Afro-Brasileiro de Ciências Sociais, Coimbra, 2004, Setembro 16 – 18”.

ко богатые фазендейро...»³⁸⁵), которые посредством постоянной коммуникации между собой продляют время, отведенное на существование той идентичности, на которую опирается то или иное локальное сообщество.

С другой стороны, постоянно рефлексирующие интеллектуалы, являющиеся носителями разных политических культур и идентичностей, уже выносят свой приговор Бразилии (он может выноситься как носителями городской культуры: «...дерьмовая нация, гнусное племя... кажется, у нас только и заботы – ожидать, когда американцы и в следующий раз нам нагадят...»³⁸⁶, так и крестьянами, которые в большей степени подвержены влиянию традиционализма: «...проклятая земля, сухая земля...»³⁸⁷), не видя альтернатив модернизации, полагая, что агония традиции будет тем страшнее, чем эта традиция сильнее и устойчивее в различных опирающихся на нее идентичностях и лояльностях. Такая негативная идентичность в условиях модернизации трансформируется в один из мощнейших стимулов социальных перемен. Подобные процессы, в свою очередь, ведут к разрушению границ, в которых протекало существование носителей традиционной культуры: «...это было в марте, в двадцать пятом часу тридцать первого марта – сейчас я не помню, сколько времени мы там провели. Все произошло слишком быстро, смерть налетела как молния, и ночь словно пропитала нас тьмой...»³⁸⁸. Процесс постепенного исчезновения старого мира, где доминировала традиционность, в максимальной степени заметен на периферии, в том «печальном краю, где и время ничего, кроме вреда, не приносит»³⁸⁹.

В такой ситуации периферия трансформируется в литературе в своеобразное «место памяти», не только географически детерминированное, но и текстуально отраженное, что способствует постепенной трансформации отдельных литературных произведений в своеобразные «участки памяти»: «...Сакраменто! Надо

³⁸⁵ См.: Баррету Б. Капела дос Оменс / Б. Баррету // Баррету Б. Капела дос Оменс. Кафайя. Романы / Б. Баррету / пер. с порт. Н. Малыхиной, А. Богдановского. – М., 1980. – С. 36.

³⁸⁶ Баррету Б. Капела дос Оменс. – С. 39.

³⁸⁷ Там же. – С. 274.

³⁸⁸ Там же. – С. 22.

³⁸⁹ Там же. – С. 34.

же, до сих пор существует, и он задумался над таинственной способностью некоторых слов пропитаться сущностью и приметами места, в них запечатленного, в их слогах и звуках – природа и очертания земли...»³⁹⁰. Судьба Сакроменто и подобных ему городков предрешена: «...больше всего меня удручает то, что местечко наше совсем опустело...»³⁹¹.

Малые города Бразилии с их традиционными и в значительной степени архаичными отношениями были не в состоянии противостоять экспансии культуры нового города – источника социальных перемен и изменений. В такой ситуации меняется само содержание понятия «периферия». Эта периферия не всегда является географическим фронтиром, хотя некоторые герои романа склонны акцентировать внимание на сочетании географической специфики с местными идентичностными установками, среди которых – и религиозные («...на Севере крестный ход устроили, дождя просили, нам это некстати...»³⁹²), проявляющиеся, в частности, в вере крестьян в то, что определенные действия са크рального плана могут привести к ожидаемым результатам.

Достаточно особых социальных отношений, не характерного для большого города разделения социальных ролей. Для бразильских интеллектуалов, окраина, периферия – территории не просто исторически, но и культурно и идентичностно приговоренные к отставанию от центра. Бразильская периферия – сфера почти безусловного преобладания традиционности. Традиционные отношения на уровне одного сообщества нередко выстраивались и функционировали по корпоративному принципу. Принадлежность к определенному сообществу, культурной или профессиональной корпорации нередко были категориями, которые непосредственно определяли политический и социальный статус человека. Границы корпорации были почти статичны, почти географически нанесены в воображаемом политическом пространстве. Нарушения этих воображенных культурных и идентичностных границ было явлением, вероятно, чрезвычайно редким, возможным в исключительных случаях.

³⁹⁰ Там же. – С. 28.

³⁹¹ Там же. – С. 46.

³⁹² Там же. – С. 56 – 57.

Народный праздник, карнавал превращался в разгул стихии, когда разрушались социальные границы, а нравственные запреты отвергались: «...Алзира плакала, но стоило ей выйти на улицу, и уже бедра покачиваются, гибкая талия, все тело подрагивает, соблазн овладевает ею, волнуется дивную грудь, готовую вырваться из лифа... но однажды, когда она выходила из церкви на Новой улице появился Журабе... голова задрана, глазами так и зыркает... и только Алзира вышла на площадь, как он подскочил к ней... он задыхался, она шла, он следовал за ней, источая свой запах самца и расталкивая народ... восторг бесноватого... а девушка все шла... вдруг ее походка странно изменилась, она шла мелкими шажками, словно вспоминая танец давних времен... Журабе заревел от удовольствия... пустился в пляс вокруг девушки... ее шаги и покачивание походили на танец... Журабе ликовал, он метался, пускал слюну и вопил... день закончился стрельбой, поножовщиной и попойкой... утром Алзира проснулась шлюхой...»³⁹³.

Карнавал, традиция народного гуляния была принесена португальскими колонистами и глубоко интегрирована в бразильский национальный культурный и идентичностный контекст. Вероятно, карнавал в периферии был своеобразным символическим действием, олицетворяющим саму традиционность. Но при всем своем традиционном и архаичном характере бразильский карнавал способствовал разрушению и размыванию границ, девальвации поведенческих норм, в том числе – и в сфере отношений между полами. Карнавал стал и своеобразным топосом свободы, институционализированным и культурно допустимым культурно санкционированным протестом. У Бениту Баррету образ Журабе – образ, в значительной степени, демонический, образ внедискурсный, принадлежащий одновременно и миру человека и царству зверя: «...взревел Журабе... и лвиной побейкой потрусил дальше, толстозадый, слюнявый, похрустывая суставами. Иногда он останавливался и скреб землю... резко фыркал своими огромными ноздрями и тогда лошади отбегали дальше... он стоял, точно король, и своими мутными глазками смотрел, как мелькают в

³⁹³ Там же. – С. 82.

бегстве их копыта...»³⁹⁴. Перед ним человек может испытывать только страх, и вот, в воспаленном и взволнованном сознании случайного наблюдателя, Журабе постепенно утрачивает свои человеческие черты.

Этого вполне достаточно – реальность и обыденность мира разрушены: «...так он и разгуливал по площади, довольный и наглый, какой-то щенок кинулся на него... Журабе саданул его рогами с такой силой, что пронзил насквозь... а посреди площади умирала кобыла... Журабе подбежал к ней, вскочил на мертвое тело, удовлетворенно задрал морду и взревел, бросая вызов небесам...»³⁹⁵. Журабе в этом контексте предстает как символ традиционности, как живое подтверждение страха, принесенного в Южную Америку португальскими переселенцами, горожанами и крестьянами, которые и на европейской периферии были носителями традиционной культуры.

Периферия в литературном тексте – это сфера доминирования традиционных отношений, сфера почти безусловного преобладания идентичности, основанной на религиозности и верности традициям местного локального сообщества. Умирание старого мира, традиционных и архаичных порядков почти всегда сопровождается не только сменой социальных ролей, формированием новых идентичностных дискурсов, в том числе – и дискурсов насилия («...так было всегда – в смутные времена школы всегда превращают в тюрьмы...»³⁹⁶), активизацией как можно быстрее от нее отказаться, приняв новую культуру, воплощенную в «поэзии электрического света и машин»³⁹⁷, но и борьбой традиционалистов и радикалов, стремлением части носителей традиционной культуры вспышками насилия, инициаторы которых могут преследовать диаметрально противоположные цели – от сохранения традиционности до придания новых импульсов модернизации: «...лошади без седоков все еще бродили по улицам. И мы знали, что там снаружи враги начеку, что они наблюдают за нами, время от времени проносился патруль и гремел выстрел...»³⁹⁸.

³⁹⁴ Там же. – С. 149.

³⁹⁵ Там же. – С. 149.

³⁹⁶ Там же. – С. 23.

³⁹⁷ Там же. – С. 28.

³⁹⁸ Там же. – С. 23.

Модернизация стала для традиционной Бразилии умиранием архаичной культуры. Этот процесс постепенного отмирания и вытеснения старых традиций больно ударил по носителям традиционной идентичности: «...для каждого человека наступает такое время, когда жизнь превращается в непрерывное умирание. С какого-то момента жизнь изношена, время грызет и подтачивает...».³⁹⁹ В такой ситуации столкновения новых и старых социальных институтов и политических традиций неизбежно побеждают новые модернизационные силы и тенденции, но победа эта (особенно – на ранних этапах модернизации) далеко неоднозначна и небесспорна.

Чисто внешний успех модернизации порождает реакцию, ответ умирающей традиционности. Этот альтернативный дискурс нередко базируется на носителях традиционной культуры в ее крайних формах. Это – люди с девиантным социальным и политическим поведением, которых ломка традиционного уклада вынуждает прибегать к насилию. Насилие, вызванное модернизацией, является одним из факторов, который способствует усиленной работе социальной памяти, активной рефлексии относительно прошлого: «...сорок четвертый год... так вот, в том году шла у нас война, в то время всей нашей округой заправлял отец моего мужа... и Журабе, этот дьявол свободно расхаживал по улицам, народ терпел, сносил одно унижение за другим...»⁴⁰⁰.

Рефлексия над прошлым способствует его идеализации. Даже насилие возводится в ранг социальной добродетели: «...раньше было не так, раньше попросту убивали, убитого забывали скоро, а убийца оставался жить победителем, пользуясь всеми преимуществами, которые дает слава... убийство приносит славу... оно давала право на главенство...»⁴⁰¹. В такой ситуации память, рефлексия над прошлым играет с носителями традиционной культуры недобрую шутку – в сознании, сформированном традиционными институтами и отношением, в сознании, которое базируется на дихотомии «добро / зло» и «Бог / дьявол» выкристаллизовывается образ зла – синтезированное и интегрированное представление крестьянина. Этот образ – порождение тради-

³⁹⁹ Там же. – С. 50.

⁴⁰⁰ Там же. – С. 27.

⁴⁰¹ Там же. – С. 143.

ционной народной культуры, подспудных слоев сознания потомков колонистов, которые принесли из Европы представления об образах зла, характерные для романских народов. С такими традиционными образами в сознании носителей традиционной идентичности сочетается и образ своеобразного «нового человека», которые олицетворяет и символизирует вызов: «...это чудовище, вот кто он такой... мне известно, что об этом субъекте решительно все, он не удержался ни в одном коллеже, имел несколько историй с полицией... поджигатель, атеист, безбожник... коммунист...»⁴⁰².

Это – в значительной степени собирательный и синтетический образ, сочетающий в себе как особый тип идентичности, неприятие радикализма и автоматическое выставление за пределы политического дискурса тех, кто оспаривает его функционирование в существующем виде, так и почти полную лояльность существующей политической системе. В такой ситуации сама категория лояльности постепенно трансформируется в один из элементов традиционности. Носители новых идентичностей, те, кто уже сам подвергся модернизации через соприкосновение с городской культурой не приемлют традиционность: «...надо бы снести эту церковь... и покончить со святыми... придет день и мы поставим к стенке всех: и богов и дьяволов...»⁴⁰³. Модернизация в такой ситуации выступает как мощнейшая сила, с которой традиция не в состоянии конкурировать. Традиционность закрепляет социальные и гендерные роли, а сила и привлекательность модернизации состоит в том, что она в силах разрушить эти границы: «...ничто меня не пугает, считаю, что все истины могут быть оспорены... у меня есть немало причин не признавать границу между дозволенным и недозволенным, у меня нет устоев...»⁴⁰⁴. Но и в этом случае протест модернизации против архаики нередко носит маргинальный и внесистемный характер. Процесс принятия новых идентичностей через разрушение старых не может протекать безболезненно. Радикализм традиционалистов и их противников в значительной степени был похож друг на друга, что вело

⁴⁰² Там же. – С. 62.

⁴⁰³ Там же. – С. 105.

⁴⁰⁴ Там же. – С. 206.

к сосуществованию в рамках политической культуры взаимоисключающих идентичностей и лояльностей.

Роман Бениту Баррету «Капела дос Оменс» стал своеобразным участком национальной и исторической памяти Бразилии XX столетия, где встретились и столкнулись различные политические культуры, за которыми стояли особые идентичностные типы и лояльности. Эти идентичностные типы опирались на различные основания.

Традиционная культура, как правило, базировалась на привнесённой из Европы архаики, которая на протяжении нескольких столетий существования потомков португальских колонистов в значительной степени изменилась, став не просто португальской, но бразильской. Сосуществования различных этнических групп и национальных сообществ, многие из которых функционировали в условиях доминирования традиционализма, так же в немалой степени способствовало тому, что традиционные институты и стоящие за ними формы и проявления идентичности (политической, социальной, культурной) оказались в XX столетии сложно-преодолимыми барьерами и препятствиями для начавшейся модернизации. Модернизация, в отличие от традиционализма, стала почти исключительно бразильским политическим проектом.

Доминирования различных форм традиционности объективно тормозило процессы политической, но, главным образом, экономической модернизации Бразилии. В такой ситуации модернизация стало одной из форм националистического движения. Бразильские модернизационные проекты и различные новые типы идентичности стали формами бразильского политического национализма. Но ни один опыт модернизации не даёт нам примеров мирной и быстрой модернизации. Традиционное общество ни в одной из стран Старого и Нового Света не имело ни малейшего стремления к тому, чтобы быть заменённым обществом современным. Поэтому, модернизация – это почти всегда политическая борьба, культурные дебаты и интеллектуальная полемика между традиционалистами и приверженцами нового. В такой ситуации бразильская литература превратилось в сферу политической борьбы и полемики. Литературные тексты стали манифестами модернизации или реквиемом по традиционному обществу.

К какой из этих категорий принадлежит роман Бениту Баррету «Капела дос Оменс»? Бениту Баррету – сторонник модернизации или певец старого доброго прошлого? Вероятно, мы не можем дать однозначного ответа на этот вопрос. Баррету – размышляющий интеллектual, его текст – это рефлексия относительно мучительного опыта модернизации конкретного локального сообщества. Текст стал «местом памяти», свидетельством того состояния расколотости, в котором пребывал культурный и политический дискурс в Бразилии периода активных модернизационных перемен.

«МЕСТА ПАМЯТИ» В БРАЗИЛИИ: МУЗЕИ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Настоящая часть монографии посвящена, как и вся книга, латиноамериканской проблематике, но написана, основываясь на методологии разработанной европейскими историками и которая широко применялась для анализа исторических сюжетов, связанных с прошлым именно европейских наций, с историей их национальных движений и идентичностей. Поэтому, перенос европейского научно-исследовательского аппарата на изучение Латинской Америки, а именно – Бразилии, страны со значительной этнической, культурной и исторической спецификой, может показаться несколько искусственным и надуманным⁴⁰⁵.

Однако современные бразильские интеллектуалы, занятые в сфере гуманитарных исследований, позиционируют себя как европейцев, как носителей европейской культуры тесно связанных с Европой и европейской интеллектуальной и культурной традицией. Поэтому, такой методологический перенос кажется автору вполне обоснованным, оправданным и допустимым. С другой стороны, проблематика, находящаяся в центре внимания автора, разнообразна и обширна. Поэтому, настоящий текст затрагивает лишь некоторые ее аспекты, являясь своего рода введением в изучение истории и современного состояния исторической памяти и «мест памяти»⁴⁰⁶ в Бразилии. Выбор сюжетов и самих му-

⁴⁰⁵ Пытаясь показать ошибочность подобного мнения, автор уделит этой проблеме внимание в Предисловии настоящей книги.

⁴⁰⁶ О «местах памяти» как феномене в теоретической перспективе см.: Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки / Э. Франсуа // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 29 – 43; Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: чья история? Чья память? // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 44 – 71; Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о ней / М. Лоскутова // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 72 – 84; Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен / И. Нарский // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 85 – 88. Не следует соотносить термин «места памяти» с исключительно географически и пространственно детерминированными объектами. «Места памяти» – это и участки социальной памяти. См. об этом подробнее: Marreiro dos Santos P. *Prostituição na Belle Époque manauara: 1890 – 1917* / P. Marreiro dos Santos // *RHR*. – 2005. – Vol. 10. – No 2. – P. 87 – 108. Это вовсе не исключает того, что «места памяти» могут быть

зеев, проанализированных в этом исследовании, результат субъективного мнения автора, что означает, что остальные музеи и проявления исторической памяти в Бразилии нуждаются в дальнейшем изучении.

Вероятно, следует вновь указать на то, что в западной историографии под национализмом, как правило, понимается явление, при котором национальный и этнический признаки должны совпадать⁴⁰⁷. Зарубежные исследователи, изучая национализм, накопили немалый опыт: создана своя типология национализма, исследованы процессы развития национальной идентичности и национализмов в разных регионах мира. В отличие от отечественной исторической науки, западная рассматривает национализм как широкое явление, имеющее огромное количество проявлений. Национализм, рассматриваясь, как политическая доктрина, признается одним из стимулов развития культур и национальных идентичностей⁴⁰⁸. Многие явления общественной жизни западными авторами воспринимаются как национализм, в то время как отечественная историография не склонна интерпретировать их в категориях данного концепта.

В зарубежной историографии прочно установилась связь национализма с таким явлением как «места памяти». Автором этого термина следует признать французского историка Пьера Нора, который еще в 1978 году определил места памяти как «места, в которых общество добровольно сосредотачивает те воспоминания, которые оно считает важной и неотъемлемой частью своего индивидуального облика». Конкретизируя эту свою мысль, он писал, что такими местами могут быть «точки на карте, монументы, символические места, функциональные места»⁴⁰⁹. Поэтому, музеи служат и проявлениями особой «институционализа-

связаны и с реальными географическими ориентирами. См. подробнее: Kyrzczaniw M.W. *Latgale as lieux de memoire: Re-Thinking Histories and Constructing Identities in Nationalistic Imagination* / M.W. Kyrzczaniw // BUPGP SSSUJ. – 2007. – Vol. LIX. – No 1. – P. 125 – 134.

⁴⁰⁷ Gellner E. *Nations and Nationalism* / E. Gellner. - Cambridge, 1983.

⁴⁰⁸ См. напр.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Б. Андерсон. - М., 2001; Бройи Д. *Подходы к исследованию национализма* / Д. Бройи // *Нации и национализм*. М., 2002. - С. 201 - 235; Геллнер Э. *Пришествие национализма. Мифы нации и класса* / Э. Геллнер // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 146 - 200.

⁴⁰⁹ *Le nouvelle histoire* / ed. J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. – Paris, 1978. – P. 401.

ции интеллектуального пространства»⁴¹⁰, где бразильские интеллектуалы пытаются выстраивать прошлое Бразилии в соответствии со своими представлениями о прошлом. К числу таких «мест памяти» относятся и бразильские музеи⁴¹¹.

Современный американский исследователь национализма Энтони Смит пишет о том, что историки играли и играют заметную роль в формировании и развитии национализма⁴¹². Перефразируя слова американского автора, мы можем констатировать, что музеям принадлежит не последняя роль в поддержании национальной идентичности. К тому же среди создателей музеев и среди их современных сотрудников немало историков, формирующих и определяющих их деятельность, которая и состоит в поддержании исторической памяти, иными словами – национальной идентичности.

В интеллектуальной жизни современной Бразилии существует особый музейный дискурс⁴¹³. Он формируется в определенном местном национальном контексте и поэтому с самого начала развивается как проект определенного типа. Поэтому, перефразируя американского исследователя национализма Дж. Фридмэна, дискурс музея, подобно дискурсу написания истории, играет роль

⁴¹⁰ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 222.

⁴¹¹ О музеях в контексте национализма см.: Bennet T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics / T. Bennet. – L. – NY., 1995; Duncan C. Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums / C. Duncan. – L., 1995; Theorizing Museums / eds. Sh. McDonakd, G. Fyfe. – Oxford, 1998.

⁴¹² Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

⁴¹³ То, что музеи играют роль в развитии и сохранении идентичности признается и бразильскими интеллектуалами. См.: Benedict A. Memória e narrativa: uma experiência de autoinvenção / A. Benedict // CP. – 1997. – Vol. IV. – No 3. – P. 87 – 96; Domingues H.M. Os intelectuais e o poder na construção da memória nacional / H.M. Domingues // TB. – 1986. – No 87. – P. 43 – 57; Petruski M.R. A cidade dos mortos no mundo dos vivos: os cemitérios / M.R. Petruski // RHR. – 2006. – Vol. 11. – No 2. – P. 93 – 108; Pollak M. Memória e identidade social / M. Pollak // EH. – 1992. – Vol. 5. – No 10. – P. 200 – 212; Pollak M. Memória, esquecimento, silêncio / M. Pollak // EH. – 1989. – No 1. – P. 3 – 15; Santos A.C. Memória, história e nação / A.C. Santos // TB. – 1986. – No 87. – P. 5 – 13.

и дискурса идентичности⁴¹⁴. С другой стороны, бразильские музеи формируют конкретный круг тем, вокруг которых культивируется идентичность. В такой ситуации, бразильские музеи, будучи «местами памяти», формируют идентичность как самость, культивируя бразильские особенности, материализуя различные аспекты бразильского прошлого и радикально отделяя бразильский исторический опыт от опыта других наций.

Термин, введенный французской историографией, вошел в методологический инструментарий западных исследований национализма⁴¹⁵. В отечественной историографии связь между этими явлениями прослеживается не столь очевидно, хотя переводы западных авторов и написанные под их влиянием отечественные исследования начинают менять ситуацию⁴¹⁶. Эти публикации посвящены французской или украинской тематике⁴¹⁷, базируются на принципах локальной и интеллектуальной истории⁴¹⁸. На таком фоне изучение этой проблемы в латиноамериканской перспективе приобретает определенную актуальность. Данная статья будет посвящена этой проблеме: в центре нашего внимания будут наиболее важные музеи Латинской Америки, которые мы рассмотрим как «места памяти», попытавшись выяснить их связь с местными национальными идентичностями и национализмами.

Число музеев, частных и государственных, в странах Латинской Америки велико. Согласно французским историкам, кото-

⁴¹⁴ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41.

⁴¹⁵ Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past / P. Nora. - NY., 1996; Lieux de memoire: in 7 vols / ed. P. Nora. - Paris, 1986 - 1993.

⁴¹⁶ Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (lieux de memoire): евроцентристские конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 5. - Ставрополь, 2004. - С. 22 - 44.

⁴¹⁷ Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху / С. Екельчик // Ab Imperio. 2004. No 2.

⁴¹⁸ См. напр.: Новая локальная история. - Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции, Ставрополь, 23 мая 2003 г. - Ставрополь, 2003; Новая локальная история. - Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной научной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. - Ставрополь, 2004.

рые принимали участие в проекте «Места памяти», бразильские музеи могут быть интерпретированы как те места, где граждане Бразилии проявляют свое отношение к прошлому: иными словами, признавая его своим, они подчеркивают свою именно бразильскую идентичность⁴¹⁹. В отечественной историографии если музеи и попадали в сферу внимания исследователей, то рассматривались как часть истории культуры, хотя в западной историографии имели место определенные попытки связать их с национализмом и национальными идентичностями⁴²⁰. В самой бразильской историографии уже имели место попытки проанализировать развитие исторической памяти в связи с динамикой национальной идентичности⁴²¹. Эта проблематика бразильскими исследователями преподносится в контексте теорий наций, национализма и памяти, что свидетельствует если не о развитии современной бразильской историографии в рамках западной исторической науке, то об их тесной взаимосопричастности.

Музеи, которые будут в центре внимания автора настоящего исследования, крайне разнообразны содержанием и направлениями деятельности. Нередко в ее рамках преобладает национальная доминанта: Национальный Исторический Музей Бразилии, основанный в 1922 году⁴²², принадлежит к числу наиболее важных национально маркированных культурных комплексов современного бразильского государства. Роль музея как «места памяти» становится очевидной на фоне деятельности, состоящей из исследовательских и просветительских проектов, призванных поддерживать и культивировать интерес к национальной исто-

⁴¹⁹ Nora P. Das Abenteuer der "Lieux de memoire" // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. E. Francois, J. Vogel, H. Siegriest. – Gottingen, 1995. – S. 83 – 92.

⁴²⁰ См., например: Guia dos museus do Brasil / ed. F. de Almeida. – Rio de Janeiro, 1972; Santos M.S. História, tempo e memória: um estudo sobre museus a partir do observação feita no Museu Imperial e no Museu Histórico Nacional / M.S. Santos. – Rio de Janeiro, 1989; Usos de Memórias: política, educação e identidade / ed. J. Carlos. – Passo Fundo, 2002; Chagas M. Memória e Poder: dois movimentos // Museu e Políticas de Memória. Special issue of CSCES / eds. M. de Souza Chagas, M. de Sepúlveda dos Santos. – 2002. – No 19. – P. 35 – 68; Chagas M. Literatura, Museu e Emoção de Lidar // Museu e Políticas de Memória. Special issue of CSCES / eds. M. de Souza Chagas, M. de Sepúlveda dos Santos. – 2002. – No 19. – P. 5 – 34.

⁴²¹ См. напр.: Tucci Carneiro M.L. La Guerra Civil Española a través de las revistas ilustradas brasileñas: imágenes y simbolismos // EIAL. – 1991. – Vol. 2. – No 2.

⁴²² <http://www.visualnet.com.br/mhn>

рии: только на 2005 год Национальный Исторический Музей Бразилии заявил четырнадцать проектов, на наиболее важных из которых мы остановимся подробнее.

Используя терминологию Б. Андерсона, эти проекты призваны «политически омузеить»⁴²³ некоторые, наиболее важные и значимые, аспекты прошлого. С другой стороны, сами бразильские интеллектуалы не чужды анализа проблем исторической памяти в различных ее проявлениях как самостоятельной темы⁴²⁴, так и в более широком историческом контексте⁴²⁵, что еще раз подчеркивает необходимость изучения феномена «мест памяти» в бразильском дискурсе.

Музеи всегда служили проявлением памяти, воплощением ее различных пластов. Поэтому их развитие в Бразилии так же шло как своеобразное позиционирование памяти и ее материальное воплощение⁴²⁶, которым были заняты деятели бразильской культуры. Бразильские интеллектуалы в формировании и выражении своей идентичности, при материализации исторического прошлого и своей исторической памяти вынуждены постоянно учитывать несколько взаимосвязанных факторов. С одной стороны, они принимают во внимание мультикультурный и полиэтнический характер исторического прошлого Бразилии.

В такой ситуации музеи как «места памяти» становятся тем институтом, который помогает гражданам не просто понять, но и принять свою историю⁴²⁷. Поэтому местные музеи нередко призваны эту особенность подчеркнуть. В такой ситуации стратегия

⁴²³ Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. - Київ, 2001. - С. 226. Во время написания статьи я использовал доступное украинское издание, хотя существует и русский перевод: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. - М., 2001.

⁴²⁴ См. напр.: Choay F. A Alegoria do Patrimônio / F. Choay. – São Paulo, 2001; Devorando o tempo. Brasil, país sem memória / eds. S. Benninghoff-Lühl, A. Leibing. – São Paulo, 2001; Memória e patrimônio: ensaios contemporâneos / eds. R. Abreu, M. Chagas. - Rio de Janeiro, 2003.

⁴²⁵ Moritz L. The Spectacle of the Races: Scientists, Institutions, and the Race Question in Brazil / trans. Leland Guyer. – NY., 1999.

⁴²⁶ См. про связь памяти и музея: Todorov T. Les Abuse de memoire / T. Todorov. – Paris, 1995.

⁴²⁷ Про принятие и понимание истории и роль в этом процессе музеев см.: Klessmann Ch. Zeitgeschichte in Deutschland nach dem Ende des Ost-West-Konflikt / Ch. Klessmann. – Essen, 1998.

развития, например, Музея Археологии и Этнографии базируется на изучении прошлого Бразилии одновременно на нескольких уровнях: в рамках истории местных индейских этнических общностей, культуры белых потомков португальских переселенцев и культуры потомков черных африканских рабов⁴²⁸. Проект «Присутствие голландцев в Бразилии: память и воображение»⁴²⁹ Национального Исторического Музея перекликается с западными теориями национализма, базирующимися на концептах памяти и воображения. Проект «Бразилия: наша история» позиционируется как проект, в центре которого всеобъемлющее отражение процесса исторического развития Бразилии, начиная от «индейских истоков» и завершая «процессами автономии и институционализации нации». В рамках проекта используется национальная фразеология, и Бразилия рассматривается как «национальное государство». Такая ситуация служит в пользу предположения П. Нора о том, что «места памяти» являются сложными многоуровневыми категориями, расположенными между представлениями интеллектуалов о национальной истории и между самой исторической памятью⁴³⁰.

Национальный Исторический Музей, будучи «местом памяти» и стремясь культивировать бразильскую идентичность, не забывает о европейской, португальской, прародине. В такой перспективе сама Европа начинает осознаваться как символ, одна большая прародина, как место памяти. Поэтому, музеи берут на себя и функции сбережения «символического элемента мемориального наследия»⁴³¹. Например, в рамках Национального музей действует семинар португало-бразильского центра. Семинар 2005 года заявлен как «Музеи, память и идентичности». В 2005 году

⁴²⁸ Divisão Científica // <http://www.mae.usp.br>

⁴²⁹ О голландском дискурсе в современной исторической памяти в Бразилии см.: Banck G. Memória e imaginário: pensando a cidadania no espelho do Brasil Holandês / G. Banck // República das entias / ed. P. Reis. – Rio de Janeiro. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 41 – 56; Banck G. Delemas e símbolos: estudos sobre a cultura política do Espírito Santo / G. Banck. – Vitória, 1998; Banck G. Memórias e tradições: Cultura política. Brasil versus Holanda / G. Banck // RBCS. – 2007. – Vol. 22. – No 65. – P. 127 – 169.

⁴³⁰ Nora P. Between History and Memory: Les Lieux de memoire / P. Nora // Representations. - Paris. - Vol. 26. - 1989. - P. 7 - 25.

⁴³¹ Nora P. Comment ecrire le histoire de France / P. Nora // Le lieux de memoir. – Paris, 1993. – Vol. 3. Les France. – P. 20.

руководство Музея планировало провести круглый стол по теме «Строя идентичности тридцать лет спустя: роль памятных мест», посвященный португалоязычным государствам Африки⁴³². Музеи склонны позиционировать себя как «места памяти», признавая свою роль в культивировании национальной идентичности.

Наряду с проектами бразильских музеев, постоянные и временные экспозиции являются национально ориентированными и маркированными. Первая в ряду экспозиций 2005 года Национального исторического музея «Колонизация и зависимость» посвящена периоду предистории - истории колонизации и миграции на территорию современной Бразилии европейцев. Наиболее национальная экспозиция «Память имперского государства» связана с имперским периодом в бразильской истории. Часть экспозиций связана с наследием «отцов нации» - наиболее ярких деятелей политической и культурной истории, которые привлекают постоянное внимание местных интеллектуалов. Отдельная экспозиция посвящена конной статуи (Франсиску Манозл Чавес Пинеиру, 1886 год) бразильского императора Педро II, приуроченной окружению парагвайских войск в 1865 году. Другая экспозиция повествует о Родольфу Бернарделли (1852 - 1931) - известном бразильском скульпторе, директоре Национальной школы изящных искусств⁴³³.

Непостоянные экспозиции так же имеют национальный характер. Экспозиция «Memory from Ceará» представляет серию картин Жозе дос Рейса Карвальо - художника и участника научной экспедиции 1859 года. Экспозиция важна для национальной идентичности, так как отражает «живую» историю, свидетельства и рисунки о жизни городов Бразилии 1850-1860-х годов. Вторая выставка - «Ореретама, земля индейцев». Примечателен и перевод названия экспозиции с языка одного индейских племен - «наш дом». Выставка важна обращением к индейской теме, что позиционирует Бразилию как мультикультурный регион. Следующая экспозиция интересна своим названием «Images do Brasil. Historias de todos nos» - «Образы Бразилии: наша собственная история». Она посвящена наследию итальянского худож-

⁴³² <http://www.visualnet.com.br/mhn>

⁴³³ Permanent exhibitions // <http://www.visualnet.com.br/mhn>

ника Алфреду Норфини (1867 - 1944), который во время путешествий по Бразилии посетил ее важнейшие политические и культурно-исторические центры⁴³⁴. Это превращает его творческое наследие в источник по бразильской истории.

Наиболее интересные и, вместе с тем, национально окрашенные сюжеты, связаны с имперским периодом истории Бразилии. Сочетание в исторической бразильской памяти как имперского так и республиканского элемента свидетельствует о ее расколотости даже в той ситуации, когда некоторые ее проявления не только признаются государством, но и материализуются им через создание музеев, как институций памяти⁴³⁵. В музеях маркированных как имперские или республиканские находит свое убежище память разных групп бразильских интеллектуалов и ее институционализация служит санкцией на сохранение и неприкосновенность со стороны оппозиционной части научного и интеллектуального сообщества⁴³⁶.

В этом контексте очевидно смыкание музеев как интеллектуального феномена с политической конъюнктурой. Экспозиции в бразильских музеях, посвященные как имперской, так и республиканской истории всегда использовались для легитимации политических процессов и состояний. История, материализацией и наглядным экспонированием которой призваны заниматься музеи, в такой ситуации стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности⁴³⁷. Сравнивая историю в музеях с той историей, которая формируется в историографии, приходится констатировать то, что они политизированы. Правда, степень политизации прошлого в музеях, вероятно, ниже, чем на страницах исследований по истории современных интеллектуалов Бразилии.

⁴³⁴ Itinerant exhibitions // <http://www.visualnet.com.br/mhn>

⁴³⁵ О теоретической стороне проблемы см.: Leniaud J.-M. *Le utopie française* / J.-M. Leniaud. – Paris, 1992.

⁴³⁶ О таком сохранении и сбережении различных дискурсов прошлого, даже оппозиционных друг другу, см.: Нора П. Между памятью и историей / П. Нора // Франция – Память. – СПб., 1999. – С. 17.

⁴³⁷ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.

История империй, история имперского центра и территориальных окраин, история имперского воображения и имперских историографий - сюжеты, которые стали изучаться в отечественной историографии в рамках исследований национализма относительно недавно. Музеи Бразилии в своем обращении к имперскому прошлому стимулируют национальную идентичность гораздо больше, чем сюжеты, связанные с исторической памятью, национальным воображением и колониальными перспективами истории. Экспозиции, связанные с периодом Империи в Национальном музее и специально посвященный имперскому прошлому Музей Империи призваны стимулировать совершенно конкретный тип исторической рефлексии у бразильских интеллектуалов⁴³⁸.

Они показывают тот дискурс бразильской идентичности, который в силу исторических обстоятельств оказался тупиковым. Империя пала и сюжеты, связанные с имперским прошлым, уступили место республиканскому настоящему и его материализации, в том числе и при помощи музеев. Бразильский Музей республики в такой ситуации выступает в роли контрпроекта тому имперскому дискурсу идентичности, который остается популярным и исторически привлекательным сюжетом для исследователей. При этом имперские экспозиции имеют и еще одну важную функцию при формировании идентичности современного бразильского общества.

Имперский дискурс, представленный экспонатами эпохи империи в музеях как местах памяти, имеет важное политическое значение, так как способствует тому, что интеллектуалы Бразилии воспринимают свою историю как историю одного уровня с историей европейских империй. При этом Бразилия еще в XIX веке пережила своеобразный период духовной и интеллектуальной деимпериализации – приспособления идентичности к факту завершения имперской истории. Кроме этого сочетание столь различных тем и откровенно оппозиционных дискурсов прошлого свидетельствует о том, что восприятие истории и ее материализация были и остаются своеобразным полем битвы за вы-

⁴³⁸ О рефлексии и ее месте в развитии исторической памяти и при формировании «мест памяти» см.: Артог Ф. Время и история / Ф. Артог // Анналы на рубеже веков. Антология. – М., 2004. – С. 148 – 149.

страивание идентичности⁴³⁹. Поэтому, сочетание имперских и республиканских мотивов в бразильских музеях как национальных «места памяти» и стало результатом этой ментальной деимпериализации.

Деятельность музеев в Бразилии не ограничивается экспонированием памятников по истории и культуре региона. Национальный Исторический Музей имеет библиотеку, содержащую около пятидесяти тысяч документов и пятидесяти семи тысяч исследований истории, культуры, нумизматики, генеалогии Бразилии. Музей ведет издательскую деятельность. У музея как «места памяти» с информативным компонентом появляется и образовательный компонент, призванный способствовать изучению и популяризации национального прошлого, без которого немыслима бразильская идентичность.

Среди архивных коллекций музея - «Коллекция императорской семьи», которая содержит 1445 документов о двух бразильских императорах – Педру I и Педру II. Архив содержит документы о видных фигурах бразильской истории: о композиторе Антонио Карлосе Гомесе и политике Мигуэле Калмоне Ду Пин э Алмейды, занимавшем различные министерские посты⁴⁴⁰. Это свидетельствует о том, что музеи как «места памяти» являются важным фактором при формировании и поддержании т.н. «национального пантеона» - наиболее национально значимых исторических деятелей того или иного национального государства⁴⁴¹.

⁴³⁹ Когут З.Є. Історія як поле битви. – С. 218 – 219.

⁴⁴⁰ Historic archives // <http://www.visualnet.com.br/mhn>

⁴⁴¹ Эта проблема в латиноамериканской перспективе почти не изучена. См. работы по данной теме, посвященные Украине, которые могут стать ценным введением и методологическим подспорьем при анализе этого феномена в странах Латинской Америки: Yekelchuk S. Stalin's Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination / S. Yekelchuk. - Toronto, 2004; Кирчанов М.В. Иван Франко в советской Украине: социалистический реализм и украинская историческая память / М.В. Кирчанов // Славянский мир в социокультурном измерении. - Вып. 2. - Ставрополь. - 2005. - С. 163 - 177. Возвращаясь к отечественной латиноамериканистике, следует признать, что некоторые аспекты этой проблемы упомянуты в исследовании Б.Ф. Мартынова, посвященном бразильскому дипломату барону Рио-Бранко, что подтверждает, что латиноамериканские штудии начинают включать в себя анализ проблем, связанных с национализмом, но пока крайне медленно. См.: Мартынов Б.Ф. Золотой канцлер. Барон Де Рио-Бранко - великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. - М., 2004.

При Национальном Историческом Музее Бразилии действует исследовательский и образовательный Португало-бразильский центр, созданный в 1998 году. Организация центра была приурочена к пятисотлетию прибытия португальцев в Бразилию. В число целей центра входят: сбор, организация и размещение информации, посвященной изучению «португальского мира», популяризация португальской культуры, координация исследовательской деятельности. Центр провел ряд исследований, посвященных португало-бразильской истории. Проект «Калабуз и окрестности - зов памяти» был посвящен изучению окрестностей горы Кастело. Центр проводит постоянный семинар для работников музеев и историков Бразилии и Португалии⁴⁴².

Музеи в качестве «памятных мест» имеют и еще одну перспективу деятельности. Они способствуют утверждению и развитию национального сознания на общегосударственном уровне, интегрируя сюжеты местной локальной истории в общий контекст национальной истории. Они показывают, что локальная историческая память и национальное воображение местных интеллектуалов, локализованное в рамках определенной территории, являются неотъемлемыми элементами общенациональных исторических нарративов. Другими словами, историописание невозможно без «мест памяти», интегрирующих локальные исторические опыты в контекст одной большой истории, как одного проекта, создаваемого местными интеллектуалами.

Музеи как «места памяти» играют немалую роль в культурной жизни Бразилии. Вместе с тем, наряду с культурной функцией они являются важными стимулами для поддержания, сохранения и развития национальной идентичности. Музеи связаны самым тесным образом с национальной и исторической памятью, доказывая и показывая местным интеллектуалам, что их национальные истории не уступают истории соседних наций. Музей - это не просто место памяти, это место памяти исторической, политической и национальной. Поэтому, в зависимости от ситуации и существующего политического режима «памятные места» могут акцентировать внимание граждан на совершенно различных аспектах исторического прошлого. В странах Латинской Аме-

⁴⁴² <http://www.visualnet.com.br/mhn>

рики музеев, как «места памяти», избежали такой зависимости от политических режимов. Они изначально задумывались как национальные проекты, хотя национальный подтекст и элемент в их деятельности, возможно, стал очевиден относительно поздно, в XX столетии.

Национальный компонент в их активности очевиден: они призваны быть одним из каналов утверждения национальных идентичностей. Поэтому, особое внимание уделяется тем аспектам национальной истории, которые именно национальны. Деятельность Национального Исторического Музея Бразилии – яркий пример того, как музей может играть не просто роль места памяти, но и культивировать национальные идеи, стимулируя развитие национальной идентичности. Этот музей непосредственно обращается к принципиально важным аспектам национальной истории и национального бразильского идентитета. Многие проекты музея призваны стимулировать национальную память и, в данном контексте, они тесно сочетаются с национальным воображением, что выводит нас на новую проблему – проблему Бразилии и других наций и государств Латинской Америки как воображаемых сообществ. Сама постановка темы как синтеза «памяти и воображения» свидетельствует, видимо, о том, что современные бразильские интеллектуалы не только знакомы с теориями Бенедикта Андерсона, но и воспринимают себя как интеллектуалов, воображающих Бразилию.

Память теснейшим образом ассоциируется и с историей. В данном случае история Бразилии прочитывается не просто как история бразильского государства, а именно как «наша», то есть национальная история. Исторические сюжеты и память неизбежно ведут бразильских интеллектуалов к проблеме ранней истории, к колониальным сюжетам, которые, скорее всего, в современной бразильской историографии могут прочитываться в русле постколониальных теорий. Вместе с тем, рассмотренная проблема не ограничивается лишь теми аспектами, которые проанализированы в данной статье. Музеи как «места памяти» нуждаются в дальнейшем изучении и более глубоком анализе, который может показать новые стороны их связи с процессами развития национальных идентичностей и создания национальных историй.

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТНЫХ ДИСКУРСОВ

История культур латиноамериканских государств тесно связана с историей европейской культуры. Такая ситуация связана с особенностями исторического развития местных культур, которые формировались и изменялись под европейским, в первую очередь испанским и португальским, влиянием. Многие латиноамериканские интеллектуалы жили и писали в Европе, в культурном плане считая себя европейцами. В свою очередь, европейские интеллектуалы, которые волею судеб оказывались в Латинской Америке, не отделяли себя от местных культур, способствуя своей деятельностью их сближению и взаимопониманию. Если испанские или португальские интеллектуалы с легкостью интегрировались в местные культуры, то перед выходцами из других стран стояли объективные сложности, связанные с незнанием языка, культурных и религиозных традиций. Поэтому эмигранты первого поколения нередко сохраняли родной язык. Однако постоянный контакт с местной средой существенно влиял на творчество интеллектуалов европейского, например, украинского и белорусского, происхождения.

Их роль в политической и культурной жизни стран Латинской Америки в отечественной историографии почти не изучена. В советский период анализ подобной проблематики был невозможен, так как эмигранты почти всегда осознавались как буржуазные националисты⁴⁴³. В 1990-е годы при общем росте интереса к судьбе соотечественников в Латинской Америке, история украинского и белорусского сообществ оказывалась вне сферы внимания латиноамериканистов. Между тем, проблемы, связанные с

⁴⁴³ Стрелко А.А. Славянские группы в странах Южной Америки / А.А. Стрелко // Этнические процессы в странах Южной Америки. - М., 1981. - С. 514 - 533; Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки / А.А. Стрелко. - Киев, 1980.

деятельностью украинских и белорусских писателей, имеют важное значение для изучения процессов приспособления к латиноамериканской культурной специфике, украинской и белорусской идентичностей. Поэтому, в центре нашего внимания в настоящей главе будет наследие Виры Вовк и Уладзимера Дудзицкого⁴⁴⁴, творчество которых оказалось связано с Латинской Америкой.

Идентичность Уладзимера Дудзицкого, в первую очередь, именно белорусская. Латинская Америка воспринимается как временное пристанище: если он призывал «Плыві у Пэру»⁴⁴⁵, то он не считал, что белорусы непременно должны глубоко интегрироваться. Несмотря на призывы быть мобильными, активно искать свое место в Латинской Америке:

хвалі ад берега -
далей і далей...
чым іх усьцешаць
туманныя далі

доминантными оставались белорусские сюжеты

краем,
што стогне б
б'ецца у русе...
гора ж і ім ы
маёй Беларусі⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ Уладзимер Дудзицкий родился (1911 г.) и вырос в Беларуси. Вира Вовк родилась в 1926 году в Украине. Если У. Дудзицкий сделал первые шаги в литературе в Европе, то В.Вовк как автор формировалась уже в Латинской Америке. Дудзицкий жил в Венесуэле, а Вовк - в Бразилии. О Дудзицком известно крайне мало. Его стихи публиковались в белорусской зарубежной периодике. Вовк была связана с Нью-Йоркской группой в украинской зарубежной литературе. Если Дудзицкий был, скорее националистически настроенным маргиналом, который испытывал немалые трудности в Венесуэле, куда прибыл уже сложившимся человеком, то Вовк смогла успешно интегрироваться в бразильское общество, став профессором Университета Рио-де-Жанейро и возглавив там кафедру сравнительного литературоведения. В настоящей статье основное внимание уделено восприятию латиноамериканской действительности и попыткам сохранения своей идентичности в творчестве этих двух авторов. Другие аспекты не рассматриваются.

⁴⁴⁵ Дудзіцкі У. Жыццё // Ля чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

⁴⁴⁶ Дудзіцкі У. Далей і далей // Ля чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

Если для Дудзицкого Венесуэла так и осталась чуждой категорией, к которой он относился отстраненно, то для Вовк Бразилия превратилась в Родину. При этом, она смогла сохранить свою украинскую идентичность. Ее поэтическое осмысление Бразилии - это осмысление бразильской действительности на украинском языке.

Вовк средствами родного для нее украинского языка создает образ Бразилии, который практически не уступает образам Украины или Беларуси, созданными украинскими и белорусскими интеллектуалами:

Тут болером вечірні дзвони
гарячий подих ллють полям,
як сонце - яблуко червоне
у світі, що - палітра з плям.

Та я чомусь люблю в природі
дощів тугих здорові сні
і сонце, що усе городить
тим чистим обрисом міцним⁴⁴⁷.

Это свидетельствует о глубине интеграции Вовк в бразильское общество, при которой местная реальность позиционировалась как родная, как объективно своя.

В творчестве Дудзицкого преобладают именно белорусские мотивы. Он почти поэтически не переосмысляет местный ландшафт, не интегрирует местную среду в число своих образов. Поэтому, основное «место памяти» для него - Беларусь. Даже будучи в Венесуэле поэтически он возвращается в Беларусь:

Ня першы раз
і не апошні,
мусіць,
баліць душа,
і рады не дасі.
Сьніцёся мне вы,

⁴⁴⁷ Вовк В. Бразильський вечір // Поети Нью-Йоркської групи. Антологія / упоряд. О.Г. Астаф'єв, А.О. Дністровий. - Харків, 2003. - С. 104.

рэкі Беларусі,
і ты, журботная азёраў сінь⁴⁴⁸.

Белорусская тема представлена и более мелкими, локализованными, образами, которые национально окрашены и используются нередко для подтверждения лояльности белорусской идее:

І стогне Лысая Гара:
як тую кроў крывёю сьцерці?
Галосіць нема родны
Край у танцы выскаленай сьмерці⁴⁴⁹.

Если у Дудзицкого доминируют белорусские мотивы, то текст Вовк вписывается в бразильский контекст. Это существенно влияет на лексические стороны ее украинского языка. Особенность украинского языка в поэзии Вовк - наличие лексических бразильско-португальских элементов. Это очень важно, если принять во внимание то, что эта заимствованная лексика присутствует при описании традиционных для украинской поэзии XX века религиозных сюжетов. Религиозный сюжет о Христе о Марии разворачивается на фоне бразильского ландшафта:

Хочеться бігти до тебе,
Маріє, лагідно-добра,
але не тут, де молюнгу діє чари,
і коса равеналі береже воду
цілющу прочанам⁴⁵⁰.

Идентичность У. Дудзицкого не только белорусская, но и европейская. На фоне многочисленных белорусских и европейских образов латиноамериканская проблематика почти не проявляется. С другой стороны, европейская основа творчества белорусского поэта очевидна. Поэзия Дудзицкого испытала влияние европейского послевоенного кризиса, разочарования европейских интел-

⁴⁴⁸ Дудзіцкі У. Ня першы раз і не апошні ... // *Ля чужых берегоў*. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

⁴⁴⁹ Дудзіцкі У. Дымяцца хмары // *Ля чужых берегоў*. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

⁴⁵⁰ Вовк В. Іконостас // *Поэты Нью-Йоркської групи*. Антологія. - С. 104 - 105.

лектуалов старой европейской культуре, которая стала казаться им умирающей, пребывающей в состоянии постоянного кризиса:

Якое сьвету хараство!
На харастве - цьмяныя плямы.
Чыя-ж рука цудоўны
Створ пад сонцам мурзае вуглямі?
Якія контуры на тле
сьвятла вырастаюць і рысы?
Яшчэ ня ўмёр, яшчэ ня стлеў
зарою высыпаны прысак...⁴⁵¹.

Поэзия У. Дудзицкого венесуэльского периода имела мощный европейский, немецкий, базис. Поэтому, Германия нередко предстает как поэтическая прародина:

Твая слава ня мной расьпечана,
хоць сама ты мяне й пякла...
Пакідаю цябе, Нямецчына,
спапялеўшая ўся датла.

Германия оказывается в роли символического посредника между двумя периодами, белорусским и латиноамериканским:

І цяпер, як апошнім дотыкам.
Вычуваю твой боль і сум, -
Над шпілямі халоднай
Готыкі вусны гнеў мой табе нясуць⁴⁵².

Большинство поэтических образов Дудзицкого и венесуэльского периода белоруски локализованы, что свидетельствует о преобладании в его творчестве традиций более ранней белорусской литературы, его связи с ней. Для Виры Вовк такая тенденция характерна в меньшей степени, хотя своеобразная переключка

⁴⁵¹ Дудзіцкі У. Цьмяныя плямы // *Ля чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў*. - Нью Ёрк, 1956.

⁴⁵² Дудзіцкі У. Адменная ода // *Ля чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў*. - Нью Ёрк, 1956.

с Германией в ее поэзии присутствует⁴⁵³. Для нее, как и для У. Дудзицкого, немецкая тема - это прошлое, это личный опыт перед началом нового, латиноамериканского (в случае В. Вовк - бразильского), периода жизни.

Кроме этого, поэтическое наследие У. Дудзицкого граждански ориентировано. Имея опыт пребывания в советских лагерях, наблюдая трудности пришедшего к власти в 1945 году в результате переворота военно-гражданского режима, Дудзицкий пытается пропагандировать демократические ценности, выступает в защиту прав человека:

Хай што хочаць гавораць людзі,
не такі ўжо вялікі грэх:
сяньня тое злачынствам будзе,
калі думка чыя памрэ⁴⁵⁴.

С другой стороны, тяжело переживая эмиграцию, Дудзицкий, находясь в Венесуэле, констатирует, что Беларусь, будучи оторванной от остального мира и белоруссов, пребывает в неволе, за железным занавесом:

І мала слоў, каб выказаць настрой:
і шлях сьвятла, і праўды сьвет зачынен.
Ня плацяць ані гроша за пастой,
а йсьці наперад сяньня - немагчыма⁴⁵⁵.

Возможно, это один из тех примеров, которые демонстрируют сочетание советского опыта с латиноамериканским.

Венесуэла предстает как новая родина белорусских эмигрантов, как пристанище людей пострадавших в Европе от советского тоталитаризма и от мировой войны:

Не гавораць вятры плачу тускнай зары,
што скрываўіла сэрца аб гострыя дзіды,

⁴⁵³ Вовк В. Тيوبینگен // Поэты Нью-Йоркської групи. Антологія. - С. 102.

⁴⁵⁴ Дудзіцкі У. Думка // Ня чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

⁴⁵⁵ Дудзіцкі У. І мала слоў // Ня чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

дзе спыняюцца сны: ля каралявых рыф,
ці на грудзях шчасьлівай
у снох Атлянтыды...⁴⁵⁶.

Белорусские интеллектуалы не могли принять Венесуэлу как свою родину, так как их личный опыт был в значительной степени отягощен годами жизни в Беларуси и в Европе. Эмиграция в Латинскую Америку воспринималась как личная трагедия. Однако, ранний опыт казался им полезным. Пребывание в эмиграции понималась как особая миссия, целью которой было донести до местных интеллектуалов трагедию нации, вынужденной жить в тоталитарном режиме:

У новы край, далёкі і нязнаны,
з пакункам дум - тугой набраклых мар -
нясу гадоў ліхіх пякельны дар -
скамененую горам немач раны⁴⁵⁷.

Если для Уладзимера Дудзицкого характерно поверхностное восприятие венесуэльской действительности, вызванное тем что он воспринимал ее как чуждую и, поэтому, не ставил задачи глубокого поэтического осмысления, то города и даже отдельные городские кварталы для Виры Вовк превращаются в «места памяти». Рио-де-Жанейро предстает как некая данность, как ежедневно наблюдаемая картина, как принимаемая, но не отторгаемая, реальность. Поэтому

старі ліхтары подібали на площу
з сухою криницею,
в ліяні замоталася повна.
Пахучый дощ стукоче:
ксилофон - черепиця,
цвітастої віллі⁴⁵⁸

⁴⁵⁶ Дудзіцкі У. Даты і іксы // Ля чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

⁴⁵⁷ Дудзіцкі У. Пякельны дар // Ля чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

⁴⁵⁸ Вовк В. Largo de boticario // Поэты Нью-Йоркської групи. Антологія. - С. 111.

осознается как «свое» - не украинское или бразильское - а «свое». Ботанический сад в Рио-де-Жанейро так же превращается в «свое»: его описание содержит и бразильски маркированные образы:

танок ліян і вибухи алое
у пралень раю,
пальми - вранішні віяла⁴⁵⁹.

А небольшое бразильское местечко Марианна воспринималось как нечто обыденное и родное:

Твої дзвони, Маріяно,
злото горлі накреслили кола,
розкотилися аж по
вінця долинної чаші⁴⁶⁰.

Венесуэла не воспринимается как окончательно своя страна. Для белорусских интеллектуалов она оставалась чужой. У Дудзицкого белорусы не поняты латиноамериканцами. При этом, он не отрицает того, что сами белорусы не проявили желания к интеграции в местное общество, предпочтя сохранить свою замкнутость:

Ня сыходзяцца горы з горами,
ня збліжаюцца і узвышшы.
Навет думкам, цяжкім і змораным,
на спатканьне ніхто ня выйшаў⁴⁶¹.

В пользу чуждости белорусов венесуэльскому контексту говорит то, что собственно белорусские образы появлялись гораздо чаще, чем латиноамериканские, а сама новая страна не воспринимается как родина и герой почти всегда позиционирует себя в категориях «одиначества»:

⁴⁵⁹ Вовк В. Ботанічний сад // Поети Нью-Йоркської групи. Антологія. - С. 111.

⁴⁶⁰ Вовк В. Маріяна // Поети Нью-Йоркської групи. Антологія. - С. 111.

⁴⁶¹ Дудзіцкі У. Не сыходзяцца горы з горами // Для чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью-Ёрк, 1956.

Я адзін ля вакна у суворай сяджу камяніцы,
а гадзіна другая начы,
— ані шуму, ні шэлесту лісьця...
Толькі месяц, свавольнік,
каб сіні нябеснай напіцца,
із-за хмаркі, вандроўніцы сьвету,
імкнуўся употайкі выйсьці.
Я адзін ля вакна⁴⁶².

Творчество авторов европейского, украинского и белорусского, происхождения в Латинской Америке нередко развивалось вокруг тем, почти исключительно связанных с той Родиной, которую они были вынуждены покинуть. Поэтому, постепенно приходит осознание того, что единственная связь между украинцами и белорусами в мире и их идентичностью — Украина и Беларусь. Поездки в Украину и Беларусь стали каналом для поддержки идентичность и языка. Подобные поездки были редкими, украинцы и белорусы в Латинской Америке были вынуждены существовать в чужом языковом окружении. Они жили в государствах, где внешние условия, хотели украинцы и белорусы того или нет, способствовали их интеграции в местный культурный, испано или португалоязычный, контекст. Все эти факторы способствовали ассимиляции и переходу на португальский или испанский язык. Если эмигранты первого поколения продолжали использовать нередко родной язык, то их дети могли намеренно отказываться от родного языка ради интеграции в испаноязычный или португалоязычный контекст стран Латинской Америки.

Таким образом, развитие украинской и белорусской поэзии в диаспоре в контексте творческого наследия Виры Вовк и У. Дудзицкого было отмечено несколькими тенденциями. Первая тенденция заключалась в том, что украинские и белорусские эмигранты стремились сберечь родной язык и культуру. Вторая тенденция в корне отличалась от первой. Украинская и белорусская диаспорные литературы существовала в диаспоре. Поэтому, число их читателей и потребителей постепенно, но неуклонно, со-

⁴⁶² Дудзіцкі У. Спрытныя жарты // Ля чужых берегоў. Альманах твораў беларускіх эміграцыйных паэтаў і пісьменьнікаў. - Нью Ёрк, 1956.

кращалось. Перед украинскими и белорусскими интеллектуалами возникла проблема пути, по которому могли двигаться украинская и белорусская литературные традиции в изгнании. В этой ситуации существовали четыре альтернативы, а именно: интеграция, ассимиляция, отдаление и маргинализация. Творчество В. Вовк и У. Дудзицкого в разной степени испытало влияние всех этих тенденций.

Изменение тематики, рост интереса к новым родинам, к Латинской Америке, поиск своего места именно там, а не в воображаемой идеальной (точнее – идеализированной) Украине и Беларуси – эти тенденции свидетельствовали об интеграции украинцев и белорусов в латиноамериканский культурный контекст. Сближение украинской и белоруской поэтических традиций с латиноамериканским мэйн-стримом, постепенное слияние с местными культурными трендами неизбежно способствовало ассимиляции. Украинская и белорусская литература Латинской Америки могла оставаться украинской и белорусской чисто лингвистически, но в идейном и смысловом плане они переставали быть только и исключительно украинскими и белорусскими. Внешняя латиноамериканизация текста, проникновения у него местных образов ассимилировали литературу, превращая ее в иноязычный (украинский или белорусский) текст, созданный в другой иноязычном (испанском или португальском) окружении.

Параллельно ассимиляции и интеграции протекал процесс отдаления украинской и белорусской литератур. Они отдалялись от эмиграционной украинской и белорусской поэзии 1920-1930-х годов и от культивируемого советского поэтического канона в СССР и БССР. От прежнего национального романтизма своих предшественников В. Вовк и У. Дудзицки отходили в виду того, что они уже не были национальными романтиками и национальными радикалами, не были националистами в классическом, этноцентричном понимании этого явления характерного для Восточной Европы. Это неминуемо вело к маргинализации: текст из национального нарратива трансформировался в просто текст, постнациональный по своей форме.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, позади более десяти текстов, посвященных проблемам развития и истории национализма и идентичности в Латинской Америке

Это – разные тексты, некоторые из которых почти не связаны между собой. Автор задумывал научную монографию, но вместо нее получился сборник отдельных статей, эссе, объединенных общей темой. Изначально я планировал посвятить эти эссе различным странам. Но в результате в книге возникло своеобразное бразильское ядро – большинство текстов посвящено именно бразильской проблематике. Я включил в книгу и тексты, посвященные Чили и восточно-европейским интеллектуалам в Южной Америке с целью показать, что националистический опыт в регионе отличался значительным своеобразием

Надеюсь, что те, кто прочитал все эти эссе, уловили, что национализм – это не просто политика, но и культура, и литература, неотъемлемая часть политической, религиозной, литературной и интеллектуальной истории Латинской Америки. Недостатки книги очевидны – отсутствие четкой структуры, бразилиоцентризм, игнорирование других стран региона... О достоинствах книги судить читателю...

Хотел ли автор написать еще несколько разделов?

Да, были планы включить в книгу тексты о европейском опыте в Южной Америке, об идентичностных дискурсах, которые возникали и развивались в сообществах европейского происхождения (среди бразильских, чилийских и аргентинских немцев, украинцев, хорватов), о гендере в контексте национального воображения и националостроительства, о соотношении традиционных и современных дискурсов в различных идентичностных проектах...

Но рано или поздно приходится ставить точку...

Надеюсь, что отражу эти темы в своих других работах, возможно, что они станут основой для продолжения этой «монографии», для второй части книги «Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке»...

*Воронеж,
февраль 2008 года*

СОКРАЩЕНИЯ

BUPGP SŞSUJ = Buletinul Universităţii Petrol – Gaze din Ploieşti. Seria ştiinţe socio-umane şi juridice
CH = Cadernas de História
CNT = Cadernas de Nosso Tempo
CP = Comunicação e Política
CSCES = Cadernas de Sociomuseologia. Centro de Estudos Sociomuseologi
DL = Diálogos Latinoamericanos
IREL = Ipotesi: Revista de Estudos Literários
EA = Estudos Avançados
EH = Estudos Históricos
EP = Educação e Pesquisa
FRHEC = Fênix: Revista de História e Estudos Culturais
FUN = Feministas Unidas Newsletter
LBR = Luso-Brazilian Review
LM = Linguagem e Ensino
NE = Novos Estudos
NR = Novos Rumos
PCS = Portuguese Cultural Studies
RBCS = Revista Brasileira de ciências sociais
RBH = Revista de História Regional
RIC da FFC = Revista de Iniciação Científica da FFC
RH = Revista de História
RHR = Revista de História Brasileira
RPPC = Revista de Pesquisa e Pós-Graduação
TB = Tempo Brasileiro
TMRON = Tensões Mundiais. Revista do Observatório das Nacionalidades
TSRS = Tempo Social. Revista de Sociologia

На первой странице обложки. Вверху (слева направо): император Бразилии Педру Второй, президент Жетулиу Варгас, президент Жуселину Кубичек. Внизу: национальный флаг Бразилии. **На четвертой странице обложки.** Верхний ряд: Машаду дэ Ассиз, Плиниу Салгаду, Карлос Маригелла, Луис Карлос Престес. Средний ряд: Жилберту Фрейре, Нельсон Вернек Содре, Гаспар Дутра, Жоау Гуларт. Нижний ряд: Рио-де-Жанейро, Бразилиа

Научное издание

*Максим Валерьевич **Кирчанов***

Ordem e progresso:
память и идентичность, лояльность и
протест в Латинской Америке

Воронеж
2008

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Воронеж, Московский пр-т, 88

Тираж: 100